

ФИЛОСОФИЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИНГВИСТИКА

2

**ТОМ 1
2010**

ISSN 2219-9373

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Серия

**«ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ»**

Научный журнал

ISSN 2219-9373

9 772219 937378 >

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Ивановский государственный химико-технологический университет» (ГОУ ВПО «ИГХТУ»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Иванова Наталья Кирилловна	(главный редактор) – доктор филологических наук, профессор (Иваново);
Раскатова Елена Михайловна	(зам. главного редактора) кандидат исторических наук, доцент (Иваново);
Барбетов Игорь Ильич	(зам. главного редактора) – доцент (Иваново);
Мощева Светлана Васильевна	(ответственный секретарь) – кандидат филологических наук, доцент (Иваново);
Будник Галина Анатольевна	доктор исторических наук, профессор (Иваново);
Клейман Марк Борисович	кандидат психологических наук, доцент (Иваново);
Кондаков Игорь Вадимович	доктор философских наук, кандидат филологических наук профессор (Москва);
Котлова Татьяна Борисовна	доктор исторических наук, профессор (Иваново);
Кривушин Иван Владимирович	доктор исторических наук, профессор (Москва);
Кудряшова Татьяна Борисовна	доктор философских наук, профессор (Иваново);
Масленникова Ольга Николаевна	кандидат филологических наук, доцент (Иваново);
Миловзорова Мария Алексеевна	кандидат филологических наук, доцент (Иваново);
Михеева Любовь Николаевна	доктор филологических наук, профессор (Иваново);
Наумов Владимир Викторович	доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Попова Мария Константиновна	доктор филологических наук, профессор (Воронеж);
Рыженко Валентина Георгиевна	доктор исторических наук, профессор (Омск).

Адрес редакции:

153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7
Email: ino@isuct.ru, big@isuct.ru

Компьютерный набор и верстка: И.Ю. Базлова, Н.В. Холодкова

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-42275 от 08.10.2010 г.

Издатель: ГОУ ВПО “ИГХТУ”

Официальный сайт ИГХТУ: www.isuct.ru

Периодичность изданий журнала 4 выпуска в год

Подписано в печать 24.12.2010. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая. Тираж 100 экз.

Отпечатано на полиграфическом оборудовании кафедры экономики и финансов ГОУ ВПО «ИГХТУ»
153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7

Содержание

История и культурология

Вичужанин Р.В., Клейман М.Б. Драматический театр в социокультурном пространстве города Иванова.....	95
Ильина А.В., Шишкина С.Г. Развитие политического театра в послевоенном пространстве (по материалам зарубежной печати)	99
Столбов В.П. Д.И. Завалишин – историк событий 14 декабря 1825 года (к 185-летию восстания декабристов)	102
Полуярова Д.Н. «Человеку предназначено творцом жить...»: особенности культуры провинциального имения Черницы-Воротынских	108
Суверина Е.В. Детерминанты художественного мышления Г. Гессе: безумие как язык культуры	112

Филология и лингвистика

Лобанова И.В. Представление фонетических явлений в немецком орфоэпическом словаре В. Фиетора	120
Поляков М.С., Милеева М.Н. Проявление русской ментальности в творчестве В.В. Набокова	124

Философия и психология

Зеленцова М.Г., Павлова Е.С. Социально-нравственные аспекты ноосферы	132
Клейман М.Б. К вопросу о методологии и методах исследования социально-психологического климата поселения	136

Теория и практика преподавания гуманитарных дисциплин

Костина Е.В. Модель смешанного обучения (Blended Learning) и ее использование в преподавании иностранных языков	141
Насонова Е.А. Анализ интерпретаций понятия «Учебная автономия»	145
Гурина Д.Л., Сагина С.С., Сироткин Н.А. Физики и лирики: новации в образовании и универсальная личность	153
Малыгин А.А. Теория педагогических измерений как научная основа для повышения эффективности контрольно-оценочных процессов в образовании	154

In memorium

О философе. Памяти Александра Николаевича Портнова	159
Хроника научной жизни	161
Contents	162
Abstracts	164
Список авторов	167
Правила для авторов	168

Р.В. Вичужанин, М.Б. Клейман

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА ИВАНОВА

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: filosof@isuct.ru

Театр – одно из важнейших структурообразующих звеньев социокультурной среды любого города, своеобразная «точка притяжения» для многих его жителей. Иваново – не исключение. Однако особенность социокультурной среды нашего города во многом определили характерную для него специфику данных процессов в XXI веке. Данная статья отражает результаты проведенного авторами эмпирического исследования о роли драматического театра в социокультурной жизни города.

Ключевые слова: драматический театр, социокультурная среда, город, мониторинг, потребительская среда, информационная политика.

Радикальные общественные изменения, начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, по сути, привели к смене парадигмы цивилизационного развития в России. Как следствие, ушел в прошлое советский театр вместе со своим системным, идеологическим, социокультурным основанием. На его месте возникла новая система театральной деятельности. Первое десятилетие XXI века отразило эти изменения.

В малых и средних (с населением до 500 тысяч жителей) городах Российской Федерации чаще всего складывается ситуация, когда театр вынужден работать в условиях ограниченного финансирования, низкой платежеспособности значительной части горожан. Чтобы выжить в экономическом плане, театр вынужден, прежде всего, работать со «своим» зрителем: ориентироваться на его запросы, учитывать (т.е. изучать и прогнозировать) его меняющиеся настроения и пристрастия, привлекать зрителя посредством специальных усилий и даже особых технологий маркетинга.

В качестве объекта анализа мы выбрали Ивановский областной драматический театр. И наш выбор отнюдь не случаен. Город Иваново является, с одной стороны, достаточно типичным для нашей страны городом, центром региона. Но, с другой стороны, социокультурная ситуация в Иваново имеет ряд специфических особенностей: наличие большого числа вузов, а следовательно, высокий образовательный уровень населения; богатые культурные традиции; специфическая демографическая ситуация, характеризующаяся традиционно активной ролью женщин в экономической и социальной жизни.

Ивановский областной драматический театр – это старейший театр в Иваново, один из известных театральных коллективов Центрального Федерального округа. Он был организован в феврале 1933 года на основе слияния драматической труппы И.Г. Громова из Ярославля и Ивановского рабочего театра облпрофсовета в единую труппу Ивановского областного драматического театра. Сегодня это областное государственное автономное учреждение «Ивановский областной драматический театр» с филиалом «Кинешемский драматический театр имени А.Н. Островского», созданное в соответствии с действующим законодательством РФ и Ивановской области.

В первый театральный сезон Ивановский областной драматический театр открылся в здании Нардома (бывший кинотеатр «Великан») спектаклем по пьесе А. Зархи «Улица радости» 5 февраля 1933 года. В 1940 году театр переехал в новое здание, построенное архитектором А.В. Власовым (нынешний Дворец искусств).

Два с половиной десятилетия до закрытия, несмотря на аварийность постройки, театр функционировал. На его сцене выступали крупнейшие художественные коллективы страны. Такие, как Малый театр, МХАТ, активно принимались и коллективы других драматических и оперных театров СССР.

Здесь свой творческий путь начинали известные ивановские мастера сцены К.П. Антипин, Н.Г. Евстафьева, В.А. Щудров и многие другие.

Особую страницу в истории сцены Ивановского драматического театра составила деятельность Л.В. Раскатова: «...яркий неповторимый

талант поднял его до блистательных высот профессионализма, поставил в один ряд с выдающимися актерами России» [1, с. 81]. Признанием этого стало присвоение ему почетного звания народного артиста СССР.

Приход в 1973 году к художественному руководству театром К.Ю. Баранова (Полихрониадаса) был отмечен значительным омоложением труппы и изменением репертуара. Именно тогда свет рампы увидели спектакли «Лошадь Пржевальского» М. Шатрова, «Прощание в июне» А. Вампилова, «Затюканный апостол» А. Макаенка с участием В.Б. Белецкого, В.К. Городничева, Л.И. Исаковой, М.Б. Кашаева, В.П. и Г.В. Лобачевых, Н.С. Максимова и др.

В настоящее время в театре работают актеры, имеющие свою театральную историю: Ольга Амалина, Светлана Басова, Андрей Булычев, Владимир Воронцов, Александр Краснополянский, Ольга Раскатова. Прочно утвердившееся молодое поколение – Елена Иконникова, Евгений Семенов, Татьяна Птицына и еще только начинающие свою творческую жизнь – выпускники актерского курса Ивановского областного училища культуры (ИОУК) 2006 года.

В разное время в театре осуществляли постановки замечательные режиссеры: Ф. Берман, Л. Вайнштейн, Е. Симонов, П. Хомский, И. Южаков; работали именитые театральные художники: С. Бархин, Б. Бланк, А. Великанов, В. Вольский, Т. Сельвинская.

Ивановский областной драматический театр являлся участником фестиваля «Голоса истории» (1993, 1995, 2001 гг.) в Вологде.

В 1994 году спектакль «Невольницы» по пьесе А.Н. Островского был включен в программу фестиваля славянских культур, проходившего в Югославии.

С декабря 2005 года главный режиссер театра – И.В. Зубжицкая. В труппе театра около 40 артистов, среди которых заслуженные артисты России, ведущие актеры, большая группа творческой молодежи.

В театральном сезоне 2009-2010 гг. Ивановский областной драматический театр представил в репертуаре около 20 постановок. В своем творчестве он ориентируется на лучшие образцы русской, советской и зарубежной классики: А. Чехов «Чайка», Н. Птушкина «Они будут так трепетно счастливы», И. Вырыпаев «Валентинов день», Г. Голубенко, Л. Сущенко, В. Хаит «Старые дома», Г. Горин «Феномень», Ж.-Б. Мольер «Школа жен», П. Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» и др.

Современная зарубежная драматургия представлена в репертуаре мелодрамами И. Жамиака «Господин, который платит», Р. Баэра «Два старых краба с нежным панцирем» и французской комедией М. Камолетти «Безумный уик-энд».

В театре открыта Малая сцена – своеобразная творческая лаборатория для экспериментальной драматургии. В репертуаре Малой сцены с 2008 года успешно идет спектакль «Про мою маму и про меня» Е. Исаевой, готовится к выпуску дипломный спектакль выпускников 2010 года актерского отделения ИОУК «Бумажный патефон» А.М. Червинского.

Для юного зрителя театр имеет в репертуаре спектакли-сказки: «Сказка о царе Салтане» А.С. Пушкина, «Приключения Буратино» А. Толстого, «Принцесса и Лягушинный король» А. Шмидта, «Снежная королева», «Самая капризная принцесса» Г.-Х. Андерсена, «Все мыши любят сыр» Д. Урбана и др.

Однако сегодня успешная деятельность театра невозможна без обратной связи, без систематического мониторинга потребительской среды, т.е. зрительской аудитории. К сожалению, данная сторона деятельности долгое время не учитывалась руководством Ивановского драматического театра. В нашей работе делается попытка восполнить этот пробел. С этой целью в марте 2010 года было проведено пилотажное социологическое исследование. Конечно, полученные данные следует рассматривать лишь в качестве постановки вопроса, а также поиска методологических и методических подходов к его решению. Величина выборки не позволяет нам делать значимые обобщения. Тем не менее, мы попытались наметить своеобразную программу действий по налаживанию системы постоянного мониторинга в диалоге театра и зрителя. Выявленные нами тенденции могут быть приняты во внимание руководством драматических театров для разработки адекватных социокультурных стратегий.

В анкете затрагивались вопросы:

- посещаемости;
- репертуарных предпочтений;
- степени досуговых предпочтений
- степени рекламного воздействия и др.

Анализ результатов анкетирования, в котором приняли участие 100 человек, не дает нам основание делать весомые выводы, но позволит продемонстрировать общую тенденцию посещаемости театров, сформирует представление о вкусах, интересах, возрастного и социального статуса зрителей.

Первый вопрос был сформулирован следующим образом: «Являетесь ли Вы жителем города Иваново?». Ответы представлены в анкете. Вопрос касался формального распределения респондентов по различным социальным группам (по социальному статусу в соответствии с уровнем дохода). Среди респондентов жителями города Иваново являлись 78 человек. А 22 человека были гостями города.

Во втором вопросе анкеты мы попытались выяснить, куда бы респонденты предпочли

пойти со своими друзьями и знакомыми в свободное время, т.е. вопрос касался досуговых предпочтений респондентов. Анализируя ответы на данный вопрос, можно сделать предположение, что наибольшим предпочтением театр пользуется у людей старше 50 лет с низким уровнем доходов. Достаточно существенна доля молодых людей в возрасте 20-29 лет, но опять же с низким уровнем доходов. С чем же связано подобное обстоятельство? С одной стороны, это можно рассматривать как следствие ценовой политики театра: средняя цена билетов за 2009 год составила 66 рублей. Но с другой стороны, это обстоятельство может быть связано не столько с деятельностью драматического театра, сколько со стереотипами и клише массового сознания, касающимися желаемых досуговых практик успешного человека. Телевидение и другие средства массовой информации, рекламируя досуговые учреждения коммерческого характера, зачастую забывают о театрах, у которых нет денег на рекламу.

Третий вопрос: «Имеете ли Вы представление о театральной жизни города Иваново?» во многом был связан с деятельностью СМИ, ведь именно они формируют представление о театральной жизни города. И опять же здесь наибольшее количество положительных ответов приходится на представителей старших возрастных групп и представителей молодежи с низким уровнем доходов. Возможно, это связано с тем, что объявления о предстоящих спектаклях в большей степени распространяются в традиционных СМИ (газеты, радио, телевидение). Между тем, молодежь высокого социального статуса все чаще использует Интернет для получения важной информации. С одной стороны ИОДТ имеет свой сайт, но работа в этом направлении только началась и ведется не систематически. Отметим, что немалый процент респондентов ответили на вопрос анкеты отрицательно. Очевидно, что многие опрошенные говорят о недостаточном количестве или эффективности рекламы. Так, в апреле 2009 года реклама в СМИ была самым «дорогим удовольствием» (из беседы с директором Ивановского драматического театра Н.С. Максимова). Хотя радио и телевидение пытаются идти театру навстречу, рекламы недостаточно по причине отсутствия бюджетных средств. По словам ведущей труппой и литературно-драматической частью театра А.В. Михайловой, обмен информацией – это выход на новые позиции расширения театральных коммуникаций, однако, сегодня театр только приступил к реализации данной стратегии, появился свой сайт в Интернете, незначительная доля рекламы на радио и телевидении, но, тем не менее, остро стоит проблема наружной печатной рекламы. На весь го-

род есть около 50 тумб для афиш, на которых реклама драматического театра отсутствует «благодаря» афишам об антрепризах, гастролях, приезжих звезд и объявлениям коммерческих фирм. К слову, из 27 тумб, исследованных нами, рекламу драматического театра мы обнаружили только на одной.

Благодаря усилиям театральных критиков Т. Полосиной, И. Скворцовой, Н. Шутовой, редактора радио ИГТРК В. Мартынова, информация о театре появляется на страницах газет и радио.

Тем не менее, по результатам опроса немногие имеют представление о театральной жизни города Иваново.

Итак, необходимость усиления внимания к рекламной политике очевидна. На наш взгляд, театр, прежде всего, испытывает потребность в развитии и поддержании Интернет-сайта (по крайней мере, если он задается целью привлечь именно современную молодежь, для которой именно Интернет – наиболее востребованный источник информации. Что касается печатной и теле- и радиорекламы, проблему недостатка средств возможно частично решить, развивая PR-деятельность (в частности очень важно заняться распространением пресс-релизов, ведь эта форма PR-коммуникации хорошо зарекомендовала себя как средство бесплатной саморекламы).

Сегодня театру вполне по силам распространять билеты через профкомы учебных заведений, что было бы взаимовыгодно как театру, так и учебному заведению. В университете активизируется работа профкома, расширяется «ассортимент услуг», студентам открывается возможность приобретения билетов по льготным ценам. Театр же реализует билеты, зарабатывая экстенсивным способом, и обеспечивает себе таким образом приток молодых зрителей, которых следует считать аудиторией будущего.

Что касается практики продажи печатной продукции, например, открыток с фотографиями артистов, это традиционно в основном для представлений с участием артистов гастролирующих. Похожий опыт используется Ивановским музыкальным театром, а также Ивановским театром кукол в отношении как фотографий актеров, так и буклетов об истории театра, о спектаклях прошлого и настоящего. Таким образом, эта практика уже доказала свою состоятельность, поэтому при выстраивании театром своей информационной политики ее тоже следует принимать во внимание.

Таким образом, театральная реклама действительно необходима для повышения зрительского спроса и уменьшения меры неопределенности потребительского поведения. Поэтому театру необходимо сформировать свой индивидуальный «образ» в сознании массового зрителя, разработать свой имидж.

Результаты ответа на четвёртый вопрос: «Если Вы знаете о театральной жизни города, то какому театру Вы отдаете предпочтение?» не дает нам основания говорить о какой-то конкуренции в борьбе за зрителя. Каждый театр занимает свою нишу в социокультурном пространстве города.

В пятом вопросе анкеты мы попытались выяснить мотивы посещения театра. Результаты опроса дают нам основание говорить о востребованности театра в среде респондентов с низким уровнем доходов.

В числе самых популярных причин респонденты назвали:

- отвлечься от забот – 32 %;
- культурно провести вечер – 31 %;
- окунуться в праздничную атмосферу театра – 9 %.

Очевидно, что респонденты ориентируются на развлекательный жанр театра.

В числе самых не популярных причин посещения театра респонденты назвали:

- погрузиться в жизнь, полную страстей и переживаний - 6 %;
- соприкоснуться с актуальными проблемами нашей жизни – 2 %.

Исходя из сказанного, понятно распределение ответов респондентов на вопрос о том, какой спектакль оставил наиболее яркое впечатление. Как очевидно из ответов, наиболее очевидна востребованность комедийных спектаклей.

Учитывая стрессовые нагрузки в современном городе, данная тенденция является вполне объяснимой. В то же время внушает оптимизм репертуарная политика театра. Развлекая зрителя, театр в то же время предъявляет высокие требования к репертуару и театр не тяготеет к пошлости и вульгарности, характерной, например, для комедийных передач на многих российских телеканалах. И комедийный жанр представлен в основном классическими образцами. Мы считаем, что практика показа классических комедий должна быть продолжена и в дальнейшем.

Результаты ответов на вопрос «С кем Вы чаще всего ходите в театр?» дают основание говорить о высокой роли коллективных посещений. Можно предположить, что это связано с тем, что коллективные посещения театра чаще практикуются в бюджетных организациях, где уровень доходов невысок. Поэтому администраторская служба театра могла бы использовать различные методы продаж театрального продукта, с учетом таких аспектов как: целевая аудитория, доступ, планы билетных продаж и программ обеспечения сбыта (абонементы, групповые продажи, продажи учащимся, абонементы на часть сезона, продажи внутри фирм и т.д.).

Следующий вопрос был таким: «Какие отзывы о театре преобладают среди Ваших друзей, знакомых, коллег?». Ответы на вопрос свидетельствуют о том, что, в целом, отзывы о театре являются положительными. Однако, никто не обратил внимание на то, что вся обстановка в театре удачно дополняет спектакль. Это настораживает. Исключение составили лишь респонденты старшей возрастной группы с низким уровнем доходов. Это связано с тем, что театр мало уделяет внимание оформлению фойе, не создает атмосферу праздника, торжественности, традиционно связанную с посещением театра. В этом отношении интересен опыт работы Кинешемского драматического театра: там функционирует музей истории театра, что позволяет всем зрителям окунуться в атмосферу формирования традиций театра, почувствовать свою причастность к высокому искусству еще до начала спектакля.

Анализ ответов на последний вопрос анкеты показывает, что основная масса респондентов, особенно молодежь и люди среднего возраста, достаточно редко посещает театры. На наш взгляд, причин тому много: неактивное сотрудничество театра со СМИ и театральными критиками, недостаточная работа по привлечению зрителя, неактуализированный собственный имидж.

Это дает нам основания дать рекомендации руководству театра активнее пропагандировать репертуарную политику и богатые традиции ИОДТ, использовать современные технологии, а также сделать обстановку в театре более праздничной, комфортной, располагающей к активному восприятию зрителями театрального искусства.

Таким образом, результаты пилотажного опроса позволили нам определить место и роль Ивановского областного драматического театра в социокультурном пространстве города Иванова. Конечно, формы и методы проведения подобных опросов могут и должны совершенствоваться. Однако даже результаты нашего исследования позволяют предположить, что Ивановский областной драматический театр по-прежнему остаётся центром притяжения многих горожан, но, в то же время, происходит «старение» его зрителей. В иерархии престижа различных досуговых практик жителей нашего города посещение театра оказывается далеко не на первом месте. Для того чтобы изменить ситуацию, требуется, чтобы обратная связь театра со зрителем стала более прочной.

Список использованной литературы

1. Бяковский В.С. Адреса Мельпомены. Иваново: Полинформ, 1995. 84 с.

Статья поступила 05.10.2010

Принята в печать 12.10.2010

А.В. Ильина, С.Г. Шишкина

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В ПОСЛЕВОЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ (по материалам зарубежной печати)

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: ino@isuct.ru

Статья рассматривает развивающийся жанр театрального представления – так называемый «политический театр». Анализ англоязычных источников помог выявить некоторые тенденции в становлении этого направления после Второй мировой войны в странах Европы и в США.

Ключевые слова: политический театр, общество, политика, передвижной театр, андеграунд, документальный театр.

В истории человечества театр всегда существовал как истинно народный вид искусства. Сказители, былинные мастера, миннезингеры, шпильманы, труверы и трубадуры, а позднее цирковые артисты и кукловоды со своими Петрушками и Полишинелями выполняли не только эстетическую функцию, но были своеобразными проводниками между правителями и народом, популяризаторами политических идей или обличителями существующих нравов. «Весь мир – театр, а люди в нем актеры», – говорил В. Шекспир словами своего героя, Гамлета, который, как известно, обличил убийцу и попытался вправить вывихнутый сустав¹ при помощи импровизированной театральной постановки с говорящим названием «Мышеловка». Возможность импровизации, отсутствие цензуры, самовыражение, прямое эмоциональное воздействие на зрителя – выигрышные составляющие агитационного театра, который становится концептуально значимым и неотъемлемым элементом общественной жизни в тяжелые, переломные исторические моменты.

В XX веке проявился особый интерес к политическому театру; начиная с 1930-х годов (со времен распространения фашизма) данный жанр набирает силу и к 1960-м годам достигает своего расцвета. Появление понятия «политический театр» обычно связывают с именем режиссера Эрвина Пискатора, автора книги «Политический театр» (1929г.) [6]. Однако представляется,

что история политического театра берет начало еще в древнегреческом Аристотелевском театре, концептуально политическом и пропагандистском. Так, нередко драматургию Шекспира сравнивают с политическим театром. Вспомним, ведь и Гамлет, и Король Лир, и многие другие персонажи его трагедий, помещенные автором в далекие для него эпохи, несли определенную политическую идею, актуальную именно для века Шекспира [7].

Если суммировать многоголосицу в определениях нового вида искусства, то можно считать, что термин «политический театр» вбирает в себя предназначенные для сцены представления, концептуально отображающие и исследующие не внутренний мир человека, а его поведение в условиях реального, нуждающегося в улучшении социума. Нужно отметить, что понятие «политический театр» обобщает разнообразные театральные формы, в центре внимания которых находятся современные общественно-политические темы. Интенсивное развитие театра этого вида связывают с именем Бертольда Брехта, пьесы которого стали заметным явлением в жизни Германии после первой мировой войны. Его спектакли воздействовали, прежде всего, не на чувства, а на разум зрителя. Притчевая природа его произведений побуждала к размышлениям, подталкивала к активности и критическому отношению к происходящему на сцене, а следовательно, и в жизни. «Кавказский меловой круг» (1941), «Мамаша Кураж и ее дети» (1938/1939) и другие его сочинения – пример гротескной, антивоенной критики современного ему общества.

¹ Фраза, переведенная на русский язык как «Век расшатался, и скверней всего, что я рожден восстановить его», в оригинале звучит как «Время вывихнуло сустав».

Эпический театр Брехта прямо или косвенно повлиял на театральный процесс во всех странах Западной Европы. Особенно наглядно это проявляется в период Второй мировой войны. Стационарный театр со стационарными массивными декорациями, костюмами и многочисленной труппой уступает место передвижным малочисленным театральным группам. Во многих городах Германии, Италии, Франции, Англии создаются выездные труппы. Актеры выступают в войсковых частях, больницах и госпиталях. Безусловно, передвижные театры предполагали иную форму работы. Происходил во многом вынужденный отказ от декораций и крупных форм, претерпевал изменения и репертуар таких выступлений.

Одним из векторов развития театрального искусства в этот период становится театр агитационный, призванный взбодрить солдата, укрепить веру в неизбежность победы, пробудить патриотические чувства, напомнить о тех, кто остался дома, за линией фронта, и воспитать веру в священность действий, обусловленных высокой целью освобождения мира и собственной страны. Для лидеров разных стран и политических режимов театр становился нередко главным средством идеологической пропаганды.

Наряду с пропагандистским возрождается и развлекательный театр. На смену классическим многоактным постановкам приходят оптимистические небольшие водевильные комедии, направленные, прежде всего, на развлечение публики, на поднятие боевого духа. Такие выступления были насыщены музыкальными и танцевальными номерами.

Роль театра в общей борьбе нельзя недооценивать, и специальные исследования этой проблематики еще впереди. Нам важно, что отмеченные тенденции развития театра в военные годы во многом определили пути становления театрального искусства и в послевоенные годы, которые неоднозначно сказались на положении театра среди других искусств.

С одной стороны, выездной фронтовой театр, основной задачей которого было развлечение публики, формировал невзыскательность вкусов. Еще более усугубило положение развитие телевидения, которое становилось конкурентом театру в стремлении властвовать среди средств массовой информации.

С другой стороны, все большую популярность завоевывал политический, социально значимый театр, направленный на формирование определенной гражданской позиции по отношению к государству, обществу. Отказ от громоздких декораций в пользу передвижных, импровизированных подмостков дает начало театральным экспериментам, в которых такое ограниченное пространство становилось нередко ключевым мо-

ментом постановок. Акцент делается на информационную составляющую постановки. Театр вновь начинает восприниматься как своеобразный способ общения с публикой. Передача социально важной имплицитной или эксплицитной информации становится главной составляющей спектаклей. Сценографический минимализм и эксперимент наряду с актуальной проблематикой создают неповторимое и сильное воздействие. Повсеместный интерес к такому типу театра приводит к возникновению независимых театральных групп и уличных театров, рассчитанных, в одних случаях, на интересующуюся, посвященную публику, в других (в случае с уличными театрами) – на самую широкую аудиторию [4]. Так в противовес официальной, поддерживаемой государством культуре, возникал театральный андеграунд [3].

Таким образом, театральные формы военного времени стали своеобразным базисом для трансформации театрального искусства в первые послевоенные десятилетия. Социальная значимость театра, обострение политических тем, с одной стороны, и отказ от помпезных декораций и костюмов – с другой становились квинтэссенцией театральной мысли послевоенной Европы и Америки. Безусловно, снижение интереса к стационарному театру было вызвано еще и тем, что в действительности многие здания театров были разрушены в ходе войны, а на их восстановление требовались большие денежные средства, которые в короткие сроки было проблематично. К началу 1950-х годов государство стало активно помогать театру. Началось масштабное строительство театральных зданий в Англии, Германии, США. Однако целью правительства было развитие театра развлекательного, что противоречило духу времени и стремлению режиссеров уйти от развлекательности театра в сторону его социально значимой роли.

С точки зрения проблематики обращает на себя внимание то, что в первое послевоенное десятилетие в драматургии Европы главной стала тема оценки прошлого. Театр брал на себя ответственность в деле раскрытия правды о прошедшей войне, что противоречило намерениям официальных лиц. В этом контексте уместным будет упоминание имени немецкого драматурга Вольфганга Борхерта, который в своей пьесе «На улице перед дверью» остро, образно, эмоционально попытался проанализировать меру вины и ответственности немецкого народа за тысячи смертей. Трагичные документальные постановки о военных реалиях собирали большую аудиторию. Эта тенденция достигла своего расцвета в 1960-е годы с появлением так называемого «документального» театра, по своей природе политического [6]. Авторы – создатели образцов данного жанра опирались лишь на свидетельства эпохи, подтвержденные докумен-

тально (например, создается Документальный театр Баннера в Бирмингеме) [10].

Политический или документальный театр, безусловно, с момента возникновения претерпевает изменения, однако на протяжении XX века оставался одним из основных течений в театральном искусстве. Интерес к политическому театру в Европе не ослабевает и в настоящее время. Однако сегодня понятие «политический театр» трактуется, как минимум, в двух вариантах: жанр театрального представления и метафорически - политическое манипулирование, желание политических деятелей посредством шоу наладить контакт с избирателями. Стоит отметить, что в Европе понятие «political theatre» является традиционным и часто употребляется во многих значениях. В Европейских странах к политическому театру можно отнести театр Пискагора, Брехта, Театр Групп (в особенности пьесы Клиффорда Одетса), Театр Уоркшоп, пьесы британского драматурга Дэвида Эдгара [1, 8, 9].

Итак, развитию театра после Второй мировой войны способствовали, по крайней мере, две причины, которые в действительности значительно повлияли на развитие европейского театра в послевоенные десятилетия: появление передвижных театров и становление особой разновидности театральных постановок, так называемого политического театра. Театр формировался и развивался в разных направлениях, что способствовало возникновению новых имен в театральной режиссуре.

Политический театр – это театр поисков, экспериментов, революционных изменений. На смену классическому салонному театру приходят смелые новаторские по идейному и композиционному содержанию постановки, сила воздействия которых на зрителя затмевала прежнюю манеру игры. Новые сценические принципы удивляли, а нередко и эпатажили публику, вызывая множество критических откликов, но никогда не оставляли публику равнодушной. Процессы, происходящие в театре после Второй мировой войны, нельзя трактовать однозначно. «Политический театр» поражаел многообразием форм. Происходит дифференциация «политического театра» от имплицитно проводящего политическую линию театрального действия до эксплицитного пылкого, эмоционального уличного театра. Можно предположить, что бурная жизнь 1960-х, отмеченная событиями в Париже, студенческими восстаниями, ростом освободительного движения женщин, введением войск в Северную Ирландию в определенной степени была вызвана и настроениями, нашедшими отражение в новой разновидности театра. В свою

очередь, события 1960-х годов создавали фон для дальнейшего развития, распространения и эволюции политического театра [5, 7, 8]. В 60-х годах он стремился убедить, что ценности, навязанные социумом, должны быть изменены для достижения некоторой степени справедливости.

В Великобритании эта тенденция проявилась в работах таких драматургов как Джон Арден, Эдвард Бонд («Свадьба Папы Римского», 1961-1962 гг.) и Кэрил Черчилль, которые развивают театральные методы эпического театра Б. Брехта. Тематика их постановок разнообразна: от пьес-притч «Последнее прости Армстронга», «Железная рука» (1965) Джона Ардена до феминистских тем и исследований Кэрил Черчилль [2, 7].

В русском языке понятие «политический театр» связано прежде всего с деятельностью Московского Театра на Таганке и именем его режиссера Юрия Любимова. Начиная с 1960-х годов, именно этот театр создавал смелые злободневные постановки, имевшие, чаще всего, большой политический резонанс. Используя классические произведения мировой поэзии и литературы (Б. Брехт, М. Лермонтов, С. Есенин, Ж.-Б. Мольер, У. Шекспир) и современных авторов (А. Вознесенский, Е. Ставинский, Ю. Трифонов и произведения других авторов), Любимов говорил с публикой о прошлом и настоящем, вскрывая слабые места существовавшей политической машины.

Список использованной литературы

1. Anglesey N. Oh What A Lovely War // The Stage. 2007. № 10.
2. Andrews R. Political Theatre // Sunday Tribune. 2004. № 5.
3. Aznar Rodrigo A.M. Un-official Political Theatre in Scotland. Zaragoza, 2000.
4. Doyle M.W. Staging the Revolution: Guerrilla Theater as a Countercultural Practice, 1965-1968 // Imagine Nation: The American Counterculture of the 1960s and '70s. New York: Routledge, 2002.
5. Edgar D. Political theatre // Marxism Today. 1983. № 10.
6. Marcus J.S. Polish Theater That Provokes // The Wall Street Journal. September 8. 2006.
7. Pesti M. On Political Theatre in Germany and Estonia // Cracow Theatrical Reminiscences. April 23-27. 2008.
8. Petterson M. Strategies of Political Theatre // Post-War British Playwrights. L., 2003.
9. Reynolds R.M. Political Theatre in a Post-political age. Canterbury: University Press, 2006.
10. Rogers D. Banner Theatre – What Kind of Theatre? 1997. URL: http://www.bannertheatre.co.uk/what_kind_of_theatre.htm.

Статья поступила 07.10.2010

Принята в печать 14.10.2010

В.П. Столбов

Д.И. ЗАВАЛИШИН – ИСТОРИК СОБЫТИЙ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА (к 185-летию восстания декабристов)

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: stolbov@isuct.ru

Среди памятных исторических дат 2010 года значим день 14 декабря, дата 185-летия восстания дворян-декабристов. Статья посвящена интересной и противоречивой фигуре историка декабризма Д.И. Завалишина.

Ключевые слова: Декабристское движение, дворяне, восстание, сибирская ссылка, монархические иллюзии, трансформация взглядов, просветительская деятельность, мемуарная литература.

Движение декабристов и восстание 14 декабря 1825 года и до настоящего времени занимает большое место в исторических исследованиях многих видных российских ученых. Зарождение декабристского движения и причины, побудившие к этому, программные документы тайных Северного и Южного обществ, материалы допросов декабристов, жизнеописания лидеров этого движения стали главными научными проблемами в исследованиях ученых [6,7,8,11]. Однако при этом, в недостаточной степени исследовались личные записки, воспоминания самих участников восстания, к которым было отнесено около 600 человек, осужденных и отправленных по этапу в Сибирь [13]. Также не в полной мере исследовались воспоминания свидетелей процесса подготовки восстания, косвенно или напрямую причастных к нему. В конце 19 – начале 20 века стала издаваться мемуарная литература о событиях 14 декабря 1825 года, которые, по словам Л.Н. Толстого, «открывали глаза на реальные события, связанные с декабристами». Эти документы являлись ценным источником понимания мотивов участия в движении декабристов, их программных целей в видении будущего России. Конечно же, в сочинениях подобного рода прослеживается некоторый оттенок субъективизма и тенденциозности в освещении своей роли в движении декабристов и событиях на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Среди воспоминаний о декабристском движении выделяется работа «Записки декабриста» Д.И. Завалишина, изданная первоначально в Мюнхене (1904 г.), а затем в Москве (1906 г.)

[4]. Д.И. Завалишин не являлся прямым участником восстания на Сенатской площади. Но по решению следственной комиссии в деле о декабристах он был признан активным сторонником этого движения и был сослан в сибирскую ссылку. В период нахождения в ссылке, он записывал рассказы участников восстания [2; 3]. В сибирской ссылке у Д.И. Завалишина, как и у большинства сосланных декабристов, произошла трансформация взглядов на восстание, а также у него сложились определенные идеи касательно общественной и педагогической деятельности, оценки современной ему реальности.

Личность этого человека вызывала различные мнения среди декабристов. Отрицательные мнения о нем высказывались в связи с тем, что якобы в ходе следствия по делу участников восстания Завалишин раскаялся и признавал свою вину, отказался от своих взглядов и убеждений, просил сослать его в Тобольский монастырь, чтобы загладить свою вину. В качестве положительных оценок личности высказывались мнения, характеризовавшие его как человека прогрессивных взглядов и патриота своей родины [12]. Д.Завалишин после возвращения из ссылки в 60-е годы 19 века занялся систематизацией своих записок и начал борьбу за их опубликование [10]. В журнале «Русская старина» за 1882 год вышла его статья «Вселенский Орден Возстановления и отношения мои к Северному тайному обществу». Наброски материалов: «Декабристы в Москве» и «События 14 декабря 1825 года и мое беспристрастное суждение о нем» долгое время находились в рукописном отделе библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в

Санкт-Петербурге, в настоящее время они опубликованы [5].

На работы Дмитрия Завалишина обратила внимание академик М.В. Нечкина при исследовании материалов о движении декабристов, она оценивала его как одного из лучших историков дня 14 декабря 1825 года. По мнению этого исследователя, Д. Завалишин ставил себе сознательную цель восстановления событий 14 декабря 1825 г., выяснения причин поражения восстания с тем, чтобы ошибки подобного рода выступлений не повторялись. Академик М.В. Нечкина также обратила внимание и на то обстоятельство, что цель, поставленная Д. Завалишиным, предполагала обращение к будущим потомкам России [6,7,8]. Об этом высказывался также историк С.С. Волк в исследовании «Исторические взгляды декабристов», вышедшем в 1958 году.

Следует также отметить, что в советской исторической науке встречались статьи, посвященные оценке тех или иных идей, высказываемых Д.И. Завалишиным в период сибирской ссылки. Так, в статье «Завалишин и Амурский вопрос» (1958 г.) обращалось внимание на критику декабристом царской политики по переселению казаков на Амур [1]. В другой статье, вышедшей в этом издании в 1936 году «Дмитрий Завалишин – мечтатель о русско-американской компании», отмечалось, что в своих взглядах декабрист размышлял о вопросах геополитики, касавшихся организации русского предпринимательства в Калифорнии и переселения в эти земли крестьян.

Жизнь и деятельность Д.И. Завалишина являлась типичной для дворянской семьи. Он родился в 1804 году в семье суворовского генерала Иринарха Ивановича Завалишина, человека широко образованного, либерала по своим взглядам, яростно ненавидевшего аракчеевский режим. В семье была обширная библиотека, чтение книг в ней доставляло большое удовольствие сыновьям генерала. Часто Дмитрий присутствовал при разговоре отца с офицерами, в которых осуждалась аракчеевская политика. Систематическая учеба юноши началась с 1816 года в Петербургском морском корпусе, в котором готовились младшие офицеры для морской службы и корабельные инженеры. В этом же корпусе Дмитрий Завалишин слушал лекции В.К. Кюхельбекера по истории и литературе. Уже в 1817 году в качестве одного из лучших гардемарин Дмитрий Завалишин совершил морскую экспедицию в порты Балтийского моря. В 1819 году в звании мичмана он был оставлен в качестве преподавателя астрономии и высшей математики, а через год он уже преподавал артиллерийскую и математическую науку. Кроме обучения в морском корпусе, Дмитрий Завалишин посещал занятия в университе-

те, медико-хирургической академии, в Горном корпусе, академии художеств, а также изучал производство различных ремесел и искусств. По воспоминаниям будущего декабриста, он стремился расширить свой кругозор в различных областях знания. Преподавательская деятельность Завалишина была настолько интересной для молодого офицера, что позднее он сформулировал свои педагогические идеи как систему методов и принципов обучения молодых офицеров. О педагогической деятельности Завалишина достаточно позитивно отзывался морской офицер, будущий адмирал Корнилов.

Находясь на службе во флоте, молодой офицер замечал множество беспорядков и злоупотреблений, бездушие к своему делу со стороны отдельных офицеров, воровство и обман. Все это вызывало естественное желание найти способ для правильного развития общественного и государственного обустройства. Вместе с тем Завалишина интересовали вопросы внутренней и внешней политики царского правительства, которые отражали определенное недовольство в обществе. По его словам «...все возбуждало и направляло мысли и толки на предметы политические» [4]. Нередко молодые офицеры встречались в обществе адмирала Головина, который имел широкие связи с офицерами Преображенского и Семеновского полков. В кругу морских офицеров и офицеров Преображенского полка ходили стихи-пародии на государя: «Царь наш немецко-русский, носит мундир прусский» или: «...Познай народ российский, а с ним весь мир, что прусский и австрийский я сшил себе мундир» [4].

Общение с офицерами и знакомство с передовыми мыслями о необходимости изменений в обществе, сформировали в Завалишине настроения недовольства и неудовлетворенности положением дел в стране, а также желание сделать как можно больше хорошего для России. В его натуре смешались чувства патриотизма, честолюбия, тщеславия, черт так характерных для эмоциональных личностей и максималистов в своих суждениях: «...Сердце мое было наполнено негодованием, видя такое зрелище в обществе, я восхотел исправить его» [4]. Молодой офицер приходит к мысли о необходимости основать общество, целью которого было бы восстановление нравственных начал и их распространение. Такое общество, по мнению Завалишина, должно быть Вселенским, т.е. охватывающим все народы. Нравственные начала разовьются сами собой, если найти правильную идею. Стремясь к реализации своей идеи, Дмитрий Завалишин делает попытки добиться аудиенции у царя Александра I, который находился в Царском Селе. В этом поступке явно просматривается, насколько сильны были еще у Завалишина царистские

настроения. Однако этой аудиенции не суждено было сбыться.

В 1822 году мореплаватель М.П. Лазарев, зная о талантах молодого морского офицера Завалишина, пригласил его для участия в кругосветном плавании на фрегате «Крейсер». В этом мореплавании принимали участие и морские офицеры, будущие адмиралы Нахимов и Путятин. Дмитрия Завалишина назначили главным ревизором экспедиции, ему также было поручено перестроить артиллерию по новому образцу. Хлопоты по обустройству и снабжению экспедиции позволили столкнуться с теми злоупотреблениями, которые царили в России. Вот как писал Завалишин об этом: «...Через это мне открылась глубина зла, разведавшая основы России, ему было непостижимо, как это еще все держится. Всякий день открывалось новое явление, одно возмутительнее другого» [4].

Во время кругосветного плавания Дмитрий Завалишин написал из Англии письмо царю Александру I в Верону, в которой проходил конгресс монархов стран участниц Священного Союза. Это письмо с планом обустройства России не нашло адресата.

В экспедиции Дмитрий Завалишин интересовался государственным обустройством тех стран, в которых побывала флотилия. Он также был свидетелем бунта матросов против начальства, в котором он негласно становился на сторону бунтующих. В 1823 году экспедиция прибыла в Калифорнию. Увидев плодородные земли, обустроенные гавани, Завалишин мечтал обосновать здесь свое общество под названием «Орден Возстановления» и присоединить Калифорнию к России. Имеются некоторые сведения о том, что он побуждал местное население к провозглашению независимости территории Калифорнии от Мексики с целью присоединения к России и превращению этой территории в плацдарм Ордена. В сути функционирования Ордена было много мистицизма, но вместе с тем надо отдать должное тому, что в программе Ордена четко вырисовывалась просветительская деятельность среди населения, распространение свободомыслия и восстановления прав граждан, внедрение прогрессивных порядков по образцу западноевропейских стран [9].

По возвращению из морской экспедиции Дмитрий Завалишин получил аудиенцию у царя Александра I, однако поддержки для реализации своих идей он не получил, но получил ответ о неприменимости его планов. В этот же период, после зарубежных плаваний, в 1824 году Дмитрий Завалишин получил приглашение адмирала Мордвинова к сотрудничеству в российско-американской кампании. Так произошла встреча молодого офицера с К. Рылеевым и Н. Бестуже-

вым, которые попытались привлечь Дмитрия Завалишина к активному участию в Северном обществе. Это предложение не вызвало у Завалишина интереса, можно даже предполагать, что в Северном обществе он увидел своеобразную конкуренцию в реализации деятельности «Ордена Возстановления». В свою очередь, со стороны Завалишина была предпринята попытка привлечь на свою сторону участников кружка К. Рылеева, на что лидер Северного общества резко отреагировал и решительно это отверг. Вместе с тем К. Рылеев видел в Завалишине и своего союзника, т.к. их объединяла одна цель, но пути и методы изменения общественного устройства России у них были разными. Взаимоотношения между К. Рылеевым и Д. Завалишиным оказались непростыми. К. Рылеев предупреждал Д. Завалишина, что если тот откажется от участия в действиях с членами тайного общества, то они будут решительно выступать против планов Д. Завалишина. Как человек, в некоторой мере тщеславный и желающий играть ведущую роль в деле преобразования страны, Д. Завалишин попытался встретиться с царем, с целью предупреждения его об угрозе и объяснении этой угрозы как следствия злоупотреблений в управлении государством. Это обстоятельство еще раз свидетельствовало о монархических иллюзиях Д. Завалишина.

Являлся ли Д. Завалишин членом тайного Северного общества? В силу имевшихся разногласий с К. Рылеевым, Д. Завалишин не вошел в члены Северного общества. На допросе Следственной комиссии К. Рылеев отрицал членство Д. Завалишина в тайном обществе. Сам арест Д. Завалишина был совершен позднее, нежели арест активных членов Северного и Южного обществ. Как он писал в своих «Записках», его арест был осуществлен вовсе не по делу декабристов, а по ложному донесению на него братом Ипполитом. Д. Завалишину было предъявлено обвинение в государственной измене за якобы сотрудничество с иностранными государствами, а точнее с Бразилией. В архивах Следственной комиссии по делу декабристов Д. Завалишин был отнесен к 1-му разряду государственных преступников. Этот феномен можно объяснить лишь тем, что следствие могло преследовать любого человека с передовыми по тому времени взглядами. К факту своего ареста Д. Завалишин относил также и предательство Арбузова и братьев Беляевых, которые на следствии представили его в качестве члена тайного общества. Конечно, Д. Завалишин мог быть, да и вероятно являлся, косвенным участником тайного общества и движения декабристов. На это обстоятельство указывала М.А. Нечкина. Будучи посвященным во многие дела Северного

общества, и нередко присутствуя на его заседаниях, Д. Завалишин отмечал некоторые недостатки в деятельности тайного общества. По его мнению, в тайном обществе наблюдалось отсутствие единства мнений, а также присутствовало два течения, в которых сторонники Северного общества, возглавляемого К. Рылеевым и П. Пестелем, стояли за революционные преобразования, а члены Южного общества, сторонники Н. Муравьева, разделяли программу менее радикальных преобразований. Если говорить о поддержке Д. Завалишиным той или иной программы тайного общества, то в вопросе о власти он был ближе к программе Н. Муравьева (ограниченная монархия), а в вопросе о земле – сторонником К. Рылеева и П. Пестеля (освобождение крестьян с землей). В самом Северном обществе настороженно относились к Д. Завалишину, высказывалось мнение о его доносе царю Александру I. К. Рылеев имел на руках письмо Д. Завалишина к царю, в котором косвенно упоминалось о тайном обществе, о возмущениях среди передовых людей российского общества порядками в стране, которые наталкивали их на путь революционных изменений. Но доказательство прямого предательства со стороны Д. Завалишина нет.

В 1825 году Д. Завалишин осознал провальность планов по организации Ордена. Это обстоятельство и настороженное отношение к нему самому со стороны членов Северного общества привели его к мысли уехать из Петербурга в Казань. Есть прямые доказательства, что во время своей поездки Д. Завалишин привез в Москву, а затем в Казань рукописную копию комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (в музее истории Казанского университета на одном из стендов находится фотография Д. Завалишина и рукопись комедии «Горе от ума»). Во время этой поездки Д. Завалишин написал письмо К. Рылееву, в котором советовал распустить тайное общество и действовать открыто. Содержание письма и обращения к лидеру Северного общества не нашли отклика у членов тайного общества. Таким образом, мы видим, что Д. Завалишин не занимал видного места в тайном обществе декабристов, но его связи с декабристами, замечания о деятельности общества, дают интересный материал для исследований декабристского движения.

После разгрома декабристских тайных обществ Д. Завалишин был арестован, но за недостаточностью прямых улик участия в тайном обществе он был освобожден. Царь Николай I имел информацию о Д. Завалишине по его работе в морском корпусе и в период кругосветного плавания. Исходя из этого, он назначил Д. Завалишина начальником морского музея и модельной мастерской, а позднее начальником научно-политической торговой экспедиции на

остров Гаити. При таком положении он мог бы свободно бежать из России, этого он не сделал, мотивируя свое нахождение в стране желанием «*прислушаться к мнению общества о неудавшейся попытке декабристов*». В это же время Следственная комиссия по делу декабристов продолжала «раскручивать» следствие, выискивая среди участников движения слабых духом и неустойчивых людей, которые не могли выдержать допросов. Именно во время подобных допросов повторно всплыла фамилия Завалишина и ряда морских офицеров, что послужило поводом для его повторного ареста.

Первоначально на допросах Д. Завалишин стремился запутать дело следствия и ничего не говорил о своих товарищах. Однако позднее у него наступил сильный духовный кризис, результатом которого явилось прошение на имя царя с объяснением своей невиновности и неприкосновенности к какому-либо преступлению. В своем прошении он просил направить его в Тобольский монастырь. 13 июля 1826 года над Д. Завалишиным и его товарищами была совершена гражданская казнь на палубе адмиральского корабля. Решением Верховного Уголовного Суда Д. Завалишин в числе 31 участников движения был отнесен к преступникам I разряда, осужденных на смертную казнь, впоследствии замененную на пожизненную ссылку в Сибирь. 19 января 1827 года осужденные были отправлены Московским трактом в Сибирь.

Сибирский период жизни Д. Завалишина характеризовался следующими событиями. Находясь вместе с другими декабристами в Читинском каземате и придя в себя после душевного кризиса, он стал собирать материалы о 14 декабря 1825 года. Наряду с этим он много занимался самообразованием, изучал иностранные языки, перевел «Илиаду» Гомера и первые главы сочинений Фукидида и Тацита, занимался изучением Сибири и составил карты Забайкалья. В 1830 году декабристы были переведены в Петровский каземат при Петровском заводе. Именно этот период среди декабристов характеризовался как период определенной трансформации их взглядов на ход событий 14 декабря. Д. Завалишин слушал рассказы участников восстания и вместе с другими декабристами пришел к выводу о том, что нужна была иная тактика с привлечением широкой общественности, в том числе, и народа, окружавшего восставших офицеров и солдат. Долгие размышления о причинах декабристского тайного движения привели Д. Завалишина к глубокому анализу событий 1825 года. В этой связи хочется отметить, что им был выделен тезис о закономерном характере появления движения декабристов и чисто русском феномене этого явления. В своей книге «Записки

декабриста» Д. Завалишин приводил ответы декабристов на допросах о мотивах создания тайных обществ. «...Мы с полным убеждением и по совести, на основании всесторонних исследований, можем положительно отвечать, что, как и побуждение к преобразованию государства, так и допущение тех или иных средств для достижения цели истекали вполне из данного положения государства и общества, из данного самим государством воспитания и из собственных исторических примеров, – подражание же внешним примерам и образцам было только уже последующим и второстепенным явлением» [4]. Таким образом, сама русская действительность была причиной возникновения декабристского движения.

Другой важной причиной возникновения декабристского движения, по мысли Д. Завалишина, была Отечественная война 1812 года, которая дала сильный толчок к необходимости преобразования российской действительности и государства. Отечественная война 1812 года пробудила и высоко подняла сознание народного достоинства и «свободное обсуждение обстоятельств, ошибочных действий правительства, от гибельных последствий которого Россия избавится только самостоятельным действием, доблестью народа» [4].

Не менее важной причиной возникновения декабристского движения, по мнению Д. Завалишина, являлась либеральная политика Александра I. «Игры» в либерализм способствовали появлению среди общества надежды на реформаторскую деятельность молодого тогда императора (признание конституции Франции, дарование конституции Польше, обещание подготовки конституции и в России). Учитывая вышесказанное, отметим, что Д. Завалишин пытался найти истоки декабризма как социально-политического феномена в русской действительности, конкретной исторической обстановке того времени. Он стремился доказать появление этого феномена не как случайности, а как закономерности русской реальности.

Взгляд на событие 14 декабря 1825 года Д. Завалишин изложил в статье «Событие 14 декабря и беспристрастное суждение о нем». «В общем историческом ходе вещей это явление – неизбежное как логическое последствие предшествовавших предварительно для данных условий [5].

Д. Завалишин в своих «Записках» по истории декабристского движения также останавливается и на анализе тактики действий членов тайных обществ. В этом вопросе он доказывал, что военные революции в европейских странах не определяли тактику действий декабристов. По его мнению, многие декабристы видели в

русской истории примеры к принятию насильственных переворотов, особенно частыми были ссылки на действия Екатерины II: «...если Екатерина II имела право так действовать на благо отечества, тогда тем более имеет право и всякий русский» [4].

Подвергая анализу сам ход восстания 14 декабря 1825 года, Д. Завалишин большое место в нем отводил его организации. «...План был составлен основательно..., вся сущность плана заключалась в решении начинать восстание с тех частей гвардии, на которых можно было рассчитывать и немедленно вести их на полки, которые по всей вероятности примут участие в восстании [4]. Однако составить план, по мнению автора «Записок», – еще не все: «...Весьма важно было найти людей, способных привести его в действие. В этом деле надо различать военную храбрость от политического мужества» [4]. Главная ошибка организаторов восстания – выборы «диктатором» Трубецкого. По мнению академика М.В. Нечкиной, Д. Завалишин был прав в рассуждении по этому вопросу: «...декабристы, выбирая диктатора, недостаточно различали военную храбрость от политического мужества, редко совмещаемую в одном лице» [6,7,8]. К недостаточной организованности восстания Д. Завалишин относил и то обстоятельство, что в плане хода восстания не была заранее намечена замена Трубецкого на случай, если он не сможет руководить восстанием. К ошибкам организаторов восстания автор «Записок» относил также непродуманность маршрутов следования войск к месту сбора восставших. Одной из главных ошибок в восстании Д. Завалишин считал нерешительность руководителей восстания. «...Восставшие и правительство играли в поддавки. Неподвижность явно была принимаема всеми за знак нерешительности, что парализовало решимость всех полков, готовых и жаждущих случая принять также участие в восстании» [4]. Ошибки организаторов восстания также заключались и в том, что они не использовали промахи самого правительства, они должны были захватить артиллерию, находившуюся на Сенатской площади, занять Петропавловскую крепость и захватить Зимний дворец. В ходе восстания сами действия носили спутанный характер, первоначально задуманный план был разрушен; действия отдельных полков, даже удачные, не достигали результата, т.к. между ними не было связи; общие распорядители отсутствовали на своих местах. Таким образом, обратив внимание на тактические ошибки организаторов восстания, Д. Завалишин тем самым более глубоко проанализировал события 14 декабря 1825 года, нежели другие декабристы – историки этого события.

При объяснении причин поражения восстания поднимался также вопрос об отсутствии помощи восставшим со стороны народа. На это обстоятельство указывали декабристы Якушкин, Поджио, Волконский и др. Д. Завалишин также обратил внимание на эту проблему. По его мнению, оторванность декабристов от народа объяснялась плохим знанием потребностей и желаний людей. От очевидцев и участников Московского полка на Сенатской площади он слышал рассказы о том, что большая часть простых людей, находившихся в это время на площади, говорили восставшим: «*Доброе дело, господа. Кабы, отцы родные, вы нам дали ружья, али какое ни на есть оружие дали, то мы бы вам помогли, духом бы все переворотили*» [4]. Декабристы боялись, что участие народа может отпугнуть от них какой-нибудь сочувствующий полк и вынудит их выступить против них самих; они боялись также возможного грабежа и насилия со стороны вооруженного народа. Вместе с тем, автор «Записок» сам боялся участия народных масс в восстании декабристов, он также считал, что опасения декабристов в отношении участия народа в восстании, были вполне оправданными.

История движения декабристов и восстания 14 декабря 1825 года в описании Д. Завалишина показывает на неоднозначность его оценок по сравнению с описаниями других историков-декабристов. Значимость его анализа истории декабризма заключается в четком определении этого движения как чисто российского феномена, имевшего корни в русской истории.

С 1835 года Д. Завалишин находился в Чите в сибирской ссылке. Здесь он вопреки всяческим запретам занимался педагогической деятельностью. Он также посвятил около десятка лет изучению Сибири, создал труды «Об особом административном и хозяйственном устройстве Забайкалья», «Описание Западной Сибири». После амнистии в 1856 году Д. Завалишина препроводили в Москву и учредили за ним бдительный надзор. В Москве он сотрудничал с рядом

журналов, как то: «Русский вестник», «Русская старина», «Исторический вестник» и др. Он активно участвовал в жизни московской городской среды. На основе своих заметок о восстании 14 декабря 1825 года и записанных воспоминаний декабристов им была создана книга «Записки декабриста». К последним дням своей жизни, т.е. к началу 90-х годов 19 века, Д. Завалишин являлся «последним декабристом», он умер в возрасте 88 лет 5 февраля 1892 года и похоронен в Даниловском монастыре, рядом с могилой Н.В. Гоголя.

Список использованной литературы

1. Барановская А.И. Завалишин и Амурский вопрос // Дальний Восток. 1958. № 4. С. 9-14.
2. Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах. Русские мемуары. Избранные страницы. 1826 – 1856 гг. М., 1990. 186 с.
3. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. 234 с.
4. Завалишин Д.И. Записки декабриста. М., 1906. С. 8-15.
5. Невелов Г.А. Декабристы и декабристоведе. СПб.: Технологос, 2003. 301с.
6. Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 287 с.
7. Нечкина М.В. Когда и где возникло слово «декабристы» // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 10-16.
8. Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1984. 175с.
9. Петров А.В. Письма Д.И. Завалишина из Читы к С.П. Оболенскому и И.И. Пущину: сб. статей «Памяти декабристов». М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. III. С. 22-28.
10. Оксман Ю.Г. Дмитрий Завалишин в борьбе за опубликование своих записок: сб. статей «Декабристы» М.-Л., 1925.
11. Сахаров А.Н. Движение декабристов. М.: Русское слово, 2006. 158 с.
12. Шатрова Г.П. Декабрист Д.И. Завалишин. Красноярск, 1984. 164 с.
13. 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб-Кишинев: Нестор, 2000. Вып. III. 340 с.

Статья поступила 15.10.2010

Принята в печать 22.10.2010

Д.Н. Полуярова

«ЧЕЛОВЕКУ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ТВОРЦОМ ЖИТЬ...»: ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ИМЕНИЯ ЧЕРНЦЫ-ВОРОТЫНСКИХ

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: hist@isuct.ru

В статье рассматриваются аспекты биографий владельцев имения (Измайловых, Митьковых, Детловых), культурно-просветительские идеи и процесс их реализации в усадьбе Чернцы-Воротынских, делается вывод о формировании духовного пространства провинциального имения.

Ключевые слова: «гений места», провинция, культура, просвещение, усадьба.

«Каждый город, каждая область, каждая провинция обладают собственным лицом. Дело не только в явственном различии рукотворных и нерукотворных пейзажей; дело в образе жизни, в том, как люди живут и умирают, в сумме правил, определяющих характер отношений между родителями и детьми, между мужчинами и женщинами, между друзьями и соседями» [3, с. 54].

Ф. Бродель

Современная гуманитарная наука уделяет большое внимание феномену одухотворенного пространства, факторам, определяющим новую «реальность, возникающую на линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества» [4]. Все это в совокупности может быть названо *genius loci*, «гением места, связывающим интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой» [4].

Культуру Российских усадеб в большинстве случаев необходимо воспринимать именно через талантливую, творческую личность. Примером может служить деятельность Н.П. Шереметьева в Останкине, С.С. Апраксина в Ольгове, А.Р. Воронцова в Андреевском [6, 7, 8].

Ярким примером одухотворенного пространства было имение Чернцы-Воротынских (название села и усадьбы, используемое нами, встречается во многих дореволюционных источниках)¹, располагавшееся в Ковровском уезде Владимирской губернии. Осмыслить «гений места» данной усадьбы не так просто, поскольку здесь не было таких известных деятелей, которые сыграли бы роль в российской истории [6, 7, 8]. Но, тем не ме-

нее, владельцы усадьбы были образованными, интересными, неравнодушными представителями своего времени, что не так часто можно встретить в провинциальных усадьбах.

Все владельцы усадьбы Чернцы-Воротынских обладали по-своему ценными личными качествами, определяющими не бытовую модель поведения в пространстве усадьбы и за ее пределами. Все эти люди могут быть названы своеобразными «гениями места», но, может быть, в большей степени один из них – Михаил Платонович Митьков. Воплощая современные веяния культуры, опираясь на семейные традиции просвещения, он создал новые формы культуры, которые определили «гений места» усадьбы в целом.

Приведем еще одну цитату Ф. Броделя, актуальную для наших размышлений: *«Глубинная история... изобилует безмолвными и продолжительными связями, приводящими в равновесие всю систему. По сути дела, связями этими никто не управляет: они устанавливаются сами собой и прошивают пространство насквозь, воссоединяя различные его части» [3, с. 109].* Попробуем проследить такие «связи», пронизывающие историю усадебной культуры Чернцы-Воротынских.

Культурная традиция зародилась задолго до Михаила Митькова. Имение принадлежало семьям Титовых, Волконских, Измайловых. Каждый из владельцев по-своему изменял, трансформировал культурное пространство имения, создавая уникальную атмосферу.

Скорее всего, в 30-х годах XIX при Марии Петровне Измайловой был создан эстетический облик усадьбы: построены особняк и хозяйственные постройки в стиле позднего классицизма, заложен парк, сад. Об особой ауре этого места говорит запись в дневнике владельца соседнего имения Алексея Чихачева в 1838 г.: «9 июля, суббота: «Все мы поехали к Марии Петровне Измайловой и у нее обедали, и гуляли по саду. Мне отменно нравится здешнее местоположение»².

Следующим владельцем усадьбы стал Платон Фотиевич Митьков, статский советник, член Владимирского губернского комитета по крестьянскому делу [9, с. 143], который купил имение у М.П. Измайловой.

Митьковы – известный дворянский род. Старший из четырех братьев Митьковых, декабрист Михаил Фотиевич, находясь на поселении после ареста и ссылки, вел переписку с братом Платоном. Содержание писем свидетельствует, что члены семьи Митьковых были равнодушными, думающими, прежде всего, об общественном благе людьми: «Золотопромышленность ... изменила здешний быт, – пишет Михаил Фотиевич, – Несколько миллионеров... все люди сами по себе большею частью ничего не значащие, грубые, без всякого образования, сорят деньгами, ... а для блага общественного до сих пор не сделано ничего: больница, богадельня, дом умалишенных - все в самом жалком состоянии»³. Таким образом, можно предположить, что мысль о преобразовании собственными силами ближнего пространства была свойственна всем членам семьи Митьковых, но будет она реализована лишь в деятельности следующих поколений дворянского рода, впечатленных атмосферой русской усадьбы. Из писем также мы узнаем, что П. Ф. Митьков высылал брату книги, справочники, карты. Они обменивались впечатлениями о прочитанном⁴.

Приобретя имение в 50-х годах XIX века, Платон Фотиевич первым делом перевез сюда семейную библиотеку, для которой представители рода Митьковых на протяжении века собирали книги и журналы. Много лет фолианты с экслибрисом «Из библиотеки Михаила Платоновича Митькова» и печатью «Герб роду Митьковых. 1509 года» находились в имении Черницы-Воротынских, они насчитывают более двух тысяч томов⁵. Начало собранию было положено Фотием Михайловичем, дедом Михаила Мить-

кова. В библиотеке имеются издания, предназначенные для домашнего образования, военной и государственной службы, ведения хозяйства и, главное, культурно-просветительской деятельности. Неслучайно, в собрании оказалась и книга образовательной направленности «Учреждение императорского воспитательного для приносных детей дома и госпиталя для бедных родительниц в столичном городе Москва».

Именно книги, пусть нецеленаправленно, но оказывали влияние на молодое поколение Митьковых, о чем свидетельствуют подчеркнутые владельцами строки: «нравы народные зависят единственно от нравов государя»⁶, «просвещение – вот та сила, способная «сократить развратность граждан» и «идущая от правителя»; «Человеку предназначено творцом жить и совершенствоваться в обществе с подобными себе... Человек, обладая силами духовными, не довольствуется в удовлетворении своих потребностей серыми естественными произведениями; он их переделывает...»⁷. Таким образом, именно чтение сформировало активную жизненную позицию и стремление к просвещению семьи Митьковых.

Вопрос о традиции и значении чтения в дворянской усадьбе был рассмотрен Т.Н. Головиной на примере семьи Чихачевых. Чтение книг, журналов, газет, обсуждение прочитанного позволяли создать свой неповторимый интеллектуальный мир даже в небольшом провинциальном имении [5, с. 85]. С тем же интересным феноменом значения книги мы встречаемся у Митьковых. Напомним, что Михаил Фотиевич был членом масонской ложи, придающей огромное значение книге как «средству самоусовершенствования, воспитания «внутреннего человека». Скорее всего, влияние масонских идей ощущал и брат Платон Фотиевич, поскольку также высоко оценивал роль книги.

Все это позволяет нам говорить о культурных основах миропонимания владельцев усадьбы Черницы-Воротынских, особом духовном единении, которое и рождало «безмолвные и продолжительные связи, приводящие в равновесие всю систему»: желание помогать ближнему, равнодушные к проблемам общества, стремление изменять посильными средствами культурное пространство места, ощущение себя сопричастным к судьбе страны.

Михаил Платонович Митьков унаследовал имение в 1860 году⁸. Он получил прекрасное образование в Императорском Александровском лицее⁹, затем служил в Государственной канцелярии, где при его непосредственном участии разрабатывался проект по освобождению крестьян от крепостной зависимости [1, с. 226]. М.П. Митьков смог реализовать идеи, которые

на протяжении десятилетий рождались в умах и сердцах владельцев усадьбы – Титовых, Измайловых, Волконских, Митьковых. Главным делом всей жизни Михаила Платоновича было создание начального народного училища в селе Чернцы-Воротынских. В начале 1860-х гг. еще только готовятся либеральные реформы, в том числе и «Положение о губернских и уездных земских учреждениях»¹⁰, в соответствии с которым с 1865 году Земства будут заниматься строительством начальных школ [2, с. 5]. А в селе Чернцы-Воротынских в 1861 году, благодаря попечителю Михаилу Митькову, начальное училище уже действовало, в нем обучалось 32 мальчика и 6 девочек¹¹.

В сельской местности в пореформенный период в России существовало несколько типов начальных училищ¹². В селе Чернцы-Воротынских, несмотря на небольшое количество жителей («крестьян в селе Чернцах-Воротынских мужского пола пятьдесят семь, женского пятьдесят восемь»)¹³, с 1861 года действовала организованная школа¹⁴.

Книжные фонды земских школ не отличались богатством: в Ковровском уезде в 1887 году на одну школьную библиотеку приходилось в среднем около 400 книг. В некоторых начальных училищах библиотек вообще не было. На этом фоне школа села Чернцы заметно выделялась: она имела 1718 экземпляров книг¹⁵.

Первые начальные народные училища имели немало проблем. Попечители нередко не выполняли своих обязанностей и не оказывали помощи учебному заведению [2, с. 10-12]. Уровень образования учителей был весьма не высок [2, с. 75-76], из-за низкой зарплаты существовала проблема кадров. В Чернцком начальном училище эти проблемы были сведены к минимуму. Попечитель М.П. Митьков «помощь оказывает прибавкой жалования учителю 100 рублей и доставляет для училища книги»¹⁶. В 80-х годах XIX века здесь преподавали законоучитель священник В.А. Сокольский, студент духовной семинарии, и учитель П.П. Советов, окончивший Владимирскую духовную семинарию. Учителя в Чернцах-Воротынских работали подолгу, особенно В.А. Сокольский¹⁷.

Открытие Михаилом Митьковым начального народного училища в 1861 году – это своеобразный итог идей и настроений, рожденных владельцами усадьбы Чернцы-Воротынских на протяжении нескольких десятилетий и обусловивших формирование особого культурного пространства места. Для этого пространства Михаил Митьков стал тем «гением места», который, возможно, дал направление развитию провинциальной культуры Чернцкой волости Ковровского уезда.

Следующая владелица усадьбы, близкая родственница Митьковых Софья Юрьевна Детлова, продолжила развитие культурно-просветительских идей. В память о Михаиле Платоновиче в 1891 году она строит одно из лучших в Ковровском уезде двухэтажное здание для народного училища, при входе в него был помещен портрет М.П. Митькова. Пелагея Ивановна Корелова, дочь управляющего именем, смогла продолжить образование и обучаться на бестужевских курсах благодаря материальной поддержке Софьи Юрьевны. Во время учебы Пелагея Ивановна жила в доме С.Ю. Детловой в Санкт-Петербурге.

Таким образом, рассмотренные нами аспекты биографий владельцев, культурно-просветительские идеи и процесс их реализации в усадьбе Чернцы-Воротынских позволяют говорить нам об имении как особом «культурном гнезде». Владельцы усадьбы и их знакомые составляли «тесный круг деятелей», культурные идеи которых зародились и реализовывались в пространстве усадьбы, создавая особую, локальную, «самодостаточную» культуру, которую вполне можно определить как «гений места».

Примечания

1. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб.: тип. Центрального статистического комитета министерства внутренних дел, 1863; Журналы очередного Ковровского земского собрания. Владимир, 1896; Список потомственных и личных дворян Ковровского уезда // «Владимирские губернские ведомости». 1892. № 28.
2. ГАИО. Ф. 107. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 9.
3. Красноярск. 1845. Июнь 2-го, № 37. Л. 2 // Научный архив ИГОИРМ. Рукописное собрание А.И. Блохина. Фонд Декабриста Митькова М.Ф.
4. Красноярск. 1843. Февраля 27-го, № 16. Л. 3 // Научный архив ИГОИРМ. Рукописное собрание А.И. Блохина. Фонд Декабриста Митькова М.Ф.; Красноярск. 1845. Марта 15-го, № 36. Л. 4 // Научный архив ИГОИРМ. Рукописное собрание А.И. Блохина. Фонд Декабриста Митькова М.Ф.; Красноярск. 1845. Июнь 2-го, № 37. Л. 2 // Научный архив ИГОИРМ. Рукописное собрание А.И. Блохина. Фонд Декабриста Митькова М.Ф.; Красноярск. 1846. Января 3-го, № 49. Л. 1 // Научный архив ИГОИРМ. Рукописное собрание А.И. Блохина. Фонд Декабриста Митькова М.Ф.; Красноярск. 1846. Июня 19-го, № 50. Л. 3 // Научный архив ИГОИРМ. Рукописное собрание А.И. Блохина. Фонд Декабриста Митькова М.Ф.
5. Сейчас семейная библиотека Митьковых хранится в Ивановской областной научной библиотеке.
6. Путешествие Младшего Анахарсиса по Греции. М. 1803. Т.1. С. 145.
7. Учебные производства для военно-учебных заведений. География. СПб, 1846. С. 2-3.
8. ГАИО. Ф.291 Оп.1. Ед.хр. 4212. Л. 1

9. Журналы очередного Ковровского земского собрания. Владимир, 1886. С. 6.
10. См.: Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 76.
11. ГАВО. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 468. Л. 1, Журналы очередного Ковровского земского собрания. Владимир, 1886. С. 6.
12. См.: Белоконский И.П. Земское движение. М., 1914. С. 30; Безобразов В.П. Земские учреждения и самоуправление. М., 1874. С. 43-45.
13. ГАИО. Ф. 291. Оп. 1. Ед. хр. 4212. Л. 2.
14. ГАВО. Ф. 449. Оп. 2. Ед. хр. 174. Л. 2.
15. Журналы очередного Ковровского уездного земского собрания. Владимир, 1884 -1889.
16. Журналы очередного Ковровского земского собрания, Владимир.1887. С. 9.
17. Журналы очередного Ковровского уездного земского собрания. Владимир, 1886. С. 9.
2. Балдин К.Е., Иванов В.В. Земские школы ивановского края (конец XIX – начало XX века). Иваново, 2000. 480 с.
3. Бродель Ф. Что такое Франция? М.: Издательство им. Сабашниковых, 1994. Ч. 1. 405 с.
4. Вайль П. Гений места URL: <http://www.biblioteka.ru>
5. Головина Т.Н. Чтение в жизни дворянской усадьбы // Историко-культурный и природный потенциал кинешемского края. Развитие регионального туризма: материалы II региональной краеведческой конференции. Кинешма, 2004. С. 82-87.
6. Евангулова О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 304 с.
7. Мир русской усадьбы: очерки. М.: Наука, 1995. 294 с.
8. Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. М.: Советская Россия, 1992. Вып. 25. 168 с.
9. Фролов Н.В. Дневник Ковровского помещика А.И. Чихачева за 1842 г. // Рождественский сборник. Ковров: БЭСТ-В, 2002. 60 с.

Список использованной литературы

1. Баделин В.И. Земля Иванов. Иваново, 2001. 640 с.

Статья поступила 05.10.2010

Принята в печать 08.10.2010

Е.В. Суверина

ДЕТЕРМИНАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ Г. ГЕССЕ: БЕЗУМИЕ КАК ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ

Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: hist@isuct.ru

В статье предложена попытка осмысления феномена безумия как языка культуры через призму художественных текстов времен Веймарской республики (1919-1933) немецкого писателя и поэта Германа Гессе. В статье суммируются основные положения дипломного сочинения, подготовленного в рамках выпускной квалификационной работы «Бакалавр культурологии».

Ключевые слова: безумие, язык культуры, детерминанты, художественное мышление.

*«Чем же должен я быть – тот я,
который мыслит и который есть моя мысль, –
чем должен я быть, чтобы стать тем, чего я не мыслю,
чтобы мысль моя стала тем, чем не являюсь я сам?» [16].*

Герман Гессе в одной из своих самых знаменитых работ, прежде чем начать повествование, предупреждает каждого: «Только для сумасшедших!» [4, с. 25]

Безумие в его поздних романах, пришедших на время демократических свобод и социального хаоса в Германии, становится лейтмотивом, способным дать герою некое осознание окружающей его действительности и своего места в ней.

Исторически безумие и его язык, складывающийся на протяжении столетий, являлся феноменом, аргументом исключенным из пространства культуры, но и одновременно фактором определяющим (отличающим) развитие этого пространства. Рассматривая историю безумия, можно говорить о том, что это явление не есть лишь свидетельство дурных дефектов возникающих у больного, оно говорит о порочной природе человека вообще. «Поведение безумца асоциально и аморально, но оно является манифестацией антропологической бездны, способной развернуться при определенных условиях в душе любого человека. Поэтому безумие не является частным клиническим случаем, а совпадает с предметом вечных философских дискуссий об изначальной сущности человеческого существования, о структуре субъективности, о смысле и предназначении человека» [15].

Безумие, являясь противоположностью разума, всегда было тесно связано с культурой.

Эти два явления подспудно направляли и влияли друг на друга. Опираясь на идеи Мишеля Фуко, мы можем говорить о том, что «психическое заболевание [в частности безумие] должно быть понято не как природный факт, а как культурная конструкция, поддерживаемая сетью административных и медико-психиатрических практик» [14, р. 3]. То есть Homo natura – человек нормальный, которого в качестве мерила или же точки отсчета избрала для себя психопатология XIX века, является спекулятивным абсолютом, «помещенным не в естественном пространстве, а внутри системы отождествляющей socius с субъектом закона» [14, с. 162]. Другими словами, грань между безумцем и человеком нормальным размыта и зависит от стереотипных представлений, сформировавшихся в том или ином обществе. А сам социально-культурный конструкт «безумие» является продуктом этих стереотипных представлений, воспроизводимых культурой.

Исторически существовало два пути развития данного явления. Первый – безумие как культурный конструкт, до появления медико-психиатрических обоснований, базировался на мифопоэтическом восприятии, т.е. сумасшедшего всегда сопровождал ореол чуда, ниспосланной благодати или кары свыше. Второй, условно назовем его процессом «рационализации безумия», начал еще Гиппократ в Древней Греции, попытавшись обосновать природные факторы

появления этой болезни. Но и этот путь всегда содержал в себе некую сакральную подоплеку, которая сделала безумца носителем истины, недоступной разуму. Именно это послужило оправданием безумца и повлияло на создание самого *культурного конструкта безумия* в контексте социума, который одновременно исключает его, выставляя за границы нормы, а с другой стороны – наделяет способностью восходить над ограниченностью разума.

Английский историк Рой Портер, исследуя развитие феномена безумия, в своей работе «Madness. A brief history» привел цитату из Еврипида: «тех, кого боги проклинаят, они сначала делают безумными» [цит. по: 24, р. 7]. Именно так воспринималось безумие, начиная со времен Месопотамии и Вавилона. Считалось, что душевный разлад возникал от вторжения некоего духа, колдовства, нарушения табу, дурного взгляда или демонического намерения вселиться в тело и душу человека. Одержимость одновременно была и осуждением и наказанием за какие-либо проступки. Ассирийский текст приблизительно 650 г. до н.э. утверждает, что эпилептические припадки – это проделки дьявола [см. подробнее: 24].

В IV веке до н.э. Платон также считал безумие явлением, ниспосланным людям богами. В своих «диалогах» он рассматривал манию (μανία) как одно из наивысших проявлений человеческой души, «восходящей над ограниченностью разума» [17, с. 522], и утверждал, что это «...величайшие для нас блага, [которые] возникают из неистовства (μανία)», причем достаются они нам как Дар Божий. Он выделил три вида безумия: пророческое, молитвенное и поэтическое. Последнее было ниспослано нам Музами для пробуждения души и выражения этого в творчестве. А «кто же без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества «...», тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» [11, с. 179-180].

Чуть позже Гиппократ в своем трактате о «Священной болезни» исследовал истерию, имевшую, по его мнению, нравственные корни, и поэтому трудноизлечимую.

В Средневековье идею «божественной болезни» продолжило развивать христианство. Во Второзаконии (6:5) сказано: «Бог поразит тебя безумием» [1].

Безумие имело градацию на «хорошее» и «плохое». «Хорошим» могли быть охвачены святые невинные, провидцы, пророки и отшельники, а «плохим» – грешники, в которых вселился дьявольских дух, распространяемый ведьмами и еретиками.

Еще одной болезнью, приписываемой божественному влиянию, была проказа или «ко-

ролевская болезнь». Считалось, что излечить ее мог только король как наместник бога на земле. Проказа была божественной карой, поэтому жители не только из соображения безопасности (чтобы не заразиться), но и из религиозных побуждений изгоняли прокаженного за пределы обжитой территории. М. Фуко считал, что носители лепры стали предвестниками феномена безумия, который вошел в сферу медицинских интересов только в XIX веке.

Возрождение, следуя идеям греческой философии, «гуманизировало» безумие. Теперь безумцы были изгнанными (прокаженными) бродягами, носителями тайных знаний, которые путешествовали на так называемых «кораблях дураков» (Nargenschiff).

В эти исторические периоды «стремление излечить умалишенного сочеталось со стремлением изолировать его; он оказывался в замкнутом сакральном пространстве, пространстве чуда». То есть безумец находился в некоем пограничном положении: «Для внешнего мира он – внутри, для внутреннего – вовне. Такое в высшей степени символическое положение он занимает и поныне – если, конечно, иметь в виду, что прежняя вполне зримая крепость порядка превратилась сегодня в цитадель нашего сознания» [14, с. 31-32].

Страх перед демоном или сатаной в эпоху Просвещения, где разум и рациональность стали наивысшими ценностями человека, перерос в боязнь безумия как невозможности мыслить. И это явление все больше стало идентифицироваться не с влияниями потусторонней силы, а с «иррациональностью самого устройства ума» [24, р. 60]. По утверждению Декарта, безумие похоже на сновидение и заблуждение ума. Он исключает его из сферы человеческого разума потому, что «вообразить себя безумным нельзя даже в мыслях, ибо безумие – как раз условие невозможности мыслить...» [5].

Возникает, с одной стороны, социальная неприязнь, с другой – чувствительность и ответственность за людей, несоответствующих определенным нормам и стереотипам. Появляются дома умалишенных. Причем медицина, которая в то время активно занималась классификацией различных видов безумия, фактически не играла столь сильной роли в процессе изоляции безумия. Главным критерием была социализация, а точнее ее невозможность, поэтому основой были правовые нормы: только суд мог приговорить к заключению человека в госпиталь, причем во Франции осужденный должен был быть уличен в проступке или же в преступлении, а в Англии – на это требовалось обращение родственников к судье.

В итоге сферы сакрального, связанные с безумием, эпоха Просвещения морализовала.

Хотя христианская мораль, утверждающая идею мучеников-умалишенных и силу божественного разума, никуда не исчезла. Суть в том, что божественный разум своим истинным величием превращает человеческую мудрость в безумие, поэтому вовлечен ею в круговорот этого безумия. «По большому счету все – только Безумие; по малому счету само Все – не более чем безумие. Иными словами, нет безумия безотносительно к разуму, истина же разума сводится к тому, чтобы на миг приоткрыть безумие, которое он отрицает, и в свою очередь раствориться, затеряться в безумии» [14, с. 51].

В классическую эпоху социально-культурный конструкт безумия практически заканчивает свое формирование. Он становится неизменным атрибутом все тех, кто, так или иначе, нарушал или не подходил под стереотипные представления о «*homo natura*». «Всем известно, что в XVII в. были созданы большие дома-изоляторы для умалишенных; но мало кто знает, что в их стенах провел по несколько месяцев каждый сотый житель города Парижа, если не больше» [14, с. 65]. А в Англии в начале 18 века безумный доктор Джон Монро открывает «замок для душевнобольных» Вифлеем, более известный как Бедлам, о котором Нед Уорд в своем журнале «*London Spy*» написал следующее: «Воистину я полагаю, что только безумцы могли вздвигнуть столь богатое здание для людей, у которых не все в порядке с мозгами» [14, с. 134]. После этого весь свет лондонской интеллигенции стекается посмотреть на больных, сидящих в клетке, и всего за один пенни каждый желающий мог потыкать больного длинной палкой. После таких представлений в высшем свете буквально стало модно вести себя «немного не так» [см. подробнее: 21]. Становится правомерным вопрос, который в своем исследовании задает Рой Портер: «Кто из них безумен?» Больные по одну сторону решетки или же наблюдатели по другую?

С одной стороны, декартовский страх безумия как угрозы повреждения абсолюта Просвещения – разума выразился в наглухо закрытых стенах домов для сумасшедших, с другой – неподдельный интерес к этому явлению связал его с разумом. И через 10 лет после Декарта Паскаль в «Мыслях» напишет: «Все люди неизбежно безумны, так что не быть безумцем означает только страдать другим видом безумия» [10, с. 105]. Теперь безумие неразрывно связано с разумом, они оба утверждаются и отрицаются друг в друге.

Наиболее остро проблема понимания безумия (и его форм) встала в конце XIX - XX века. И прежде всего это было связано с социализацией личности. Говоря словами Мишеля Фуко, **«безумие есть крайнее проявление отчуждения, а**

отчуждение вообще принадлежит сущности человека» [14, с. 48-49].

Отчуждение (безумие), инаковость в широком смысле, становятся лейтмотивом многих произведений искусства того времени. Однако психологи и психиатры чаще используют термин Г.И. Россолимо «вырожденцы», создают образы больных поэтов, литераторов и в целом культурных деятелей, которые должны быть изолированы от общества ввиду их негативного влияния и подрывания устоев и норм культуры.

Несмотря на это Фридрих Ницше в своем произведении «Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках», рассматривая современную ему ситуацию, пишет следующее: «почти всюду дорогу новым мыслям прокладывало сумасшествие» [9].

Во второй половине XX века философские исследования, испытывая влияние фрейдизма, определили бессознательное как структуру, основополагающим элементом которой является язык. Поэтому литература, которую Жиль Делез назвал бредом, одна из первых стала проявлять себя как тот самый маркер и элемент деструкции, ставящий под вопрос авторитарность главенствующего культурного дискурса. В пространстве исключенных языков (в пустоте, тишине), соединяющих в себе речь и письмо, проще говоря, в литературе, безумие раз и навсегда освободилось от родства с психическим заболеванием, обретая метафизическую сущность.

Писатели, используя языковые искажения, «безумные» образы и сюжеты, пытались создать неуправляемый дискурс. С помощью этого они стремились открыть новые горизонты личности и таким образом решить одну из остро стоявших проблем XX века – проблему самоидентификации.

Одним из них был немецко-швейцарский писатель и поэт Г. Гессе, который, на наш взгляд, осознанно использовал безумие как символический язык, выводящий на поверхность глубинные духовно-культурные практики. Особая философия, выраженная в трех его произведениях 1920-30-х годов («Демьян» 1919, «Сиддхартха» 1924, «Степной волк» 1927) оказала большое влияние на становление культурного пространства после второй мировой войны.

Все произведения автора структурированы вокруг дихотомии «реальное – нереальное» (или бегство от реальности), в результате которой образуется конфликтная ситуация, где герой (автор) должен преодолеть внутренние противоречия, в результате чего и возникает нарративный модус реальности – история, рассказанная протагонистом, где главным является отнюдь не события, происходившие с ним в действительности, а его внутренние ощущения, видения, сны... В итоге

возникает третье пространство, в котором и раскрывается главная цель героя – обретение самости. Это состояние или пространство, в котором возможно лишь глубинное чувственное познание. Это область, приобретающая трансцендентные характеристики по отношению к разуму, то, что Ж. Лакан обозначил как «я мыслю там, где меня нет, и я там, где уже не мыслю».

Первым произведением Гессе, которое стало новой республиканскую Германию, стал «Демиян» (1919). По словам Томаса Манна, роман «некоего мистического Синклера «Демиян» ... с беспощадной точностью задел нерв эпохи и вызвал благодарное восхищение целого поколения молодежи...» [цит. по: 13, с. 33].

«Демиян» – это космогония «Я» на фоне эсхатологии мира, который «в теперешнем виде хочет умереть, хочет погибнуть» [2, с. 308]. Для Германии того времени деструктивные настроения были нормой. Эта страна на тот момент являла собой патетический образ огромной затравленной провинции. [А] лица людей хранили выражение обреченности» [13, с. 145].

В начале повествования рассказчик признается: «моя история лишена приятности, в ней нет милой гармонии выдуманных историй, она отдаст бессмыслицей и душевной смутой, безумием и бредом, как жизнь всех, кто уже не хочет обманываться» [2, с. 212].

Это история, строящаяся вокруг дихотомии «светло-темное». Для мальчика Эмиля Синклера – это граница двух миров: светлая сторона – отцовский дом, другая – темная – это мир хулигана Франца Кромера, который заставлял главного героя платить ему деньги и выполнять приказы в обмен за то, что он не скажет его родителям о краже яблок, якобы совершенной Эмилем. Этот проступок (якобы кража яблок) стал началом бегства главного героя от патриархальной жестокости, символическими границами которой был отцовский дом.

Этот случай стал точкой разрыва границы двух миров, позволившим Синклеру наградить себя «каиновой печатью» – особым отличительным знаком: «в тот недобрый вечер, когда началась моя теперешняя беда, тогда-то и случилось это у меня с отцом, тогда я вдруг на миг как бы разглядел насквозь и презирал его и его светлый мир! Да, тогда я сам, будучи Каином и неся на себе печать, вообразил, что эта печать не позор, а награда, отличие, и что мой злой поступок и мое горе возвышают меня над отцом, возвышают над добрыми и добродетельными» [2, с. 240].

О «каиновой печати» Эмилю рассказал его мистический друг Макс Демиян. История эта заключалась в иной трактовке старой библейской притчи о Каине и Авеле: «был некий человек, и в лице у него было что-то такое, что

пугало других...Детей Каина боялись, на них была «печать»...[своего рода отметина, потому что] наличие рода бесстрашных и жутких было очень неудобно, и вот к этому роду прицепили прозвище и сказку, чтобы отомстить ему, чтобы немножко вознаградить себя за все страхи, которые пришлось вытерпеть» [2, с. 229-230]. «Печать» – это то, что позволило навсегда выделить безумцев из общей толпы, поставив их в промежуточное маргинальное положение, в которое Гессе поместил не только Синклера, но и героев его последующих романов – Сиддхартху и Гарри Галлера. Все они занимали некое «между», между реальностью и миром фантазий, снов и воображений.

Описывая род Каина, Демиян также упомянул о «чуть заметной жутковатости, чуть больше, чем люди к тому привыкли, ума и отваги во взгляде» [2, с. 230] (курсив наш – С.Е.). Эти характеристики, приписываемые безумцам, Макс выделил неслучайно. В эпоху Средневековья и на протяжении нескольких последующих столетий безумцы изображались всегда с некими физическими дефектами («камень безумия»), уродствами, но это отнюдь не было главным признаком их отличия. Их выделял «безумный взгляд», с которым лучше было не встречаться, считалось, что безумцы могли «сглазить» человека, т.е. наслать на него демонов, болезни или другие невзгоды.

Крах дихотомии «светлое-темное» и одновременно возникновение нового состояния в романе сюжетно связаны с созданием Синклером портрета возлюбленной: «он казался мне чем-то вроде иконы или священной маски, полумужской-полуженской, без возраста... И постепенно у меня возникло чувство, что это не Беатриче [имя, которое Эмиль дал своей возлюбленной] и не Демиян, а я сам. Портрет не был похож на меня... он был тем, что составляло мою жизнь, он был моим нутром, моей судьбой или моим демоном» [2, с. 269-270]. Реальность теперь зависит от находящихся за пределами разумного восприятия явлений: «видения, картины и желания поднимались во мне, и уносили меня от внешнего мира до такой степени, что с этими тенями или снами у меня была более реальная и живая связь, чем с моим подлинным окружением» [2, с. 277]. Возникает то самое пограничное пространство, где и происходят поиски самости, потому что «истинное призвание каждого состоит только в одном – прийти к самому себе» [2, с. 302].

Сложная игра архетипических структур Юнга и трактовки мифов Ланга приводит к осознанию того, что в этих снах Эмиль сам разрушает внешнюю оболочку, т.е. мир, реальность, чтобы в итоге прийти к самому себе: «Твердо

было только одно: мой внутренний голос, мое видение» [2, с. 278]. С помощью этого внутреннего голоса на протяжении всего романа Синклер общался с Демианом и со своим другом органистом Писториусом, который, по замечанию многих исследователей, не что иное как воплощение доктора Ланга. Их общение происходило именно в языковых пустотах, наделенных (за) предельными смыслами: «... мы сейчас немного пофилософствуем, то есть помолчим...».

На протяжении всего романа Гессе напоминает о том, что люди, ищущие себя, безумны и страшны для других. Даже сам Синклер нередко думал о том, что «может быть, я сумасшедший... может быть, я не такой как другие люди» [2, с. 278]. Поэтому «современный человек обозначил безумца как отчужденную, сумасшедшую истину о себе самом» [14, с. 95].

Обретение самости, возможно лишь посредством чувственного трансцендентного опыта – это лейтмотив всех поздних работ Гессе. Одной из них был знаменитый роман «Сиддхартха». Многие называли это произведение индийской сказкой, которая была написана Гессе после посещения Индии. Автор, «отметив свое сорокапятiletие, признается: «Я чувствую, что там мне удалось сформулировать некий новый (индо-медитативный) для нашего времени способ мышления» [цит. по: 13, с. 173].

В этом произведении также присутствует определенная структура, образующаяся вокруг уже знакомой дихотомии «природа/дух – временная область и духовная сфера, проживающие на противоположных сторонах реальности – временной Мир по эту сторону действительности и постоянный мир – на другой стороне» [26, р. 33]. Их разделяет река – символ мудрости, поток сознания, волшебное пространство, часто связываемое с безумием. Научиться понимать то, что говорит река, может лишь перевозчик Васудева – это другое имя Кришны. Именно он в Бхагавадгите является учителем Арджуны, человеческой реинкарнации Вишны, божества индусов. Он открывает Сиддхартхе голоса реки, где и содержится «сумасшедшая истина о самом себе»: «Тихо и нежно лилась многоголосая песнь реки. Сиддхартха не сводил глаз с воды, и вместе с этой неторопливо струящейся водой перед ним поплыли, одно за другим, видения...» [3, с. 191].

Васудева – перевозчик через реку, как Харон, помогающий преодолеть границу – реку забвения. С Васудевой Сиддхартха общался опять же с помощью тишины как и Синклер с Писториусом: «Ты слышишь?» – вновь безмолвно вопрошал Васудева» [3, с. 193] (курсив наш – С.Е.). И этим же способом герой познавал учение реки, чьи голоса сливались в «безмолвное Аум» [3, с. 193]. Тишина в романе предстает как про-

странство, в котором рождаются истины, поэтому река пела «безмолвную песню», а сам Сиддхартха будучи уже просветленным объяснял своему другу Говинде, что «сокровенный смысл боится слов...» [3, с. 207].

Река в романе является архетипическим символом – границей, разделяющей два мира: чувственный скоротечный мир и мир духа, но одновременно она есть пространство, соединяющее в себе «все вместе, все голоса, все цели, все стремления, все страдания, все желания, все доброе и злое...» [3, с. 195]. Река – это коллективное бессознательное человечества, которое вырывается на поверхность сознания в виде тысячи голосов и вечного, медитативного «Ом» одновременно.

Снова структура, заданная Гессе, в самом начале романа, разрушается, чтобы стать неким целым, не имеющим определенной формы, и поэтому свободным. В этом пространстве обретается Я героя: «Его Я – растворилось в единстве» – дихотомия природного и духовного теряет свой изначальный смысл. Найдя «отчужденную истину о себе самом», Сиддхартха соединяет в масштабах микрокосма природу и дух, реальность и фантазию, безумие и разум: «Вот почему все, что есть, и кажется мне прекрасным, в смерти я вижу жизнь, в грехе – святость, в безумии – ум, все и должно быть таким, все нуждается лишь в моем одобрении...» [3, с. 204]. Процесс синтеза – это всегда мучительный процесс, «это испытание Сансары, самореализации и индивидуализации, после которого появляется равновесие» [26, р. 36]. Это можно проследить даже в технике написания романа: первоначально нас захватывают действия и множественность событий, время летит быстро. «В этом временном, гедонистическом мире города, время пожирает все вещи. В этом кроется причина страданий Сиддхартхи, т.к. все, что пропитано элементом времени, обречено на смерть» [26, р. 35]. И только после того, как Сиддхартха встречается с учением реки «описательность впадает в неопределенное время» [26, р. 36].

В финале романа Сиддхартха, совершая экскурс во время с помощью реки, убедится в том, что время нереально, а следовательно, граница, символом чего и является река, между этим миром и вечностью тоже нереальна. Нет границы, есть лишь вечный поток. «Нет никакой смерти. Нет никакого времени. Река бесконечна, изменчива и в то же время неизменна» [26, р. 34] – это одно из основных учений реки, которую до Сиддхартхи пытался донести перевозчик.

Фактически Сиддхартха, достигнув просветления, стал рекой (заговорил на языке реки – языке безумия), т.е. занял положение одновременно являющееся границей двоимирия и

разрушения этой границы в вечном потоке, стремящимся вперед и остающимся на том же месте.

Еще одним из главных мотивов романа, который затем мы обнаружим в «Степном волке», является смех, который тоже станет отличительным признаком героев-безумцев Гессе. От начала пути к обретению себя Сиддхартха встретит Гаутаму с сияющей на лице улыбкой, в конце – этой «доброй, может быть насмешливой, улыбкой – такой же, какая сияла на лице Гаутамы, Возвышенного» [3, с. 216], было озарено лицо Сиддхартхи.

«Но в смехе безумца есть одна особенность: он уже заранее смеется смехом смерти; умалишенный, предрекая смертельный мрак, уже обозоружил его» [14, с. 36]. Т.е. фактически смех – это тоже некий способ преодоления запретных для разума границ (язык безумия), за которыми кроется трансцендентное пространство истины. Смерть здесь предстает как символический мрак – темная сторона неизвестная разуму, преодолеть которую ему не под силу. Поэтому преодолеть эту границу возможно лишь, посмеявшись над самим собой, отказавшись от самого себя.

«Степной волк» – последнее произведение, написанное Гессе в эпоху Веймарской республики, одно из самых сложных и противоречивых. Роман – реминисценция событий личной жизни Германа Гессе, на что ссылаются большинство исследователей его творчества. В этой автобиографичности важна одна деталь – дружба, завязавшаяся между доктором Лангом и писателем Гессе, которая позволила в романе из личных событий выделить глубокий пласт бессознательных структур времени.

Гарри Галлер – главный герой романа представляет собой некий собирательный образ человека этого времени. Его записки – это «документ эпохи», а душевная болезнь Галлера – не «выверты какого-то одиночки, а болезнь самой эпохи, невроз того поколения, к которому принадлежит Галлер» [4, с. 22]. И эту болезнь в романе Гессе делает объектом изображения [12, с. 58], тем самым акцентируя внимание не на внешних проявлениях героя, а на его внутреннем состоянии.

Гарри в некотором смысле является мучеником (в предисловии он назван «истинным христианским мучеником»), что еще больше сближает его с характеристиками безумцев. Он переносит адские страдания и одновременно освобождение, спасение [26, р. 18]. Его записки – это в некотором роде сеансы экзорцизма, высвобождения от ненавистного ему мещанского образа жизни.

Вновь перед нами структура, строящаяся на основе дихотомии реальное/нереальное: «верно, я и сам живу в другом мире, не в этом...».

«Степной волк» – самый показательный пример построения и разрушения структур.

Здесь основной структурообразующий момент возникает как раз в «реальности», т.е. в предисловии племянника, а сами записки, т.е. мысли главного героя, являются элементом деструкции заложенной в начале дихотомии.

Весь роман проникнут «языком безумия», начиная от главного героя, который был болен, «то ли как-то душевно, то ли какой-то болезнью характера» [4, с. 13], пометками «*только для сумасшедших*» и заканчивая «магическим театром», где вход тоже *только для сумасшедших*. Видимо, как и в Средневековье «безумие и безумец становятся важнейшими персонажами этой культуры – во всей своей двойственности: они несут в себе и угрозу, и насмешку, и головокружительную бессмыслицу мира, и смехотворное ничтожество человека» [14, с. 34]. Сам интеллект в романе Гессе связывает с безумием отчужденных существ, которые обладают истинным видением внутренней болезни времени, укоренившейся в мещанской среде. Потому что «безумие притягательно и другой своей стороной, прямо противоположной: это не только темные глубины человеческой природы, но и знание. Знание, прежде всего потому, что все нелепые образы безумия на самом деле являются элементами некоего труднодостижимого, скрытого от всех, эзотерического знания. Все эти причудливые формы изначально располагаются в пространстве какой-то великой тайны...» [14, с. 180]. И в дальнейшем именно состояние безумия, т.е. состояние трансцендентное разуму, позволит Гарри обрести себя или «многих себя».

Странная, на первый взгляд, личность Гарри раскрывается в «Трактате о степном волке» – «это была тонкая, скверно напечатанная на скверной бумаге ярмарочная брошюрка», которую Галлер купил у странным образом возникшего в переулке незнакомца. В этом трактате, главный герой обладает *двойной натурой*: одна его сторона – человеческая, а другая – волчья, но «... такова была его судьба, судьба, возможно, не столь уж особенно редкая» [4, с. 38]. «Трактат – это путешествие через ад, погружение в пропасть коллективной души человека» [26, р. 10], где «зверь, преследующий его [человека] в кошмарных снах, в бессонные ночи, – это собственное его естество, то самое, что беспощадно обнажится в свете адской истины; вздорные образы, рожденные в незрячей простоте, – это великое, всесветное знание» [14, с. 41].

Не в состоянии смириться со своей волчьей натурой Гарри решит перерезать себе горло, но перед тем как сделать это, встретит Гермину. Гарри – это сокращение от Германа, а Гермина – тень или anima (в трактовке Юнга), «в форме сексуально неопределенного гермафродита [см. подробнее: 26, р. 17-19], более совершенного

существа, но извращенного по своей природе и поэтому находящегося в рамках безумия. Можно предположить, что Гарри/Герман/Гермина – это одна сложная личность. Причем такое состояние раздробленности свойственно не только главному герою романа, для Гессе это символ человеческой души XX века, постоянно находящегося в состоянии тысячи «Его».

«Трактат» и последующий за ним «магический театр» с пометкой «только для сумасшедших» – это зеркала для Гарри Галлера, а взгляд в зеркало фиксирует раскол нашего «я» на неоформленное, а потому бесконечное, представление личности о себе и лик завершённый. Но зеркало – это еще и символ «безумной глупости» [8, с. 57], «где не отражается ничего реального, но где человек, созерцая себя, увидит тайную мечту, пробужденную в нем самомнением» [4, с. 44].

Галлеру, выработавшему «гениальную, неограниченную, ужасающую способность к страданию», предложили совершенно противоположную его натуре форму личной деструкции – смех. Это одна из первостепенных задач, которую должен выполнить Гарри в «магическом театре» Пабло: «Привести вас в хорошее настроение, научить вас смеяться, и есть цель всей этой затеи... Ну а всякий высокий юмор начинается с того, что перестаешь принимать всерьез собственную персону» [4, с. 153]. Пабло, саксофонист и завсегдатай всех вечеринок, полная противоположность Галлера, по его словам. Но он слишком близок к «бессмертным» (Гете, Моцарт, Бах...), к тем, кто преодолел границы времени потому, что научился смеяться.

Пространство и вечность как единое целое, не имеющее определенной формы – это то, чем обладают бессмертные, которые умеют смеяться, и это то, что можно обрести посредством «магического театра», который является не только наркотической фантазией и «сложной, порой асимметрично организованной системой зеркал» [6], но и неким «смешным аттракционом», призванным освободиться от детерминизма реальности, взглянув на нее изнутри собственной распавшейся личности. «Но не успел я его узнать, как он распался, от него отделилась вторая фигура, третья, десятая, двадцатая, и все огромное зеркало заполнилось сплошными Гарри или кусками Гарри...» [4, с. 155]. Это состояние главного героя, когда безумие расчленяет целостное единство его души и тела, «причем не на элементы, составляющие его метафизически, а на некие фигуры, мельчайшие единства, образованные сегментами тела и идеями души. В этих фрагментах человек отделен от самого себя, а главное – от реальности; из таких отдельных фрагментов складывается единство ирреальное, единство фантазма» [14, с. 238].

Прежде чем попасть в этот театр нужно заплатить за удовольствие разумом, совершив таким образом «философское самоубийство»: «вы вступите в наш фиктивный мир, войдя в него, как то принято, путем маленького фиктивного самоубийства» [4, с. 153]. «Убить себя означает ... сделать признание» [9, с. 99] самому себе, вернуться к самому себе. Потому что «магический театр», объяснит Гарри Пабло, это по сути, то, «что вы уже носите в себе сами, [и поэтому] я не могу вам открыть другого картинного зала, кроме картинного зала вашей души» [4, с. 151].

Пройдя все двери в «театре», Гарри убьет Гермину (по ее же приказу), совершив тем самым «зеркальное самоубийство», и отказавшись от собственного его. Зачем? Чтобы посмеяться над самим собой, как это делали бессмертные, чей смех, легкий и ясный, проникающий сквозь вечность и время, возвращает к чистой невинности и к истинному искусству и смыслу [26, р. 20].

В конце романа мы обнаруживаем, что шизофренические фантазии Гарри более реальны, чем оставшееся за пределами «магического театра» пространство. С помощью этого экскурса в бессознательное, Гессе дает нам возможность рассмотреть «болезнь времени», хаос души человека XX века.

Все три романа Веймарского периода говорят языком безумия. Для Гессе – это одна из детерминант, определяющая его художественное мышление. Автор, наполняя свои произведения бессознательными образами и остросоциальными характеристиками, пытался показать внутреннее состояние эпохи. Его безумные герои – это собирательные образы человека начала XX века, который с помощью трансцендентного разуму практик пытается освободиться от детерминизма властвующих культурных практик и обрести себя, потому что «суть вещей... не где-то за их пределами, она... в них самих, во всем» [3, с. 61]. В сущности, путь к самости есть не что иное, как обретение некой бессознательной истины, находящейся в недрах самого себя. И с помощью шизофренических экскурсов и архитектурной символики в романах Гессе происходит деконструкция личности героев, которая приобретает форму нарратива, выражающего пограничное пространство, где разум и безумие как два мира становятся единым целым, потому что «путь от просто человека к человеку истинному лежит через человека безумного» [14, с. 512]. Таким образом, Герман Гессе в своем творчестве соединил безумие как форму культурного нарратива и литературу как феномен межъязыкового пространства, образующуюся между реальностью как таковой и ее идейным конструктом, т.е. между дискурсом, навязываемым общественно-нормативными условиями, и антидискурсом,

рождающимся в языковых отклонениях, принимающих форму литературного произведения.

Список использованной литературы

1. Второзаконие. URL: <http://www.ctel.msk.ru/media-club/bible/ru>.
2. Гессе Г. Демиан. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/gesse_german/gesse_german_demian.
3. Гессе Г. Сиддхартха. М.: Азбука-классика, 218 с.
4. Гессе Г. Степной волк. М.: Аст, 2006. 350 с.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. URL: <http://psylib.org.ua/books/dekar01/txt01.htm>.
6. Злочевская А. Парадоксы зазеркалья в романах Г. Гессе, В. Набокова и М. Булгакова. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/2/zl9.html>
7. Камю А. Калигула // Философское самоубийство. М. Аст, 2007. С. 120-139.
8. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции "Я". Париж: EOLIA, 1992.
9. Ницше Ф. Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках URL: http://www.nietzsche.ru/books/book14_1.shtml.htm.
10. Паскаль Б. Мысли. М.: 1996, 400 с.
11. Платон Федр: сочинения в 3т. М., 1970. Т. 2. 350 с.
12. Седельник В.А. Герман Гессе и швейцарская литература М., 1970. 100 с.
13. Сенс Ж., Сенс М. Герман Гессе или жизнь мага. М.: Молодая гвардия, 2004. 288с.
14. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Книга света, 1997. 676 с.
15. Фуко М. Ненормальные. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/foucault/anorm_01.html.
16. Фуко М. Слова и вещи. URL: <http://www.liter.net/bib/fuko/slova/229.htm>
17. Эпштейн М. Из Америки. Екатеринбург.: У-Фактория, 2005. 704 с.
18. Юнг К.Г. Культура и коллективное бессознательное. М.: Ренессанс, 1997. 400 с.
19. Юнг К.Г. Концепция коллективного бессознательного. URL: <http://www.jungland.ru/node/1912>.
20. Ясперс К. Общая психопатология. URL: <http://www.otrok.ru/doktor/jaspers/jaspers.htm>
21. Andrews J., Scull A. Customers and Patrons of the Mad-Trade. The Management of Lunacy in Eighteenth-Century London. Los Angeles-London: University of California press, 2003. 351 p.
22. Bartram G. The Cambridge companion to the modern German novel. New York.: Cambridge University Press, 2004. 295 p.
23. Leydecker K. German Novelists of the Weimar Republic. USA.: Camden House, 2006. 295 p.
24. Porter R. Madness. A brief history. Oxford: Oxford University Press, 2002. 251 p.
25. Weitz E.D. Weimar Germany: promise and tragedy. New Jersey: Princeton University Press, 2007. 442 p.
26. Welch C.R. Cliffs notes on Hesse's Steppenwolf and Siddhartha. Nebraska: Lincoln, 1988. 41 p.

Статья поступила 08.10.2010

Принята в печать 14.10.2010

И.В. Лобанова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ ОРФОЭПИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ В. ФИЕТОРА

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: ino@isuct.ru

Статья посвящена особенностям формирования немецкой произносительной нормы и ее кодификации в орфоэпическом словаре В. Фиетора; описываются основные принципы и положения словаря; дается объяснение, почему «Немецкий орфоэпический словарь» В. Фиетора представляет большой интерес для немецкой фонетической лексикографии.

Ключевые слова: фонетическая лексикография, фонетический алфавит, вариантное произношение, устная и письменная речь.

Длительное сохранение феодальной раздробленности и общей отсталости общественного развития Германии в период позднего средневековья обусловил более медленный процесс образования немецкого национального языка, чем в передовых западных странах, который распространялся в целом от XIV до XIX века. Если основы письменной нормы национального языка были заложены уже к XVI в. (эпоха реформации), то унификация языка разговорного даже господствующих классов могла считаться законченной только во второй половине XIX века.

Как справедливо отмечают отечественные и зарубежные исследователи (Grimm 1848, Eggers 1963-1969, Bach 1965, Moser 1965, Филичева 1959, Жирмунский 1965, Зиндер, Строева 1965, Москальская 1985 и др.), характерной особенностью языкового развития Германии в начальный период образования новонемецкого национального языка был письменный, книжный характер языковой нормализации, при сохранении значительных различий в устной речи всех общественных групп. Экономическая и политическая децентрализация Германии, недостаточная интенсивность межтерриториальных связей и отношений, отсутствие единого центра страны – все эти обстоятельства помешали непосредственной унификации разговорного языка в процессе живого обмена и смешения. В основе развития немецкого национального языка лежал не разговорный язык крупнейшего городского центра, нормализованный с помощью письменности, а письменный язык городских и княжеских канцелярий, язык печатников, язык лютеровской

библии и клерикальной литературы эпохи реформации, язык грамматиков-нормализаторов, язык буржуазной национальной литературы XVIII – XIX вв. Эти основные этапы истории новонемецкого письменного языка определили последующую унификацию разговорного языка, которая следовала со значительным отставанием за письменной нормой.

Приобщение северной Германии к языковому объединению немецкого национального языка сыграло существенную роль в установлении господствующей ныне в немецком национальном языке произносительной нормы. Верхненемецкий национальный язык (*Hochdeutsch*), в его письменной форме, явился для севернонемецкого бюргерства "чужим языком". Благодаря книжному характеру процесса его усвоения и отсутствию точек соприкосновения с местными говорами, в разговорной речи верхов буржуазного общества северной Германии установилась та образцовая, ориентированная на письменную норму "чистота" произношения, которая не встречалась в средней и южной Германии, где местные верхненемецкие говоры, более близкие к литературному языку, по-разному, но всюду достаточно заметно окрашивали разговорную речь. Уже в XVIII веке грамматики отмечали образцовый характер произношения в высших слоях городского общества северной Германии.

Отсутствие единой формы немецкого нормативного произношения обусловило в конце XIX века серьезное экспериментально-фонетическое исследование немецкого языка,

первые результаты которого были отражены в лексикографических трудах Т. Зибса и В. Фиетора.

Напомним, что с точки зрения развития немецкой орфоэпической нормы и ее кодификации в словарях прослеживаются различные лексикографические традиции: *консервативная* и *демократическая*. Первая из них в известной степени представлена словарями Зибса и Дудена, в которых при фиксации фонетической структуры слов наиболее типична верность абстрактным идеалам, характерны ориентированность на отдельно произнесенное слово и определенная социальная ограниченность, не допускаются ассимилированные формы слов, исключается возможность вариантных реализаций. Вторая представлена серией словарей Фиетора и проявляется не только в расширении социальной основы орфоэпической нормы, сферы ее функционирования, но и в самом процессе отбора языкового материала, который оценивается как нормативный. Приверженец демократической традиции, В. Фиетор, стремился регистрировать некоторые узуальные произносительные характеристики, допускал наличие равноправных произносительных вариантов, стремился иногда отметить современные на этапе создания словарей тенденции в произношении или же указать на устаревшие варианты.

Специалист по англистике, профессор Вильгельм Фиетор (25.12.1850 – 22.09.1918) выступал за необходимость реформирования немецкого произношения и предлагал исследовать узуальное произношение с помощью анкет, был сторонником статистических методов изучения и описания нормы с учетом надрегиональных тенденций узуса и основных черт сценического произношения. При этом решающим в нормализации он считал в отличие от Т. Зибса учет не сценического произношения, а произношения, более или менее связанного с определенной территорией, которое впоследствии, путем осторожного выравнивания, должно было стать литературным.

Результаты своих исследований в области экспериментальной фонетики В. Фиетор изложил в трудах "Elementen der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen" – «Элементы фонетики немецкого, английского и французского языков» (1884) [5], "Aussprache des Schriftdeutschen" – «Произношение письменного немецкого языка» (1885) [6], "Deutsches Aussprachewörterbuch" – «Немецкий орфоэпический словарь» (1912) [7]. В последующих изданиях словаря (1915, 1921) [8] В. Фиетор, а после смерти последнего его ученик А. Мейер дорабатывали этот лексикографический справочник, учитывая дальнейшее изменение немецкой произносительной нормы.

Необходимо отметить, что первую попытку составления орфоэпического словаря В. Фиетор предпринял в своем произведении "Die Aussprache des Schriftdeutschen mit dem "Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung" zum Gebrauch in den preussischen Schulen" in phonetischer Umschrift sowie phonetischen Texten" – «Произношение письменного немецкого языка с «Перечнем слов для немецкого правописания» для использования в прусских школах» в фонетической транскрипции, а также в фонетических текстах» (1885) [6]. Из названия можно заключить, что в этой работе указывается произношение на основе письменного немецкого языка в фонетической транскрипции. Предназначением словаря или, как осторожно выражается автор, списка слов, является использование его в прусских (немецких) школах. Издание 1909 г. имеет название "Die Aussprache des Schriftdeutschen mit dem Wörterverzeichnis der amtlichen "Regeln für die deutsche Rechtschreibung" in phonetischer Umschrift" – «Произношение письменного немецкого языка с «Перечнем слов официальных «Правил немецкого правописания» в фонетической транскрипции» [7]. Таким образом, речь уже идет о составлении специального произносительного словаря на основе официальных правил немецкого правописания, которые были сформулированы в 1902 г. К. Дуденом в «Орфографическом словаре» [4].

В предисловии к своим произведениям автор определял цели и задачи так: служить практическим советчиком немцам, а также иностранцам «при произношении письменного немецкого языка». Этим подчеркивалась вторичность письма по отношению к произношению, так как письменность, хотя она и оказывает влияние на развитие языка, и, соответственно, обладает определенной самостоятельностью, всегда была и будет лишь фактором, производным от устной речи. Необходимо отметить, что желание «модернизировать» произношение отдельных слов с целью приближения его к их письменной форме, руководствуясь принципами аналогии и рационализма, было характерно для языкознания того времени. Вопрос о том, что устная и письменная речь – это две отдельные формы существования языка, был впервые поставлен И.А. Бодуэном де Куртенэ. В своей книге «Об отношении русского письма к русскому языку» он рассматривает два вида речевой деятельности: произносительно-слуховую и писано-зрительную. Однако ученый не рассматривает их как равноправные. Напротив, он пишет, что «произносительно-слуховое может возникать и мыслиться совершенно независимо от писано-зрительного: писано-зрительное же имеет смысл только в связи с произносительно-слуховым» [1, с. 48].

Таким образом, письменность являлась эталоном для звуковых норм языка, а поскольку речь, в большей степени опирающаяся на письменный облик слова (графико-фонетические ассоциации), является медленной, четкой, то в данном случае можно говорить о полном стиле произношения. Однако изучение живых бесписьменных языков, знакомство с работой речевого аппарата, труды многих лингвистов обусловили новый подход к роли письменности в конце XIX века. Младограмматики выдвинули тезис о необходимости изучения прежде всего живых языков и признавали естественной только быструю, устную речь. В связи с этим орфографическое произношение было объявлено неестественным и вульгарным [9]. Очевидно, именно это побудило последователей В. Фиетора изменить название словаря, а также пересмотреть некоторые фонетические явления, подход к их регистрации, да и сам ученый, говоря о «произношении письменного немецкого языка», скорее всего, имел в виду официальный стиль чтения – то есть произношение с визуальной опорой, когда большое значение имеет коммуникативный стиль произношения с опорой на письменный облик слова. Осмелимся предположить, что произносительный словарь В. Фиетора не имел своего продолжения вследствие того, что как раз тогда преобладал интерес к устной речи.

Принимая в общем и целом основные принципы и положения словаря Т. Зибса, В. Фиетор сделал некоторые критические замечания относительно его лексикографического произведения. Он справедливо полагал, что сценическое произношение в повседневной жизни являлось слишком искусственным, иногда манерным, а следовательно, смешным, далеким от реальных фонетических образцов носителей немецкого языка в Германии в конце XIX - начале XX века.

За основу образцового немецкого произношения В. Фиетор взял «*верхнемецкую форму в нижнемецком произношении*».

Ценным является то, что В. Фиетор был первым немецким лексикографом, отразившим произношение современных ему входных единиц с помощью нового тогда фонетического алфавита (IPA). Отметим, что образование МФА и разработка IPA стали важным событием в истории фонетики. Несмотря на то, что первопричиной создания фонетического алфавита было стремление каким-то образом сблизить произношение и написание, облегчить процесс овладения чтением и произношением на немецком языке, IPA быстро нашел применение в научных исследованиях и стал одним из наиболее точных и удобных способов передачи фонетических характеристик языка и речи. Несомненно, что замена графических средств передачи произношения

на фонематическую транскрипцию позволила не только более точно передать противопоставление долгих и кратких гласных, глухих и звонких согласных, особенности реализации дифтонгов, но и обозначить с помощью транскрипции некоторые региональные и стилистические формы.

Следует обратить внимание на то, как расположены гласные в таблице В. Фиетора:

$i \cdot (\ddot{i})$	(u)
$I (\ddot{u})$	(u)
$e \cdot (\ddot{o})$	$\partial(o)$
$e(\ddot{o})$	(o)
	a

(Издание 1909 г.: Diphthonge ai, au, eu, ui) [7].

Фонетист использовал так называемую «*систему кардинальных гласных*». Напомним, что идея об их существовании в языке была выдвинута А. Эллисом, а термин «*cardinal*» был введен А. Беллом, который вместе с Г. Суитом описал их положение. Д. Джоунз был первым, кто попытался описать и классифицировать гласные звуки безотносительно определенного языка – как систему искусственно произносимых гласных звуков, соответствующих основным, физиологически возможным и соотносимым с ними промежуточными положениями органов речи. Избранные таким путем гласные должны обладать предельно четкими (кардинальными) тембрами [2. с. 29].

Транскрипция, заключенная в круглые скобки, отражает другой, реже употребляемый, по мнению автора, вариант произношения. Таким образом, мы можем заключить, что неоспоримой заслугой В. Фиетора является признание вариатности произношения и попытка отразить это явление в словаре. Экспериментальное изучение живой разговорной речи, постоянное наблюдение за изменениями в речи носителей немецкого языка позволили ученому зарегистрировать в словаре вариантное произношение большого ряда слов.

«Немецкий орфоэпический словарь» В. Фиетора представляет большой интерес, поскольку в нем отражены лингвистические концепции, характерные для начала XX века. Необходимо отметить, что В. Фиетор, создав свое уникальное лексикографическое произведение, внес существенный вклад в становление немецкой фонетической лексикографии. Его орфоэпический словарь создавался в период становления немецкой произносительной нормы как результат многолетних наблюдений автора за живой речью во всем ее многообразии. Ученый попытался отойти от немецких лексикографических традиций и создать словарь на совсем иных принципах.

При составлении словаря В. Фиетор и его последователи ориентировались на общепринятое языковое употребление, принимая во внимание такие критерии нормативности, как узус, общественное одобрение, традиционность данного способа выражения. Они придерживались мнения, что живая речь является источником постоянного движения в языке, его произносительной динамики, а не источником «беспорядка», «нелогичностей» и «хаоса», как считали многие языковеды и лексикографы того времени. Это определило более реалистический характер его нормативной концепции, разумное использование вариантных реализаций, описательного и предписывающего моментов в оценке языковых явлений. Не случайно Л.В. Щерба назвал орфоэпический словарь В. Фиетора *«лучшим словарем немецкого произношения»* [3, с. 78]. На наш взгляд, это ценный социолингвистический памятник, к которому до сих пор обращаются языковеды.

В заключение следует сказать, что В. Фиетор и его последователи своим словарем приблизили немецкую лексикографию к международной, поскольку в своем лексикографическом произведении учитывали накопленные теоретические и практические знания отечественных и зарубежных лингвистов, что нашло выражение в схематичном отражении артикуляторных соотноше-

ний между гласными (система кардинальных гласных), первыми в немецкой лексикографии использовали МФА для отражения произношения современных им входных единиц.

Список использованной литературы

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. II.
2. Трахтеров А.Л. Английская фонетическая терминология. М., 1962.
3. Щерба Л.В. Преподавание языков в школе. М.: Изд-во Академия, 2002. с. 78.
4. Duden K. Vollständiges orthographisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Leipzig, 1880.
5. Viator W. Elementen der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen. 1884.
6. Viator W. Die Aussprache des Schriftdeutschen mit dem "Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung" zum Gebrauch in den preussischen Schulen" in phonetischer Umschrift sowie phonetischen Texten. Leipzig: OR Reiland, 1885.
7. Viator W. Die Aussprache des Schriftdeutschen mit dem Wörterverzeichnis der amtlichen Regeln für die deutsche Rechtschreibung in phonetischer Umschrift. Leipzig: OR Reiland, 1895. 100 s.
8. Viator W. Deutsches Aussprachewörterbuch. Leipzig: O.R. Reiland, 1921.
9. Wyld H.C. A History of Modern Colloquial English. Oxford, 1936.

Статья поступила 12.10.2010

Принята в печать 15.10.2010

М.С. Поляков, М.Н. Милеева

ПРОЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. НАБОКОВА

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: ino@isuct.ru

С целью выявления русского национально-специфического характера проанализирован ряд прозаических произведений Владимира Набокова, созданных автором за рубежом. Выявлено, что русские реалии остаются неизменными спутниками его романов, а лучшие традиции отечественной литературы виртуозно переданы посредством неродного языка.

Ключевые слова: ментальность, русская литература, русскость, русские реалии, реминисценция, аллегория, В. Набоков.

Менталитет относят к национально-специфическому уровню культуры. Язык как средство выражения мыслей и чувств является средством проявления особенностей ментальности. Через анализ фольклора и литературы можно выделить особенности менталитета той или иной нации по сравнению с другой. Все известные нам типы культуры – идеальные модели, возвышающиеся над конкретными фактами и событиями. Таковы понятия «Античность», «Средневековье», «Ренессанс», «Запад», «Восток» и т.д. Тип культуры – социокультурная целостность, локализованная в пространстве или во времени, выделенная на основании одного или ряда существенных признаков: язык, религия, хозяйство, отношение к природе и человеку, традиции и новации.

Назовём наиболее характерные особенности русского менталитета, которые отмечает большинство исследователей. Основу всякой ментальности составляют глубинные структуры сознания, позволяющие ориентироваться во времени и пространстве. О специфическом российском переживании пространства (бескрайность русской равнины, отсутствие границ, открытость) писали многие исследователи, в том числе, В. Ключевский, Н. Бердяев, Г. Федотов. Модель Русского Космоса – это Путь-дорога, бесконечное движение, бескрайняя даль – была чутко уловлена поэтами, многократно писавшими об этом. Открытость, незавершённость, вопрошание – важные ценности русской культуры.

Русская культура, по утверждению многих мыслителей, предельно открытая культура,

способная понять «другого», «чужого», подверженная разным влияниям. Переживание Пространства обусловлено спецификой русского ландшафта и территории, переживание Времени обусловлено преимущественно христианством (линейность) и европейскими религиями. Эта особенность русского сознания находит отражение в литературе и искусстве, философской мысли. Двойственность культуры и человека показана в великих произведениях русской литературы, прежде всего в романах Ф.М. Достоевского («Двойник», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы»).

Постараемся определить основные особенности русской литературной традиции, отражающиеся в реалиях западной культуры. Данный вопрос особенно был актуален для России начала XX века. Процессы, происходившие в России в тот период, создали особую ситуацию, когда многие представители творческой интеллигенции были вынуждены иммигрировать, и большинство в качестве прибежища выбрало Запад. Это своего рода уникальное явление – наложение неродной среды: языка, традиций, обычаев, когнитивной базы на природную ментальность русского человека – не могло не найти своего отражения в творчестве писателей и поэтов. Сочетание особого русского восприятия мира – ментальности, выражения мысли, построения фраз – с новой культурой и отражение этого синтеза с помощью средств неродного языка приводит к появлению авторского художественного стиля.

При анализе литературных произведений, написанных русским автором на иностранной

почве, мы ориентировались на творчество Владимира Владимировича Набокова. Он являлся одним из российских иммигрантов начала XX в., творившим за рубежом на протяжении многих лет. Однако его творчество не утратило отличительные черты и вековые традиции русской литературы.

В русской литературе XX века В.В. Набоков занимает особое место по целому ряду причин. Во-первых, его писательская биография, начавшаяся на исходе Серебряного века русской поэзии, охватывает почти все хронологические этапы литературы XX века вплоть до 70-х годов. В этом отношении именно набоковское творчество обеспечивает преемственность современной русской литературы. По степени воздействия на стилевые процессы в русской, да и в мировой литературе последней трети XX века, В. Набоков – один из самых современных, самых эстетически влиятельных художников. Во-вторых, творчество Набокова причастно истории сразу двух национальных литератур – русской и американской; причем и русскоязычные, и англоязычные произведения писателя – выдающиеся художественные явления, подлинные литературные шедевры. В-третьих, В. Набоков больше, чем кто-либо из его современников, сделал для знакомства западной читательской аудитории с вершинами русской литературной классики. Именно он по-настоящему «открыл» для Запада русских классиков первой половины XIX века, особенно творчество А.С. Пушкина.

Россия остается одной из главных тем для Набокова, занимает значимое место в его творчестве и является одной из самых интересных. Если проанализировать ряд стихотворений, то можно уловить нечто общее, что, возможно, поможет лучше понять Набокова. Так, образу России посвящено около полусотни произведений, среди которых можно выделить несколько неизменных образов, рождающихся в тех или иных стихотворениях и столь родных и близких любому русскому человеку: лес/чаща/берёза, поле/степь, Бог/храм/молитва, земля, дорога/путь. Всё это традиционные, коренные образы, характерные для русского народа и ассоциирующиеся с Россией. Стихотворения, посвященные Родине, полны грусти, тоски, даже упрека, упрекав том, что автор больше не может любоваться природой, наслаждаться красотой родных мест.

Выражение родной ментальности в произведениях Набокова легко прослеживается в создаваемых им образах. Воспитанный на русских сказках, произведениях российских классиков, исповедовавший православную веру, Набоков сохранил русское прошлое в своей душе и перенес на страницы своих шедевров. Неосознанно будущий автор «*Лолиты*» придает почти каждо-

му персонажу некую русскость: его герои испытывают внутренние противоречия, они кажутся окружающим странными, замкнутыми, «себе на уме». Прочитывая главы его романов, мы не можем не заметить, что Набоков очень большое внимание уделяет внутреннему миру человека, его ощущениям, чувствам, эмоциям, переживаниям, мыслям. Это всегда противопоставление героя миру, внутренний конфликт между желаемым и действительным, реальным и ложным, добром и злом, альтруизмом и индивидуализмом, что так характерно для русской литературной традиции. Все это прослеживается в таких знаковых произведениях писателя как «*Ада*» (1971), «*Лолита*» (1955), «*Подлинная жизнь Себастьяна Найта*» (1941), «*Волшебник*» (1933), «*Подвиг*» (1932), «*Король, дама, валет*» (1928), «*Машенька*» (1926) и других. Поэтому трагизм – общая линия, связывающая воедино большинство произведений мастера и русскую традиционную классическую литературу А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова.

Набокову присущи те же стереотипы, что существуют в России по отношению к другим нациям. Например, англичан в романе «*Подвиг*» (гл. 14) он описывает как медлительных, сонных, вялых, незмоциональных, безынициативных, но законопослушных людей: «*Этот Дарвин подробно освятил ему в назидание некоторые строгие исконные правила: не полагается студенту ходить по улице в шляпе и пальто, как бы холодно на улице ни было; и следует каждого знакомого приветствовать широкой улыбкой и развязным междометием. ... Дарвин поражал Мартына своей сонностью, медлительностью движений, какой-то комфортабельностью всего существа.... Глаза у него (Дарвина) были голубоватые, пустые, без всякого выражения. Все в нем было добротно, велико и невозмутимо.*

...И только один Дарвин, большой, сонный англичанин в канареечно-желтом джемпере, развалился в кресле, сопя трубочкой и глядя в потолок, одобрительно кивал.

Набокову в своих произведениях мастерски удается нарисовать картины, связанные с некими неурядицами, конфузами, недопониманием героев – русских по происхождению, но живущих в Старом или Новом свете, – с жителями этих стран, что особо отчетливо просматривается в романах «*Подвиг*», «*Пнин*», «*Подлинная жизнь Себастьяна Найта*», «*Дар*», «*Другие берега*».

«Подвиг», 1932 (гл.13.): «*В Кембридже он и подавно почувствовал себя иностранцем. Встречаясь с англичанами-студентами, он, дивясь, отмечал свое несомненное русское нутро. От полуанглийского детства у него остались только такие вещи, которые у коренных англичан, его сверстников, читавших в детстве*

те же книги, затуманились. А жизнь Мартына круто повернула, пошла по другому пути, и тем самым навыки детства получили для него привкус некоторой сказочности, и какая-нибудь книга, любимая в те дни, оставалась в его памяти прелестнее и ярче, чем та же книга в памяти сверстников-англичан. Он помнил и говорил словечки, которые десять лет назад были в ходу среди английских школьников, а ныне считались либо вульгарными, либо до смешного старомодными. Синим пламенем пылающий плампуддинг подавался в Петербурге не только на Рождество, как в Англии, а в любой день.... В футбол петербуржцы играли на твердой земле, а не на дерне, и штрафной удар обозначался не известным в Англии словом "пендель". Цвета полосатой курточки, купленной когда-то у Дрюса, Мартын бы теперь не смел носить, так как они отвечали спортивной форме определенного училища, воспитанником которого он никогда не состоял. И вообще все это английское, довольно в сущности случайное, процеживалось сквозь настоящее, русское, принимало особые русские оттенки».

«Подвиг» (гл. 14): «Он вспоминал. Гроздь рябины лежала посреди дороги, где колеи были подернуты слюдяным ледком. Ярко-желтая листва безрез скудела с каждым днем, несмотря на безветрие, и с задумчивым весельем глядело сквозь нее бирюзовое небо. Рыжели пышные папоротники; плыли по воздуху радужные паутинки, которые дядя Генрих называл волосами Богородицы. Иногда Мартын поднимал голову, думая, что слышит далекое, далекое курлыканье журавлей, – но их не было. Он много бродил, чего-то искал, ездил на скверном велосипеде одного из работников по шелестящим тропинкам, а Софья Дмитриевна, сидя на скамейке под кленом, задумчиво прокалывала острием тростки сырые багровые листья на бурой земле. Такой разнообразной и дикой красоты не было в Англии, природа казалась оранжерейной, ручной; в геометрических садах, под морозящим небом, она умирала без роскошных причуд, но по-своему

были прекрасны розовато-серые стены, прямоугольные газоны, покрытые в редкие погожие утра бледным серебром инея и выгнутый каменный мостик над узкой рекой, образовавший полный круг со своим совершенным отражением...

Он заметил, что всякий считает должным говорить с ним о России, выяснить, что он думает о революции, об интервенции, о Ленине и Троцком, а иные, побывавшие в России, хвалили русское хлебосольство или спрашивали, не знает ли он случайно Иванова из Москвы. Мартыну такие разговоры претили; небрежно взяв со стола том Пушкина, он начинал переводить вслух стихи: "Люблю я пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса". [1]

Здесь Набоков нарочито противопоставляет жизнь в России и в Англии. Явная тоска по дому, по родной земле присутствует даже в этих небольших отрывках. Зачастую Набоков, особенно в произведениях, созданных после эмиграции, ностальгически вспоминает Россию: традиции, обычаи, семейные уклады и нравы, взаимоотношения детей и родителей. Но уже опытный и всемирно известный Набоков, проживая продолжительное время в Европе и США, использует в своих произведениях реалии западной культуры, но справедливости ради нужно заметить, что образ России, русские люди остаются навсегда на страницах его книг.

Одной из его последних работ является роман «Ада» (1971). События романа происходят в конце XIX века в США. Но как ни странно, Набоков наделил главных героев прямыми российскими корнями. В романе можно встретить множество русских именованных городов (Ладога, Калуга), имена главных героев также русские: Марина, Ада, Иван, Андрей, Дементий (Демон на западный манер), тонко автор передает русские традиции, обычаи, российский семейный уклад и нравы. В таблице 1 обобщаются транслитерации, перевод которых мог быть не понятен иностранцу, поскольку они были основаны на русских реалиях того времени и являются лакунарными, или аллюзорными словосочетаниями.

Таблица 1

Лакунарные транслитерации

Оригинальный текст	Перевод	Способ передачи
<i>Ved'</i> ('it is, isn't it') sidesplitting to imagine	Ведь разве не уморительно вообразить...	Транслитерация
in the neighboring bor (piney wood)	В соседний бор (сосновый лес)	
<i>teper' iz ada</i> ('now is out of hell')	Теперь из ада	
with this came coarse black peasant bread; dusky <i>klubnika</i> (<i>Fragaria elatior</i>), and huge, bright-red garden strawberries	К сему подавались грубоватый крестьянский черный хлеб; темная клубника и крупная, ярко-красная земляника	

Продолжение таблицы 1

after G. A. Vronsky, the movie man, had left Marina for another long-lashed <i>Khristosik</i> as he called all pretty starlets	После того как Вронский бросил ее ради очередного <i>Khristosika</i> с длинными ресничками, как он называл всех хорошеньких начинающих звезд	Лакуна
Marina arrived in Nice a few days after the duel, and tracked Demon down in his villa Armina, and in the ecstasy of reconciliation neither remembered to dupe procreation, whereupon started the extremely <i>interesnoe polozhenie</i> ('interesting condition')	Марина заявила в Ниццу через несколько дней после дуэли, разыскала Демона на его вилле Армина, и в экстазе примирения оба позабыли об уловках, предотвращающих деторождение, в результате чего Марина и попала в крайне <i>интересное положение</i> ...	
This routine Russian feast consisted in the Ardis household of <i>prostokvasha</i> (translated by English governesses as curds-and-whey)	Этот неперменный русский обряд состоял для обитателей Ардиса в откушивании простокваши (интерпретируемой на английский манер как curds-and-whey)	Аллюзия и лакуна
(<i>mimo, chitatel'</i> ,' as Turgenev wrote)	«Мимо, читатель» – как писал Тургенев	Аллюзия на роман Тургенева «Дым»
' <i>Slivok</i> (some cream)? I hope you speak Russian?' Marina asked Van, as she poured him a cup of tea. ' <i>Neohotno no sovershenno svobodno</i> (reluctantly but quite fluently),' replied Van, <i>slegka ulybnuvshis'</i> (with a slight smile).	Сливки? Надеюсь, ты говоришь по-русски? – спросила Вана Марина, наливая ему чай. Неохотно, но совершенно свободно, – ответил Ван, слегка улыбнувшись.	Транслитерация (Сливки, неохотно, но свободно) и реминисценция (слегка улыбувшись – знаменитая цитата из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»)

Таблица 2

Отечественные аллюзии

Оригинал	Комментарий	Комментарий
'All happy families are more or less dissimilar; all unhappy ones are more or less alike,' says a great Russian writer in the beginning of a famous novel	«Все счастливые семьи счастливы, в общем-то, по-разному; все несчастные – в общем-то, похожи друг на друга», – говорит великий русский писатель в начале своего известного романа	Реминисценция на роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина»
an American play based on a famous Russian romance	Американская пьеса основывается на известном русском романе в стихах	Реминисценция на роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина
Tonight she contented herself with the automatic ceremony of giving him what she remembered, more or less correctly, when planning the menu, as being his favorite food – <i>zelyonnyae shchi</i> , containing slippery hard-boiled eggs, irresistibly soft, meat-filled or carrot-filled or cabbage-filled <i>pirozhi</i> . After that, she had decided, there would be bread-crumbed sander (<i>sudak</i>) with boiled potatoes, hazel-hen (<i>ryabchiki</i>) and that	На вечере Марина, не слишком напрягаясь, удовлетворилась традиционным потчеванием Демона его любимыми блюдами...: зеленые щи со скользкими сваренными вкрутую яйцами, ...пирожками с капустой, морковью и мясом. После этого должен был подаваться, по ее замыслу, судак, зажаренный в сухарях, с отварным картофелем и рябчики...	Описание обеда по-русски
my poor <i>dushen'ka</i> ('darling,' more than 'darling'),	Бедный мой душечка (куда сердечней, чем darling)	Аллюзия (русское ласковое обращение)
Morning so nebulous, morning gray-drowning, Reaped fields so sorrowful under snow coverings	Утро туманное, утро седое, Нивы печальные, снегом покрытые	Аллюзия (Стихотворение И.С. Тургенева)
O you, at least, do talk to me, My seven-stringed companion, Such yearning ache invades my soul, Such moonlight fills the canyon!	О, говори, хоть ты со мной, подруга семиструнная... Душа полна такой тоской, а ночь такая лунная...	Аллюзия (Цыганский романс)
'Finish your tea, my precious,' called Marina	Допей чай, догорая! – сказала Марина	Finish вместо drink up

Русские реалии, на которые мы ссылались выше, объединены в таблице 2.

Столь же многочисленны в произведениях В. Набокова реалии западные. Они приведены нами в таблице 3.

На страницах книг писателя можно встретить автореминисценции (ссылки на свои же известные произведения), а также слова, придуманные автором (Таблица 4).

Одним из произведений, написанных в США, является роман «Пнина» (1957). Само название говорит о том, что главный герой – русский, но собственно действие происходит в США. Снова Набоков нарочито выделяет рус-

скость Пнина: гениальной рукой автора герой наделяется привычками типичного русского интеллигента, ему даже присваивается иконно русское имя – Тимофей.

Можно выделить несколько наиболее ярких примеров, связанных с привычками и манерами русских (таблица 5).

Сюжет романа «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1941) также неотделимо связан с Россией. Главные герои – два русских брата-эмигранта, один из которых живет в Англии, а другой – во Франции. Набоков не только снова обращается к теме взаимоотношения русских и иностранцев, но и поднимает вопрос о внутрен-

Таблица 3

Западные аллюзии

Оригинальный текст	Перевод	Комментарий
How in the course of American history an English 'bull' had become a New England 'bell.'	В процессе становления Америки английские «бул» преобразовались в «бел»	Этот каламбур отражает важнейшие события американской истории: от английского владычества (<i>Bull</i> – традиционно-ироничное прозвище англичан) до установления независимости (<i>Bell</i> – колокол свободы).
Well, now the Nile is settled stop Speke.	Ну вот, с Нилом все в порядке. Точка. Стенли...	Историческая фраза, которую произнес перед Королевским Географическим обществом английский путешественник Джон Спик.
In the final tragic triumph of human cogitation: I am because I die.	В завершающей трагической победе человеческой мысли: я умираю, следовательно, я существую.	Переосмысленный афоризм Декарта: «Я мыслю, значит, я существую».
Special asparagus (<i>bezukhanka</i>) which does not produce Proust's After-effect.	По-особому сваренная спаржа, которая прустовских последствий не вызывает.	Приступы астмы у Пруста
	Травертиада	Контаминация, соединяющая фамилию итальянского композитора с названием его оперы.
	Четвертая авеню	Такой улицы нет в Нью-Йорке. Автор хочет показать, что рассказчик обманывает, говоря, что бывал на этой улице.
	Арказия	Персонаж аллегорической поэмы «Королева Фей» английского поэта Э. Спенсера.
Mad Avenue	Медисон Авеню	Лакуна. Не Псих-Авеню. Это сокращение от Медисон Авеню.
A cat appeared from under a bush and, despite a chorus of 'kitty-kitty,' vanished.	Из кустов появилась кошка, но, несмотря на призывы 'кис-кис', скрылась.	Кошку в США зовут pussy-pussy или kitty-kitty, но не кис-кис (лакуна).

Таблица 4

Авторские новации

Оригинальный текст	Перевод	Комментарий
Near Lolita	Близ Лолиты...	Имеется в виду город, где жила Лолита.
To wear her Lolita	Надеть свою лолиту	Имеется в виду юбка, которую любила Лолита (широкая черная юбка).
Re-noboby	Снова никого	Неоним Набокова

Переводческие сложности

Перевод	Оригинальный текст по Набокову	Комментарий
Слушайте, Комаров, – сказал Пнин (довольно невежливое обращение).	'Look here, Komarov (Poslushayte, Komarov –rather discourteous manner of address) – said Pnin.	Несовпадение норм обращений в России и США.
Отделения искусств	Arts Department	Неверный перевод
Дом Президента	President's House	Неверный перевод
Органами, отвечающими за порождение звуков английской речи, являются: гортань, небо, губы, язык (пульчинелла этой труппы) и последнее (по порядку, но не по значению) – нижняя челюсть; на ее-то сверхэнергетические и отчасти жевательные движения и полагался главным образом Пнин, переводя на занятиях куски из русской грамматики или какое-нибудь стихотворение Пушкина. Если его русский язык был музыкой, то английский – убийством. Особые затруднения («дзифи-икультси-и» на пниновском английском) были у него связаны со смягчением звуков, ему никак не удавалось устранить дополнительную русскую смазку из t и d, стоящих перед гласными, которые он столь причудливо умягчал. Его взрывное 'hat' («I never go in hat even in winter») отличалось от общеамериканского выговора 'hot' (типичного, скажем, для обитателей Вайнделла) лишь большей краткостью и оттого более походило на немецкий глагол 'hat' (имеет). Долгие "o" у него неукоснительно становились короткими: 'no' звучало просто по-итальянски, что усиливало его манерой утраивать это простое отрицание («May I give you a lift, Mr Pnin?» – «No-no-no, I have only two paces from here»). Он не умел (и не догадывался) хоть как-то произносить долгое 'u': единственное, что он мог смастерить, когда приходилось сказать 'noon', это вялую гласную немецкого 'nun' («I have no classes in afternoon on Tuesday. Today is Tuesday.»)	The organs concerned in the production of English speech sounds are the larynx, the velum, the lips, the tongue {that punchinello in the troupe}, and, last but not least, the lower jaw; mainly upon its over-energetic and somewhat ruminant motion did Pnin rely when translating in class passages in the Russian grammar or some poem by Pushkin. If his Russian was music, his English was murder. He had enormous difficulty ('dzeefeecooltsee' in Pninian English) with depalatization, never managing to remove the extra Russian moisture from t's and d's before the vowels he so quaintly softened. His explosive 'hat' ('I never go in a hat even in winter') differed from the common American pronunciation of 'hot' (typical of Waindell townspeople, for example) only by its briefer duration, and thus sounded very much like the German verb hat (has). Long o's with him inevitably became short ones: his 'no' sounded positively Italian, and this was accentuated by his trick of triplicating the simple negative («May I give you a lift, Mr Pnin?» «No-no-no, I have only two paces from here»). He did not possess (nor was he aware of this lack) any long oo: all he could muster when called upon to utter 'noon' was the lax vowel of the German 'nun' («I have no classes in afternoon on Tuesday. Today is Tuesday.»)	Указание типичных ошибок русских при изучении английского языка (в произношении и грамматике).
Прежде чем покинуть библиотеку, он решил проверить, как произносится слово 'interested', и обнаружил, что Уэбстер помещает ударение не на третий слог, в отличие от него.	Before leaving the library, he decided to look up the correct pronunciation of 'interested', and discovered that Webster lying on a table did not place the stress accent on the third syllable, as he did.	
Во всю праздничную неделю мая – так называемую Зеленую Неделю, потом уже ставшую неделей Пятидесятницы..., а в Троицын день венки стряхивались в реку.	During a festive week in May – the so-called Green Week which graded into Whitsuntide... and on Whit Sunday the wreaths were shaken down into the river.	Русские православные традиции и обряды
В 1941 году, на исходе первого года обучения, он продвинулся достаточно для того, чтобы бойко пользоваться оборотами вроде 'wishful thinking' и 'okey-dokey'.	In 1941, at the end of one year of study, he was proficient enough to use glibly terms like 'wishful thinking' and 'okey-dokey'	Распространенные фразы в США, означающие «хорошо».

Продолжение таблицы 5

<p>Все лекции нашего друга редактировал один из младших сотрудников кафедры германистики. Процедура была довольно сложная. Профессор Пнин добросовестно переводил свой избыливающий при- словьями русский речевой поток на лоскутный английский. Молодой Миллер исправлял перевод. Затем секретарша доктора Гагена, мисс Айзенбор, печатала его на машинке. Затем Пнин выкидывал места, которых он не понимал.</p>	<p>All our friend's lectures were edited by one of the younger members of the German Department. The procedure was somewhat complicated. Professor Pnin laboriously translated his own Russian verbal flow, teeming with idiomatic proverbs, into patchy English. This was revised by young Miller. Then Dr Hagen's secretary, a Miss Eisenbohr, typed it out. Then Pnin deleted the passages he could not understand.</p>	<p>Сравнение русского языка (избыливающий присловьями речевой поток) с лоскутным английским.</p>
<p>Сердце мое согревает тот российско-интеллигентский способ, посредством которого Пнин попадает внутрь своего пальто: склоненная голова обнаруживает ее совершенную голизну, подбородок, длинный, как у Герцогини из Страны Чудес, крепко прижимает перекрещенные концы зеленого шарфа, удерживая их на груди в требуемом положении, а Пнин тем временем, вскидывая широкие плечи, исхитряется попасть руками в обе проймы сразу, еще рывок, – и пальто надето.</p>	<p>It warmed my heart, the Russian-intelligentski way he had of getting into his overcoat: his inclined head would demonstrate its ideal baldness, and his large, Duchess of Wonderland chin would firmly press against the crossed ends of his green muffler to hold it in place on his chest while, with a jerk of his broad shoulders, he contrived to get into both armholes at once; another heave and the coat was on.</p>	<p>Ироничное описание привычек русских интеллигентов.</p>

Таблица 6

Авторское проявление «русскости»

Перевод	Оригинальный текст по Набокову	Комментарий
<p>Он завтракал в Холле овсянкой такой же серой и скучной, как небо над Большим Двором, и апельсиновым джемом – в точности того же оттенка, что и ползучая поросль на его стенах.</p>	<p>He had had breakfast in Hall, with the porridge as grey and dull as the sky above Great Court and the orange marmalade of exactly the same hue as the creeper on its walls.</p>	<p>Описание типичного английского завтрака</p>
<p>Оказывается, английский язык Себастьяна, хотя плавный и образный, решительно оставался английским иностранца. Его начальные 'г' раскаты- вались и грохотали, он делал смешные ошибки, говорил «I have seized cold» или «that fellow is sympathetic», например, разумея, что это славный мальчик. Он неправильно ставил ударения в таких словах, как 'interesting' или 'laboratory'. Он неверно выговаривал имена вроде 'Socrates' или 'Desdemona'.</p>	<p>It appears that Sebastian's English, though fluent and idiomatic, was decidedly that of a foreigner. His r's when beginning a word, rolled and rasped, he made queer mistakes, saying, for instance, 'I have seized a cold' or 'that fellow is sympathetic' - merely meaning that he was a nice Chap. He misplaced the accent in such words as 'interesting' or 'laboratory'. He mispronounced names like 'Socrates' or 'Desdemona'. Once corrected, he would never repeat the mistake, but the very fact of his not being quite sure about certain words distressed him enormously and he used to blush a bright pink when, owing to a chance verbal flaw, some utterance of his would not be quite understood by an obtuse listener.</p>	<p>Типичные ошибки русских в Англии</p>

нем глубинном мире человека, описывает переживания непризнанного писателя, который, в конце концов, кончает жизнь самоубийством. Набоков осознанно или интуитивно возвращается к этой проблеме, исконно волновавшей сердца и умы российских служителей муз.

В таблице 6 приводятся некоторые примеры из романа, иллюстрирующие удивительное умение автора передать особенности русской души и их проявление на зарубежной почве.

Ментальность – это устойчивое свойство человека, которое вырабатывается на протяже-

нии десятков лет и зависит от множества факторов: географических, природных, культурных, религиозных, определяется воспитанием и образованием человека. Ментальность человека неосознанно проявляется не только в обыденных ситуациях, но и в искусстве как средстве выражения мировоззрения, мировосприятия художника, его ценностей, мыслей, чувств, эмоций, взглядов.

В данной работе мы постарались на примере творчества В.В. Набокова показать, как русская ментальность проявилась в его художественных текстах. Исходя из анализа, осмысления главной идеи произведений, созданных образов, можно сделать вывод о том, что Набоков не утратил русские черты, не слился в единую неотличимую массу с окружавшими его иностранцами, сохранив культурную идентичность.

Набоков говорил: «...вся Россия, которая мне нужна, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство...». Он сумел сохранить лучшие традиции русской литературы и виртуозно, мастерски передал их посредством неродного языка. Набоковские персонажи неотделимы от России, так же как основные ценности, идеи, мысли героев очень понятны русскому человеку и близки по духу.

И самое главное, он однажды произнес: «Не люблю привязывать произведения искусства к окружающей действительности. Тот факт, что я

был вынужден писать книги на неродном языке и поселять своих героев не в той среде, где вырос сам, не имеет никакого отношения к тому, что я хочу сказать и что с тем же успехом сказал бы, не случись советской революции».

Таким образом, Набоков является миссионером русской культуры на Западе и продолжателем лучших традиций классической литературы нашего отечества.

Список использованной литературы

1. Nabokov V.V. URL: <http://newlit.ru/~nabokov/3922.html>; <http://ageofbook.com/fiction/nabokov-vladimir/2242-podvig-nabokov-vladimir.html>
2. Nabokov V.V. URL: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/nabokov/all>
3. Nabokov V.V. Ada, or Ardor: A Family Chronicle. URL: <http://www.ada.auckland.ac.nz/>
4. Nabokov V.V. Lolita (homeenglish.ru). URL: http://www.randomhouse.com/features/nabokov/lo_excerpt.html
5. Nabokov V.V. The Real life of Sebastian Knight. URL: <http://www.litencyc.com/php/sworks.php?rec=true&UID=7531>
6. Набоков В.В. Ада, или Эротиада: Семейная хроника. М.: АСТ, 2006. 700 с.
7. Набоков В.В. Лолита. Король, дама, валет. М.: АСТ, ЗАО НПП Ермак, 2004. 699 с.
8. Набоков В.В. Подлинная жизнь Себастьяна Найта. Пнин. Bend Sinister: Романы. СПб.: Северо-Запад, 1993. 527 с.

Статья поступила 12.10.2010

Принята в печать 19.10.2010

М.Г. Зеленцова, Е.С. Павлова

СОЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ НООСФЕРЫ

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: filosof@isuct.ru

В статье рассматривается роль нравственности в формировании нового космопланетарного (ноосферного) мировоззрения человечества, которое является необходимым условием решения экологических проблем современности.

Ключевые слова: космопланетарное мировоззрение, нравственность, экология, ноосфера, автотрофность.

Ноосфера обычно определяется как оптимальное состояние коэволюционирующих природы и общества, наступившее благодаря сознательному и научно обоснованному руководству процессом их взаимодействия со стороны человека [7,8]. Такая трактовка восходит, как известно, к В.И. Вернадскому и его учению о биосфере и ноосфере.

Действительно, ноосфера в понимании Вернадского – это, прежде всего, сфера научной мысли и технической мощи человечества, охватывающая всю биосферу и придающая ей совершенно новое качество. Вернадский, как и другие представители русского космизма, с оптимизмом смотрел на прогресс человеческой цивилизации и изменение лика Земли. «Вхождение цивилизованного человека в биосферу, – писал он, – коренным образом ее меняет. Девственная природа ее исчезает все с большей быстротой, и человек все ярче выступает как решающий геологический фактор в истории планеты» [2, с. 3-4]. Вернадский считал этот процесс стихийным, естественным процессом, который с необходимостью происходит и нуждается лишь в рационализации, т.е. в корректировке со стороны разума и научной мысли человечества. Никаких опасений относительно последствий научно-технического прогресса, «исчезновения девственной природы», замены ее социотехносферой у Вернадского, видимо, не возникало.

Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что в начале века не все, даже глубокие, мыслители способны были предвидеть надвигающийся кризис в отношениях человека и природы. Как отмечает Ф.И. Гиренок, анализируя философские идеи русского космизма, «демонстрация

победоносной машинной технологии не могла не очаровать сознание передовой российской интеллигенции, усматривающей в этом движении универсальное пространство преобразований несовершенных человеческих масс в союз совершенных личностей» [5, с. 5]. В.И. Вернадский, будучи, как и многие, захвачен открывшимися возможностями человеческого интеллекта, не предполагал, что научно-техническое могущество человека, на основе которого биосфера должна была преобразовываться и «переходить» в ноосферу, обернется не господством над природой, а глобальным экологическим кризисом. Теперь стало совершенно ясно, что научно-технический разум не всегда бывает «разумен», а разумность не всегда совпадает с мудростью.

Однако научно-техническая интерпретация идеи ноосферы Вернадского не является единственно возможной. Его творчество дает основания для выявления и других ее аспектов, например, культурологического, который сегодня является, на наш взгляд, наиболее актуальным. Согласно Вернадскому, человечество, используя силу научной мысли, вводит новые, «культурные» формы биогеохимического круговорота вещества и энергии, которые и составляют сущность естественноисторического становления ноосферы. Ноосфера – это создаваемая человеком культура, причем такая ее форма, в рамках которой человек сможет в будущем строить свои отношения с природой на основе мудрости и нравственности. Эта культура универсальна, в ней реализуется единство художественного, религиозного, философского и научного видения мира [3]. В этом смысле ноосферу нельзя отождествлять с современным состоянием

социума, она – его будущее. Нельзя также считать, что одна только наука способна обеспечить коэволюционное развитие природы и общества, что формирующееся коллективное сознание человечества, общепланетарный разум тождественны техническому Сверхразуму, как полагают некоторые авторы [1]. Возможно, компьютерный сверхразум и будет создан, чтобы решать технические задачи, но он явно не сможет олицетворять собой человеческую мудрость и нравственность, которые являются необходимой составляющей нового общепланетарного сознания.

Нравственным ядром концепции ноосферы у В.И. Вернадского является идея автотрофности человечества, изложенная в одной из его статей [4]. Особенность автотрофов (в основном, это мир зеленых растений) состоит в том, что они при помощи космических лучей сами строят свой организм на основе косного низкоорганизованного вещества, энергии и информации окружающей среды. Гетеротрофы (животные, часть растений и человек) живут за счет автотрофов. Главное в автотрофности – миграция и трансформация атомов в биосфере (естественная радиоактивность). Раскрывая тайны этой трансформации, связанные с фото- хемо- и космосинтезом, человечество научится искусственно, сперва в лабораторных, а затем и в промышленных условиях воспроизводить природно-автотрофные процессы, приспособляя их к своим потребностям, освобождаясь при этом от биосферной зависимости и возвышаясь нравственно [4, с. 485].

Таким образом, специально-биологическая проблема автотрофности осмысливается Вернадским как общенаучная и – шире – как мировоззренческая, культурологическая. К сожалению, в современной философской литературе мало кто увязывает концепцию ноосферы с идеей автотрофности, вследствие чего, как считает, например, А.Д. Московченко, смысл понятия ноосферы остается непроясненным. «Ноосфера без автотрофности выступает выхолощенной и непривлекательной абстракцией», – отмечает автор [9, с. 137]. Автотрофный же взгляд на ноосферу позволяет выявить основные этапы ее становления и развития, сформулировать онтогносеологические качества автотрофных систем как природного, так и социального плана, дать прогноз задач, решение которых позволит человеческой цивилизации выйти из глобального экологического кризиса.

Обнаруживающееся у В.И. Вернадского стремление выйти за пределы естественнонаучного обоснования ноосферы к социокультурному ее смыслу сближает его концепцию с концепцией ноосферы как «мыслящего пласта», как «гармонизированной общности сознаний»,

созданной П. Тейяром де Шарденом. Согласно Тейяру, появление ноосферы на Земле в «новую эру ноогенеза» не требует переделки биосферы и вообще не связано с научно-техническим развитием, а определяется переходом рефлексии на новую историческую ступень и возникновением человека. Будущее цивилизации станет возможным лишь при условии возрастания сознания и «коллективизации человечества» на основе любви. Причем, эта любовь не ограничивается отношениями между людьми, но может быть «всеобъемлющей», то есть распространяющейся на природу, на весь мир. Подтверждением этому служит способность человека испытывать «космическое чувство» близости к миру, «чувство универсума», «чувство целого» [11]. В такой трактовке ноосфера предстает уже не как сфера научно-технического разума, но шире – как сфера мудрости, в которой отсутствует распадение сознания на чувственное и рациональное, расщепленное и нравственное, разумное и мудрое. Возможно, эту реальность лучше обозначить термином «софиосфера», как уже предлагалось в литературе [6].

Для того чтобы софиосфера стала реальностью, необходимы два основных условия: во-первых, человек должен быть нравственным; во-вторых, гуманным и справедливым должно быть общество, членом которого он является. Что касается первого условия, надо учитывать, что люди в моральном отношении, как и в любом другом, далеко не одинаковы. Все люди, исключая патологические случаи, наделены моральными способностями, но по степени развития и практической действенности они могут быть очень и очень разными. Одни твердо придерживаются моральных принципов, другие же ради личной выгоды, как они ее понимают, или по принуждению их нарушают. Большинство представителей любого народа в обычной обстановке склонно к «легальному», правильному, с точки зрения морали и закона, поведению, но многое в этом отношении зависит от экономического положения общества и политических факторов. Поведение индивидов детерминировано чрезвычайно сложным образом: играют роль и врожденные психологические особенности, и прижизненные влияния – семьи, школы, друзей, возможно, криминальных элементов и т.д. Что касается второго условия – роли общественного строя в осуществлении софиосферы, то оно является главным и определяющим. Все зависит от того, каков этот строй – гармоничный или дисгармоничный.

Суть гармоничности социума состоит в том, что его члены соблюдают интересы целого, а целое, общность, обеспечивает интересы всех своих членов. Противоречия разрешаются на базе

социального единства, во имя его сохранения, прочности и благополучия, как в целом, так и всех его членов в отдельности. Условием этой гармоничности является социальное равенство, понимаемое в смысле равенства возможностей, причем это равенство должно быть конкретным, реальным, то есть включать равную для всех доступность условий, необходимых для его обеспечения. Равенство надо понимать с учетом неравенства. Их единство выражается в понятии справедливости. Значение равенства этим не умаляется, ибо оно составляет основу справедливости, служит ее главной целью. Поэтому момент неравенства должен быть таким, чтобы не вести к уничтожению равенства, а наоборот, способствовать его утверждению. Ясно, например, что если не учитывать различий между детьми и взрослыми, больными и здоровыми, сильными и слабыми и т.п., то их равное право на нормальную жизнь будет нарушено.

При первобытно-общинном строе сформировалась гармоничная социальность: потребности членов социума обеспечивались в равной степени, никто не служил средством одностороннего использования для других, и в этом отношении все были свободны. Индивиды с негативными задатками вынуждены были подчиняться общему порядку, власти коллектива и вождя. В течение десятков тысяч лет существования первобытного коммунизма мораль была эффективным регулятором поведения в границах рода, племени и союза племен. С переходом же к классовому строю и частной собственности связан моральный упадок, о котором писал Ф.Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», основываясь на исследовании Л. Морганом родового общества. Общая природа человека в классовом обществе, как и мораль, сохраняется, но «модифицируется», подвергаясь существенной деформации. Индивидуалистическая тенденция в психологии и поведении людей становится решающей силой, гармония в социуме уступает место дисгармонии, борьбе «всех против всех», на смену равенству приходит неравенство. Равноправное сотрудничество и взаимопомощь, свойственные общей природе человека, заменяются эксплуатацией одних людей другими. Общество, его высший слой, органы управления являются жестокими, бесчеловечными по отношению к низшему слою, что ведет к его духовному и физическому вырождению, к всеобщему аморализму. Только справедливый общественный строй, т.е., социализм (который нельзя отождествлять с государственным капитализмом советской эпохи), может быть основой формирования коллективного сознания человечества, софиосферы.

Социализм – единственная форма социального устройства человечества, в рамках которой

возможен переход к модели устойчивого развития, управляемой социоприродной эволюции. Поэтому идеал социализма в начале XXI века не только сохраняется, но и приобретает содержание «экологического», или «ноосферного», социализма [10]. Ноосферный социализм («ноосферизм»), по определению А.И. Субетто, – это новая научно-мировоззренческая система (и, соответственно, идеология), возникающая в эпоху глобального экологического кризиса. Эта идеология объединяет в себе учение В.И. Вернадского о ноосфере и научный социализм К. Маркса, выступая в качестве альтернативы глобальному империализму. «Ноосферизм, – пишет автор, – есть отказ человечества от рыночно-капиталистической формы своего бытия, породившей в конце XX века глобальную экспансию мировой финансовой капиталократии и ее идеологическое обоснование в форме мондиализма – концепции Нового Мирового Порядка с диктатурой «золотого миллиарда...» [10, с. 8]. Глобальный империализм, считает автор, в принципе не способен решить современные проблемы человечества. Только социализм, делающий ставку на коллективизм, сотрудничество, взаимопомощь, социальную справедливость, на дружбу народов на основе примата труда над капиталом, выведет цивилизацию из кризиса.

Ноосферный социализм является не только формой преодоления отчуждения человека от средств производства и своей истории, но и формой преодоления отчуждения от природы, биосферы. В своем становлении он опирается на «человеческую революцию» (А. Печчеи), формирующую человека с космопланетарным, ноосферным сознанием, готового взять на себя ответственность за социоприродную эволюцию. Таким образом, ноосферный социализм связывает справедливое общественное устройство с императивами установления социоприродной гармонии, отказа от сверхпотребления в пользу реализации духовных и экологических потребностей человека.

Список использованной литературы

1. Бессонов В.Н., Ващекин, Н.П., Урсул, А.Д. Методология науки и стратегия выживания цивилизации. М.: Изд-во МГУК, 1999. 338 с.
2. Вернадский В.И. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 220.
3. Вернадский В.И. Размышления натуралиста: Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. 191 с.
4. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // В.И. Вернадский. Труды, воспоминания современников. Суждения потомков / Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993. С. 462-486.
5. Гиренок Ф.И. Русские космисты. М.: Знание, 1990. 64 с.

6. Зорин В.И. Философия как софиогония: материалы II Рос. Филос. Конгресса. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. Т. 1. Ч. 2. С. 194-195.
7. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.;
8. Урсул А.Д. Путь в ноосферу. М.: Луч, 1993. 274 с.
9. Московченко А.Д. Русский космизм. Глобальные проблемы XXI века. // Вестник РФО. 2009. № 4. С. 133-139.
10. Субетто А.И. Ноосферизм. Введение в ноосферизм. СПб: Астерион, 2001. Т. 1. 480 с.
11. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.

Статья поступила 18.10.2010

Принята в печать 21.10.2010

М.Б. Клейман

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА ПОСЕЛЕНИЯ

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: filosof@isuct.ru

В наши дни роль социально-психологических факторов в развитии города становится особенно очевидной. Подобно тому, как физическая среда на определённой территории во многом формируется под воздействием климатических факторов, особое значение для формирования среды города имеет его социально-психологический климат. В чём сущность данного феномена? Каковы методологические основы и возможные методы его исследования? Настоящая статья представляет собой поиск ответов на данные вопросы.

Ключевые слова: городское сообщество, социопсихологический климат, методология, метод.

Подобно существованию любого биологического вида, жизнь человека немислима без адаптации к условиям внешней среды. Формирование человеческой психики, так или иначе, «задано» определёнными пространственно-временными рамками. Чешский психолог М. Черноушек рассматривает территориальность как форму поведения, которая регулирует использование специфических секторов определённой области в строгой временной последовательности [7, с. 86]. Среда как совокупность условий, окружающих человека и взаимодействующих с ним как с организмом и личностью, условно подразделяется на несколько видов. Важнейшими из них и неразрывно связанными друг с другом являются физическая среда – совокупность физических условий существования и деятельности человека, а также социальная среда – окружающие человека артефакты, создающие материальные и духовные условия его существования. Социальная среда представляет собой необходимое условие межличностного и межгруппового взаимодействия.

В свою очередь, особенности и характер подобного взаимодействия во многом детерминируются спецификой организации социального пространства внутри определённого поселения или населённого пункта: деревни, села, хутора, станицы, посёлка, города и т.д. Именно в рамках того или иного поселения большинство людей, живущих на нашей планете, проходят основные стадии социализации личности. Именно здесь возникает и развивается та или иная социальная

группа. Эти процессы представляют самый прямой и непосредственный интерес для социального психолога.

Здесь уместно обратиться к определению, данному М.Н. Межевичем. По его мнению, поселение представляет собой «населённый пункт, постоянное место жительства человека. Существование поселения обусловлено своего рода закреплением индивидов за тем или иным видом труда, который всегда территориально локализован. Условия жизнедеятельности, складывающиеся в месте жительства, в т.ч. трудовой деятельности, непосредственно предопределяют возможности населения для удовлетворения своих повседневных потребностей, для развития способностей, т.е. выступают как непосредственные фактические основания его социального развития. Постоянное место жительства, неоднородность условий жизнедеятельности в их сопоставлении между собой приводит к тому, что население конкретного поселения складывается в первичную социально-территориальную общность, общность по поселению» [3, с. 399]. Таким образом, понятие «социально-территориальная общность» может рассматриваться как приближенный аналог категории “community” в англоязычной традиции.

В свою очередь, для обозначения исторически сложившихся в рамках того или иного населённого пункта особенностей предметного и эмоционального отношения его жителей к среде своего обитания, межличностных и социальных отношений, уместно использовать

понятие «социально-психологический климат поселения».

Важнейшим структурообразующим элементом социально-психологического климата поселения уместно считать *ментальные карты*, т.е. совокупность стереотипизированных пространственных представлений, являющихся социально желательными в рамках того или иного населённого пункта. Проблема ментальных карт впервые была сформулирована в 1960 г. американским учёным Кевином Линчем [8]. Решающий вклад в её исследование внёс один из классиков социально-психологической науки Стенли Милграм [4]. За последние четыре с половиной десятилетия были опубликованы сотни работ, посвящённых исследованию данной проблемы [4, с. 30-31]. По мнению чешского психолога М. Черноушека, «ментальные (мысленные) карты являются результатом комплексного характера восприятия среды. Такая карта является нашей внутренней картиной среды, в которой мы существуем» [7, с. 91]. Эта карта неизбежно приобретает групповой характер. Однако уместно предположить, что данный групповой характер проявляется по-разному и в различной степени. Например, для жителей небольших сёл в Центральной России традиционно была характерна гомогенность индивидуальной и групповой ментальной карты. Так, местом проведения сходов считалась центральная площадь села, местом проведения досуга – завалинка (позднее – сельский клуб). И любой селянин просто не мог себе представить, что можно «отделиться» от остальных и придать свой, индивидуальный, смысл тому или иному месту. Что же касается городской среды, то здесь ментальная карта неизбежно приобретает более индивидуализированный характер в силу особенностей процесса социального влияния и относительно невысокой социально желательной степени конформизма. Кроме того, для жителей небольших поселений в России картина мира традиционно исчерпывалась границами своего города, посёлка, села. В таком случае, например, территория соседней губернии или даже уезда воспринималась как нечто чужое, неизведанное, непонятное. И напротив, скажем, для большинства современных городских жителей в развитых странах мира вполне естественными являются частые переезды на постоянное место жительства из одного города в другой, зачастую находящийся в другой стране. Привычным явлением стали деловые поездки за рубеж, проведение за границей отпуска или даже выходных.

Формирование ментальных карт жителей того или иного поселения, в свою очередь, правомерно рассматривать как неотъемлемую составляющую процессов личностной и группо-

вой *идентификации* как *отождествления себя личностью или социальной группой с определённой общностью*, а также формирования *идентичности*, которую допустимо рассматривать как *результат процессов идентификации*.

Уместно предположить, что поселенческая идентичность, формирующаяся в рамках того или иного населённого пункта, является структурообразующим звеном в системе личностной и групповой идентичности в целом. Например, любовь к «малой родине» способствует и формированию позитивной этнической идентичности. И напротив, кризис поселенческой идентичности часто формирует и комплекс национальной неполноценности, который личность и социальная группа пытаются компенсировать (или сверхкомпенсировать) путём подчёркивания своей национальной исключительности и зачастую агрессивности по отношению ко всему иному, чужому, непонятному.

Однако для «полноценной» идентификации вовсе недостаточно того, чтобы личность или социальная группа считали себя частью более широкой социальной общности и демонстрировали это на практике. Необходимо, чтобы само сообщество было с этим согласно и демонстрировало своё согласие на практике. Например, человек, родившийся в определённом населённом пункте, не мыслит себя вне своей «малой родины». Но он может носить имя и фамилию, нетипичные для жителей данного населённого пункта, либо иметь выделяющиеся на общем фоне глаз и волос. И вот окружающие дают понять такому человеку, что он здесь «чужой». Его внешние особенности, а также национальная принадлежность становятся стигмой, т.е. признаком, дискредитирующим личность и группу. Такой стигмой тем более может стать иной образ жизни.

Уместно допустить, что процессы идентификации и формирования идентичности лежат в основе процесса *социального оценивания – соотношения образа жизни личности и социальной группы с определёнными нормами и стереотипами*. Очевидно, что характер и формы данного процесса могут коренным образом различаться в небольшой деревне, где каждый человек на виду, и в огромном мегаполисе с присущим ему анонимным характером социальных связей.

В качестве результата процесса социального оценивания возможно рассматривать *толерантность – ценностное отношение к личности и социальной группе, выражающееся в признании, принятии и понимании носителей иных взглядов, иных ценностей, иного образа жизни, а также в социальном одобрении их права быть иными*. Представляется, что на формирование данного ценностного отношения оказывает решающее воздействие ментальная карта социального

пространства, характерная для жителей того или иного населённого пункта. Если данная ментальная карта ограничивается лишь «своим» населённым пунктом, представляющим собой замкнутую социальную систему, то данная ситуация объективно способствует развитию интолерантности, т.е. нетерпимости в отношении всего иного, чужого, непонятного.

Уровень толерантности в рамках того или иного поселения (либо его части), в свою очередь, оказывает самое прямое и непосредственное воздействие на характер и особенности *социального влияния*, которое, в свою очередь, также необходимо рассматривать в качестве неотъемлемого элемента социально-психологического климата поселения.

Социальное влияние правомерно анализировать как совокупность различных механизмов воздействия на поведение личности и социальной группы. В качестве наиболее ярко выраженной формы социального влияния допустимо рассматривать *социальное давление*, которое представляет собой попытку манипулирования личностью или социальной группой в интересах какой-либо другой личности и социальной группы.

Социальное оценивание, толерантность и социальное влияние можно считать составными элементами системы *социального контроля*, сложившейся в пространственно-временных рамках того или иного поселения. Важнейшим результатом воздействия данной системы видится *конформизм – изменение поведения или убеждений в результате социального давления*. Конформизм предполагает наличие определённого социального желательного идеала личности или социальной группы, в соответствии с которым и осуществляется данное изменение поведения или убеждений. Данный идеал в различных поселениях может быть фиксирован в сознании его жителей с различной степенью жёсткости, что, в свою очередь, обусловлено спецификой традиции, сложившейся в рамках того или иного населённого пункта. Во многом в зависимости от этой специфики конформизм может проявляться либо в форме *уступчивости*, когда *внешние действия хотя и соответствуют давлению группы, однако присутствует личное несогласие*, либо *одобрения*, при котором *действия и убеждения приходят в полное соответствие с социальным давлением*.

Таким образом, формирование социально-психологического климата поселения во многом зависит от характера и особенностей межличностного и межгруппового взаимодействия в пространственно-временных рамках того или иного населённого пункта.

Однако здесь перед нами стоит достаточно непростая задача – чётко определить методы

проведения комплексного мониторингового исследования социально-психологического климата поселения. Облегчить её во многом поможет использование логически последовательного и чётко сформулированного терминологического аппарата. И здесь большую помощь нам могли бы оказать работы В.В.Новикова, посвящённые исследованию социально-психологического климата коллектива.

Как отмечает В.В.Новиков, «деятельность практического психолога не позволяет уделять слишком много внимания поиску, подбору и использованию громоздких и весьма трудоёмких исследовательских методик» [5, с. 284]. Данное предположение, высказанное с учётом специфики исследования социально-психологического климата производственного коллектива, представляется нам ещё более обоснованным в условиях поселения, особенно крупного города, где при обеспечении репрезентативности анализа эмпирических данных социальный психолог неизбежно столкнётся с проблемой проведения исследования среди больших выборочных совокупностей его жителей. В свою очередь, воздействие на реальную ситуацию в рамках того или иного поселения просто немисливо без сложившегося и многократно апробированного не только концептуального, но и операционального аппарата. Поэтому психолог-профессионал должен быть вооружён достаточно простыми, но одновременно по возможности универсальными и надёжными инструментами, не требующими особо сложных процедур и длительных операций.

Здесь нам бы могли оказать огромную помощь такие понятия, как «социальный паспорт» и «социально-психологический портрет поселения». Начиная с 1970 г., данные термины достаточно плодотворно использовались В.В.Новиковым и зарекомендовали себя надёжными инструментами получения достоверной, многоаспектной и действенной информации.

Как справедливо подчёркивает В.В.Новиков, «термином “социальный паспорт коллектива” в отечественной литературе называются самые разнообразные социологические и отчасти социально-демографические, морально-психологические, профессиональные, квалификационные и организационно-экономические характеристики. По нашему мнению, социальный паспорт коллектива, как и паспорт отдельного человека, должен содержать только объективную информацию. Субъективные характеристики должен раскрывать другой документ – социально-психологический портрет коллектива» [5, с. 285].

Однако до сих пор данные термины использовались исключительно для анализа общественной

психологии отдельного коллектива. Каким же образом эти категории могут быть применены в процессе анализа социально-психологического климата поселения?

Что касается социального паспорта поселения, то здесь всё более или менее понятно. Данный документ должен содержать в себе объективную информацию о том или ином населённом пункте (название, географическое положение, природно-климатические условия, структура хозяйства, социально-демографические характеристики населения и т.д.).

Таким образом, основным методом, используемым социальным психологом для составления социального паспорта поселения, объективно должен стать метод анализа документации. Необходимо проанализировать сведения, содержащиеся в справочных материалах по экономике, демографии и географии. Данное обстоятельство, на наш взгляд, служит ещё одним доказательством того, что исследование социально-психологического климата поселения должно носить междисциплинарный характер.

Это предположение, как нам представляется, можно полностью отнести и к составлению социально-психологического портрета поселения как неотъемлемой составной части данного исследования. Но для более точного выбора методов составления социально-психологического портрета поселения, считаем целесообразным, в первую очередь, как можно более точно определить значение слова «портрет».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля содержится следующее определение: «Портрет – изображение человека, лица его чертами, живописью. Описание нрава, быта и внешности человека, схожее с ним» [1, с. 842]. А вот как определяется значение слова «портрет» в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «Портрет – 1. Изображение какого-нибудь человека на картине, фотографии, в скульптуре. 2. перен. Художественное изображение, образ литературного героя. *Литературный портрет*» [6, с. 565]. Таким образом, само определение понятия «портрет» показывает, что при составлении социально-психологического портрета того или иного поселения основной акцент необходимо делать на наиболее важные, сущностные, субъективные социально-психологические особенности межличностного, внутри- и межгруппового взаимодействия в его пространственно-временных рамках. Как полагает В.В. Новиков, социально-психологический портрет призван давать характеристику субъективных, именно общественно-психологических особенностей работников конкретного завода, фабрики, объединения, цеха, участка и т.п. [5, с. 287]. Представляется, однако, что социально-психологический

портрет поселения вовсе не должен содержать анализа конкретных проявлений поведенческой активности людей, а также отношения людей, живущих в том или ином поселении, к условиям жизни, к среде своего обитания и к самим себе. Когда мы смотрим на портрет того или иного человека, то мы можем лишь предполагать, что он мог сказать в той или иной ситуации, как поступить в тех или иных случаях, но мы вовсе не слышим его слова, не видим всех его поступков. Поэтому, как нам кажется, социально-психологический портрет поселения должен содержать анализ лишь наиболее существенных, устойчивых социально-психологических характеристик жителей того или иного поселения, служа, вслед за составлением социального портрета, необходимым «прологом» комплексного мониторингового исследования социально-психологического климата поселения. По образному замечанию В.В. Новикова, «эти документы – братья, но не близнецы» [5, с. 287]. Если социальный паспорт поселения призван отражать объективные предпосылки формирования социально-психологического климата населённого пункта, то социально-психологический портрет призван отражать субъективные характеристики формирования СПК. Данные характеристики, как видится, самым прямым и непосредственным образом определяются особенностями исторического развития того или иного города, посёлка, села, деревни, станицы, иного населённого пункта.

Поэтому, как нам видится, основной «составляющей» социально-психологического портрета населённого пункта является анализ его традиции, т.е. стереотипизированного социального опыта, накопленного в процессе исторического развития поселения и актуального для его жителей в исследуемый период времени.

И здесь для исследователя может оказаться очень полезным метод построения истории в обратном направлении, аналитической истории, обоснованный известным учёным-экономистом В.В. Леонтьевым [2]. Поэтому нам представляется, что сам термин «*социально-психологический портрет*» применительно к условиям поселения правомерно обозначить несколько по-иному для более адекватного отражения методов, применяемых нами в процессе исследования. Данный феномен, по нашему мнению, уместно назвать словосочетанием «*психолого-исторический портрет поселения*».

Это обстоятельство диктует исследователю необходимость использования методов, разработанных в рамках исторической науки. Основным методом в работе историка является анализ исторических источников. Междисциплинарный характер настоящего исследования подразумевает,

что данный метод должен использоваться и в рамках социальной психологии, но с использованием категориального аппарата именно данной области научного знания. В принципе, для психологической науки метод контент-анализа, а также анализа результатов человеческой деятельности вовсе не является новым. Другое дело, что при составлении психолого-исторического портрета того или иного поселения мы зачастую будем иметь дело с источниками, относящимися к далёкому прошлому, что для социального психолога зачастую является непривычным. И здесь ему могут «протянуть руку помощи» коллеги-историки. В рамках социально-психологического исследования основной упор, как нам видится, всё же должен быть сделан на анализ *вторичных источников*, а именно *исследований историков*, уже взявших на себя основной труд анализа первичных исторических источников, связанных с историей определённого поселения.

Думаем, что междисциплинарный анализ, основанный на диалоге представителей различ-

ных отраслей научного знания, может внести определённый вклад в осмысление проблемы парадигмальной эклектичности, столь существенной для методологии науки XXI века.

Список использованной литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Издательская группа Прогресс-Универс, 1994. Т. 3. 912 с.
2. Леонтьев В.В. Экономические эссе: Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990. 414 с.
3. Межевич М.Н. Поселение // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Норма – Инфра., М. 1998. 672 с.
4. Милграм Ст. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
5. Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука. М.: Институт психотерапии, 2003. 343 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2001. 939 с.
7. Черноушек М. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989. 174 с.

Статья поступила 05.10.2010

Принята в печать 08.10.2010

Е.В. Костина

МОДЕЛЬ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ (BLENDED LEARNING) И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: ino@isuct.ru

В статье рассматривается модель смешанного обучения (blended learning), её преимущества в обучении иностранным языкам, а также проблемы, которые могут возникнуть при ее использовании.

Ключевые слова: модель смешанного обучения, иностранный язык, ИКТ, виртуальная классная комната, технофобия.

На протяжении столетий учителя и преподаватели обучали студентов в классной комнате. Несколько десятилетий назад мало кто представлял себе, что инновационные технологии кардинально изменят возможности преподавателей в обучении различным дисциплинам. Теперь же невозможно представить процесс обучения без информационных и компьютерных технологий (ИКТ). Пройдет еще немного времени, и в понятии традиционного обучения закрепятся такие инструменты, как электронные курсы, электронные библиотеки, новейшие средства обучения и передачи знаний.

Истинные инновации в педагогике явление не частое. Можно сказать, что в современной образовательной среде инновация это внедрение в практическую деятельность научных открытий. Стремительное развитие цифровых технологий в последние десятилетия привело к тому, что процесс обучения протекает не только в аудиториях и классах, он переместился в виртуальную среду всемирной Интернет-паутины.

Внедрение инновационных технологий в процесс обучения привело к появлению такой формы работы преподавателей и студентов, как смешанное обучение. Понятие смешанного обучения (blended learning) появилось не так давно, и определения носят достаточно описательный характер. Так, Дарлин Пейнтер (Darling Painter) в статье «Missed Steps» предлагает под смешанным обучением понимать объединение строгих формальных средств обучения-работы в аудиториях, изучении теоретического материала – с неформальными, например, с обсуждением посредством электронной почты и Интернет-конференций [2].

Пурнима Валиатан (Purnima Valiathan) использует термин «смешанное обучение» для описания решений, в которых комбинируются различные способы доставки учебного содержания, такие как курсы, построенные на Веб-технологиях, EPSS и методики управления знаниями. Он также использует его для описания обучения, сочетающего различные виды учебных мероприятий, включая очное обучение (face-to-face), онлайн электронное обучение (live elearning) и самообучение на рабочем месте (self-paced learning) [5].

Эллисон Розетт (Alloson Rossett) и Ребекка Воган Фрази (Rebecca Vaughan Frazze) утверждают, что смешанное обучение объединяет противоположные, на первый взгляд, подходы – такие как формальное и неформальное обучение, общение "лицом-к-лицу" и общение "он-лайн", управляемые действия и самостоятельный выбор пути, использование автоматизированных справок и связей с коллегами – чтобы достичь своих целей и целей организации [6].

Роджер Шанк (Roger Schank), на которого ссылается Дональд Кларк (Donald Clark) в своей статье «Смешанное обучение» («Blended learning»), определяет смешанное обучение, как использование, в той или иной мере, электронного и аудиторного обучения [2].

Таким образом, можно выделить три основных компонента модели смешанного обучения, которые используются в современной образовательной среде:

- очное обучение (face-to-face) – представляет собой традиционный формат аудиторных занятий преподаватель-студент;

- самостоятельное обучение (self-study learning) – предполагает самостоятельную работу обучающихся: поиск материалов с помощью ресурсной карты, поиск в сети и т.д.;
- онлайн обучение (online collaborative learning) – работа студентов и преподавателей в режиме онлайн, например, с помощью Интернет-конференций, скайп или вики и др.

Если суммировать все вышесказанное, то можно, вероятно, определить смешанное обучение как систему обучения/преподавания, которая совмещает в себе наиболее эффективные аспекты и преимущества преподавания в классной комнате и интерактивного или дистанционного обучения; представляет собой систему, состоящую из разных частей, которые функционируют в постоянной взаимосвязи друг с другом, образуя некое целое. То есть, это система, в которой составляющие ее компоненты гармонично взаимодействуют, при условии, что все эти компоненты грамотно методически организованы [1].

Модель смешанного обучения широко используется в западных странах, и существует статистика, согласно которой работодатели с большим желанием берут на работу выпускников онлайн или смешанных программ, так как они не только имеют навыки работы с новыми компьютерными технологиями, но и способны самостоятельно работать и обучаться.

Что может дать модель смешанного обучения языковому образованию? На самом деле, использование технологий в образовании не является чем-то совершенно новым. Десятилетиями учителя использовали магнитофоны, лингафонные классы, видео, и до сих пор они верой и правдой служат надежной опорой преподавателю во время занятий в аудитории. С появлением компьютеров возможности обучения значительно расширились – компьютерное тестирование, использование видеокурсов и других опций компьютера. С появлением Интернета информационные и компьютерные технологии (ИКТ) еще больше расширили возможности преподавателей – доступ к аутентичным иноязычным текстам, возможность общения онлайн с носителями языка, использование обучающих программ на языке и многое другое.

Преподавание иностранных языков в вузе осуществляется по традиционной схеме, отработанной многими поколениями преподавателей. Студенты приходят на занятия, где основными источниками информации для них являются учебники и лекции, на практических занятиях они отрабатывают навыки чтения, перевода, устной речи, для чего преподаватель может использовать и видео, и магнитофоны. Контроль может осуществляться и самим преподавателем,

и с помощью компьютерного тестирования. В действительности, модель смешанного обучения не отвергает того полезного, что есть в традиционной модели, а скорее совершенствует ее возможности.

- Лекционные занятия. Полный материал лекций и слайды к ним есть в СДО, доступны всем студентам и легко могут использоваться для самостоятельного изучения.
- Практические занятия (Face-to-face sessions) по сути могут быть объединены с лекционными, так что на них происходит обсуждение самых интересных и важных тем курса и отработка практических навыков.
- Учебные материалы существуют не только в печатном, но и в электронном виде, преподаватель составляет ресурсную карту, в которой указаны основные и дополнительные материалы, ссылки Интернета, которыми может пользоваться студент.
- Онлайн общение. Это совершенно новый элемент, который пришел в смешанное обучение из онлайн обучения. Здесь есть различные инструменты-чат, форум, скайп, – дающие студентам и преподавателю возможность общаться и работать вместе.
- Индивидуальные и групповые проекты (Collaboration). Эта форма работы развивает навыки работы в интрнете, навыки поиска, анализа информации, работы в группе, умение правильно распределять обязанности и нести ответственность за принятые решения.
- Виртуальная классная комната. Этот инструмент позволяет студентам общаться посредством различных средств Интернет - коммуникаций, не находясь физически в классе, что дает обучающимся определенную долю свободы в процессе обучения.
- Аудио- и видеолекции, анимации и симуляции. Эти элементы смешанного обучения делают процесс обучения простым и более насыщенным.

Существует ли вероятность того, что использование ИКТ полностью заменит преподавателя в аудитории? Говорить об этом преждевременно, ибо язык – величина переменная, он требует обязательного элемента «живого общения», поэтому, если говорить о языковом обучении, можно предположить, что большей продуктивностью будет характеризоваться комбинированное обучение. В этом случае обучение строится на активном взаимодействии обучающегося не только с компьютером, но и с живым преподавателем в форме, когда обработанный самостоятельно материал обобщается, анализируется и используется в реальных ситуациях через решение коммуникативных задач.

В чем заключаются задачи преподавателя, использующего модель смешанного обучения в группе? Во-первых, необходимо правильно организовать учебный материал при создании курса. Это значит, что преподаватель должен четко знать, какой материал будет изучаться аудиторно, а какой можно вынести на изучение в дистанционной форме. Нужно учитывать, какой материал преподавателю необходимо объяснить и проработать на занятии в аудитории, какой материал и выполнение каких заданий требует у разных студентов разного времени для формирования навыка и, соответственно, может быть перенесен на дистанционное обучение, и какой материал будет целесообразно вынести на самостоятельную работу. Во-вторых, требуется четкая организация учебного процесса. Сюда можно включить такие моменты, как распределение видов деятельности на занятии в аудитории и дистанционно, решение дидактических задач с учетом индивидуальных особенностей студентов, выбор методов обучения на очных и дистанционных занятиях, а также осуществление контроля и самоконтроля обучающихся. Немаловажным фактором является формирование устойчивой мотивации к учебно-познавательной деятельности, которая должна поддерживаться на всем протяжении процесса обучения. Преподаватель должен стимулировать самоконтроль и поощрять и развивать различные способы продуктивного сотрудничества с обучающимися.

В чем состоят преимущества смешанного обучения? Цель данной методики состоит в том, что бы сформировать у студентов умение самостоятельно планировать и организовывать свою деятельность, ориентируя ее на конечный результат. Студенты учатся принимать решения, делать осознанный выбор и нести за него ответственность. У них формируются навыки и умения работать в информационном пространстве, самостоятельно искать, отбирать и анализировать информацию, представлять результат с использованием различных современных технологий, то есть происходит формирование необходимых речевых и социокультурных компетенций.

Таким образом, очевидно, что модель смешанного обучения целиком вписывается в концепцию модернизации современного образования, основанную на введении новых образовательных стандартов и вхождение в Болонский процесс и другие международные соглашения.

Однако, в силу того, что в большинстве Российских образовательных учреждений уровень обеспечения информационными технологиями и общий уровень компьютерной грамотности оставляет желать лучшего, нельзя говорить о

том, что такая модель широко используется в процессе обучения.

Причин этого несколько. Одной из ключевых можно считать боязнь преподавателей использовать современные компьютерные технологии в своей работе. Здесь можно говорить о проявлении **технофобии** [4]. Эту характеристику можно отнести к людям, которые боятся использовать новые технологические разработки. Недавно появившиеся термины «цифровые аборигены» (digital natives) – не очень удачный перевод, достаточно верно отражающий суть явления – то есть люди, широко использующие цифровые технологии во всех сферах жизни, и «цифровые иммигранты» (digital immigrants) – то есть те, кто в силу разных, особенно возрастных причин, не хочет вникать в суть происходящих перемен – очень точно отражают отношение к использованию ИКТ в процессе обучения. Вероятно, большинство преподавателей, являясь «цифровыми иммигрантами», не видят необходимости менять отработанный годами процесс преподавания предмета, переходить от использования только бумажных носителей и устаревших магнитофонов к новым электронным устройствам. Так как роль самого преподавателя в процессе использования смешанного обучения возрастает, то можно сказать, что мотивация и стремление к самообразованию совершенно необходимо современному педагогу в его работе со студентами.

Другой достаточно серьезной проблемой является проблема нехватки времени. Освоение новых технологий и создание электронных курсов, поиск информации, составление ресурсной карты, создание презентаций, проверка заданий студентов – все это требует от преподавателя не только освоения новых технологий, но и длительных временных затрат.

Серьезной трудностью, с которой сталкиваются преподаватели при создании электронно-обучающих ресурсов, – доступ и использование документов других авторов. С одной стороны, встает проблема авторского права при использовании материалов особенно из Интернета, с другой стороны, необходимо защитить авторские права своего собственного вновь созданного документа. При разработке курса необходимо учитывать, что многие материалы можно использовать с разрешения правообладателя, но это может оказаться трудоемким, дорогим и длительным процессом. Иногда трудно идентифицировать правообладателя или он может не ответить.

Это далеко не все аспекты, которые можно рассматривать в связи с использованием модели смешанного обучения в процессе обучения иностранным языкам и не только им. Есть много

PROS и CONS, которые еще будут обсуждаться, но несомненно одно – научно-технический прогресс превратил цифровые технологии в эффективный инструмент обучения, и расширение его дальнейшего использования не вызывает сомнений. В конечном итоге конкуренция на образовательном рынке заставит многие образовательные учреждения рассматривать ИКТ как один из ключевых видов сотрудничества студента и преподавателя, где выгоду получает каждый из участников процесса.

Список использованной литературы

1. Десятова Л.В. Использование модели смешанного обучения (blended learning) для создания и апробирования курса ИКТ для поддержки обуче-

ния по базовой программе. М.: Издательский дом «Первое сентября», 2010. № 13. С. 7.

2. Желнова Е.В. 8 этапов смешанного обучения (обзор статьи «Missed Steps» Дарлин Пейнтер // Training & Development). URL: <http://www.obs.ru/interest/publ/?thread=57>.

3. Clarc D. Blended Learning // CEO Epic Group plc, 52 Old Stein, Brighton BN1 1NH, 2003. P. 23.

4. Dudney G., Hockly N. How to...Teach English with Technology // Pearson Education Limited Edinburgh Gate Harlow Essex CM20 2JE England and Associated Companies throughout the world. 2007. P. 15.

5. Purnima V. Blended Learning Models // Published: August 2002. P. 1. URL: <http://www.learningcircuits.org/2002/aug2002/valiathan.html>.

6. Rossett A., Vaughan F., Blended learning CEO Epic Group plc, 52 Old Steine, Brighton BN1 1NH, 2003, URL: <http://www.obs.ru/interest/publ/?thread=57>.

*Статья поступила 07.10.2010
Принята в печать 12.10.2010*

Е.А. Насонова

АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОНЯТИЯ «УЧЕБНАЯ АВТОНОМИЯ»

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: ino@isuct.ru

В статье представлено ключевое наполнение понятия «учебная автономия», определено соотношение данного термина с близкими по значению понятиями, такими как «самостоятельность» и «самостоятельная работа», «самообразование» и «самообучение», «учебная компетенция».

Ключевые слова: учебная автономия, самостоятельность, самообразование, вуз, компетенция, иностранный язык.

Знания и умения, приобретаемые в высшем учебном заведении, должны быть двоякого рода: для профессиональной работы и для того, чтобы уметь самостоятельно совершенствоваться, в массе новых сведений отыскивать для себя главное, нужное. В этом студенту может помочь сформированная в стенах вуза учебная автономия. Для того, чтобы формировать автономию обучаемого, необходимо, на наш взгляд, пони-

мать ключевые узлы автономной учебной деятельности и определить соотношение термина «учебная автономия» с близкими по значению понятиями, такими как «самостоятельность» и «самостоятельная работа», «самообразование» и «самообучение», «учебная компетенция».

Представим ключевое наполнение понятия «автономия» в понимании зарубежных и отечественных методистов в виде следующей таблицы:

Таблица 1

Содержательное наполнение понятия «автономия»

Автор	Год разработки	Ключевая идея категории «автономия»
Х. Холек	1981	способность брать на себя ответственность за свою учебную деятельность относительно всех аспектов этой учебной деятельности
Д. Дикинсон	1987	ответственность за принятие и осуществление решений, касающихся дальнейшего обучения студента
Д. Литтл	1991	способность к независимым и самостоятельным действиям, критической рефлексии, принятию решений
Дж. Трим	1992	желание и способность действовать самостоятельно как социально-ответственное лицо, а также руководить своими собственными действиями и своим собственным обучением во благо своих нужд
О. Берг	1996	готовность взять руководство собственным процессом учения в соответствии со своими потребностями и целями.
Л. Мариани	1997	искусная способность решать в любой момент или быть под надежной охраной, или быть дерзким и идти на риск
Ф. Бенсон	1997	способность студента осуществлять контроль и самоуправление над всеми аспектами учебной деятельности
А. Пенникук	1997	способность стать автором своего собственного мира обучения
Н.Ф. Коряковцева	2001	способность личности осознанно осуществлять продуктивную образовательную деятельность, принимая на себя ответственность за процесс и продукт данной деятельности, как результата самоопределения и саморазвития личности
И.Д. Трофимова	2003	способность личности к принятию решений, к анализу и оценке учебной ситуации, к рефлексии своего языкового, речевого и учебного опыта, к осознанию себя в качестве ответственного субъекта процесса учения
Е.Н. Соловова	2004	равная/разделенная ответственность учащихся и педагогов за результаты учебного труда

Д. Литтл предлагает также «отрицательный список», что *не есть автономия*, уточняя следующие моменты [13, с. 81]:

1. Автономия – это *не* синоним самообразования; другими словами, автономия *не* ограничивается изучением без помощи преподавателя.
2. Учебная автономия обучаемого *не* подразумевает снятие ответственности преподавателя за учебный процесс, это *не есть* вседозволенность обучающихся.
3. С другой стороны, автономия *не* является каким-то другим методом преподавания.
4. Автономия *не есть* какое-то единственное, легко описываемое состояние обучающегося.
5. Автономия *не является* постоянной характеристикой, достигаемой обучающимся.

В связи с рассмотрением списка, чем **не является** автономия, считаем необходимым раскрыть сущность таких близких к автономии по значению понятий, как самостоятельность и самостоятельная работа, самообразование и самообучение, учебная компетенция.

Автономия и самостоятельность

В психологическом понимании **самостоятельность** – обобщенное свойство личности, проявляющееся в инициативности, критичности, адекватной самооценке и чувстве личной ответственности за свою деятельность и поведение [7, с. 586].

Самостоятельность связана с активной работой мысли, чувств и воли. Эта связь двусторонняя:

- 1) развитие мыслительных и эмоционально-волевых процессов – необходимая предпосылка самостоятельных суждений и действий;
- 2) складывающиеся в ходе самостоятельной деятельности суждения и действия укрепляют и формируют способность не только принимать сознательно мотивированные действия, но и добиваться успешного выполнения принятых решений вопреки возможным трудностям.

В оксфордском толковом словаре понятие «самостоятельный» означает – никем неконтролируемый, независимый. В этом же словаре одним из значений понятия «автономия» является право действовать самостоятельно и независимо от кого-либо [11, с. 48]. В данных определениях мы не видим различия между значениями этих терминов.

Анализ литературы по методике преподавания иностранных языков показал, что большинство авторов определяют термин «автономия» как синоним «самостоятельности», т.е. для них эти понятия тождественны (У. Литлвуд, Дж. Трим, Н.Ф. Коряковцева, М.А. Ариян и др.). Характерным для данной интерпретации термина

стало и рассмотрение самостоятельности ученика с позиций понимания свободы учащихся в выборе места и времени выполнения учебных заданий без физического присутствия учителя, т.е. полная независимость студентов. Данное понимание свободы «автономии» представляется некоторыми методистами как дистанционное обучение, часто на базе лингвистических лабораторий и учебных центров.

Автономия и самостоятельная работа

Овладение умениями иноязычного общения в высшей неязыковой школе предполагает обязательную самостоятельную работу обучающихся в объеме, определяемом кафедрой иностранных языков в зависимости от конкретных условий обучения и индивидуальных характеристик (подготовки по иностранному языку, способностей) обучаемых.

В программно-методическом обеспечении системы разноуровневой подготовки по иностранным языкам в вузах неязыковых специальностей (2006) предполагаются следующие формы самостоятельной работы студентов:

- аудиторная самостоятельная работа студентов по заданию преподавателя;
- обязательная внеаудиторная самостоятельная работа студентов (в том числе с использованием новейших средств информации) [6, с. 14].

В режим самостоятельной работы выносятся задания, направленные на:

- автоматизацию языковых (фонетических, грамматических и лексических навыков);
- ознакомление с определенной профессионально значимой информацией, предъявляемой на иностранном языке [6, с. 281].

Перечисленные формы занятий могут дополняться внепрограммной деятельностью внеаудиторной работой разных видов (встречи с носителями языка, просмотры фильмов на иностранном языке, посещение выставок и др.). Это и будет являться автономной учебной деятельностью студентов.

Мы уже рассмотрели соотношение терминов автономия и самостоятельность, но отдельно хотим сравнить понятия автономия и самостоятельная работа, т.к. самостоятельную работу следует отличать от самостоятельности.

Р.М. Микельсон под **самостоятельной работой** понимал «выполнение учащимися заданий без всякой помощи, но под наблюдением учителя» [3, с. 28], который в случае затруднений может перейти к коллективным упражнениям. Чаще всего этот вид самостоятельной работы применялся при выполнении учащимися домашних заданий.

Достаточно интересное исследование по данному вопросу провела представительница

эстонской научной школы И.Э. Унт. Она называет самостоятельной работой такой способ учебной деятельности, «когда ученику даются учебные задания и руководство для их выполнения; работа проводится без участия, но под руководством учителя, и ее выполнение требует от школьников умственного напряжения» [10, с. 112]. И.Э. Унт как раз относится к тем ученым, которые считают самостоятельной работой ученика деятельность, требующую умственного напряжения.

А.В. Конышева определяет самостоятельную работу учащихся по иностранному языку как вид учебной деятельности, при которой учащиеся с определенной долей самостоятельности, а при необходимости, при частичном руководстве учителя выполняют различного рода задания, прилагая необходимые для этого умственные усилия и проявляя навыки самоконтроля и самокоррекции [4, с. 17].

Н.Ф. Корякцева отмечает, что в большинстве учебных ситуаций вопросы самостоятельной работы учащихся в процессе овладения иностранным языком решаются путем организации «внешнего» воздействия на учебную деятельность с позиции преподавателя или пособия через операциональную структуру учебной деятельности в режиме так называемой управляемой преподавателем / пособием самостоятельной учебной деятельности обучаемого [5, с. 22].

Можно сделать вывод, что сущность самостоятельной работы состоит в самостоятельном выполнении учащимися предлагаемых заданий под прямым или косвенным руководством учителя. Таким образом, проведенный анализ понятий «учебная автономия» и «самостоятельная работа» позволяет выделить ряд отличий между ними:

1. Самостоятельная работа – это **часть учебной программы**, выполняемая студентом (например, выполнение домашней работы). Учебная автономия – осуществление учебной деятельности в собственных целях, при решении собственных задач в дополнение к учебному плану (деятельность студента **вне учебного плана**).
2. Разная степень **ответственности** за результат и процесс учебного труда является отличительной чертой самостоятельной работы от учебной автономии. В ходе самостоятельной работы студент выполняет инструкции, требования преподавателя. При автономной учебной деятельности, напротив, студент сам ставит учебные задачи, подбирает учебные материалы, оценивает достигнутое, т.е. полностью берет на себя ответственность за процесс и результаты учебной деятельности.

3. В самостоятельной работе предполагается прямое или косвенное **присутствие преподавателя**. В учебной автономии деятельность студента не предполагает участия педагога.
4. К тому же, по мнению В.В. Давыдова, при организации самостоятельной работы особое внимание уделяется строению самой учебной деятельности, **развитию же субъекта** учебной деятельности уделяется сравнительно мало внимания [2, с. 342], т.е. преподаватель не создает условий для развития реальной самостоятельности учащегося в учебной деятельности. Концепт учебной автономии же, как указывалось выше, включает идею постоянного развития и самосовершенствования личности в области овладения иностранным языком.

Автономия

и самообразование/самообучение

В широком смысле к процессу самообразования можно отнести самые различные действия студента (в том числе интуитивные), результатом которых выступает реальное обогащение и повышение профессионального мастерства. Однако полное понятие «**самообразование**» включает в себя как всю совокупность связей с воспитанием и образованием, так и сам процесс передачи духовных и эстетических ценностей, их восприятия и функционирования в обществе.

А.Я. Айзенберг рассматривает самообразование как «непрерывное продолжение общего и профессионального образования, благодаря которому актуализируются и расширяются знания и восполняются пробелы в духовном развитии человека», как «неотъемлемый компонент систематического обучения в стационарных учебных заведениях» [3, с. 48].

Самообразование функционально связано с социальными условиями, характером труда, нравственными качествами личности, творческой активностью, общей культурой, с профессиональными знаниями и навыками. Эффективность самообразования обеспечивается уровнем систематического образования и обучения, взаимодействием с другими формами передачи знаний. По мнению А.Я. Айзенберга, речь должна идти о совершенствовании и развитии самообразования, об установлении глубокой прочной связи его с образованием и воспитанием. Образование должно рассматриваться как непрерывный процесс, сопутствующий жизни человека и составляющий интегральный элемент его общественной и профессиональной деятельности.

Различие понятий учебная автономия и самообразование очевидно, т.к. последнее включает в себя духовное обогащение и самовоспитание.

Термин «самообучение» ближе по значению к термину «учебная автономия», их можно считать тождественными. **Самообучение** – это сознательная, целенаправленная, организованная деятельность студента, направленная на усвоение знаний, формирование умений и навыков. Если обучение состоит из двух неразрывно связанных явлений: преподавания и учения, то при самообучении студент перекладывает на себя функцию преподавания.

Т.Ю. Тамбовкина объектом методики самообучения иностранному языку считает процесс индивидуальной автономной самоуправляемой учебной деятельности обучающегося, нацеленный на изучение иностранного языка и реализацию его собственных образовательных потребностей [9, с. 77]. Данный автор употребляет термины «автономное учение» и «самообучение» как синонимы в статье, рассматривающей методы самообучения иностранным языкам [8, с. 29].

Таким образом, понятия «автономное учение» и «самообучение» являются близкими по значению терминами.

Автономия

и учебно-познавательная компетенция

Одни ученые выделяют только учебный компонент [1, с. 49], другие – познавательный, а третьи – учебно-познавательный [12, с. 21]. **Учебно-познавательную компетенцию** можно определить как «совокупность знаний, умений и навыков в сфере самостоятельной учебно-познавательной деятельности по овладению иностранным языком» [12, с. 22].

Основу учебно-познавательной компетенции составляет владение обобщенными способами деятельности: *общеучебными и специальными учебными умениями*.

Общеучебные умения – это универсальные для многих предметов способы получения и применения знаний в различных дисциплинах (математика, физика, история и др.). **Специальные учебные умения** являются специфическими для той или иной учебной дисциплины и формируются в процессе ее изучения. Если говорить об иностранном языке, то эти умения формируются в процессе овладения различными видами коммуникативной деятельности, специфическими для иностранного языка.

Существует мнение, в котором учебная автономия приравнивается к способности к учению как таковой. Для сторонников данной интерпретации в основе автономии находится не специфика учебного взаимодействия, а лишь одна главная характеристика ученика. Тот, кто может учиться, тот и «автономен», т.е. термины «учебная автономия» и «учебно-познавательная компетенция» равнозначны. Однако, очевидно, что способность усваивать знания не означает

автоматической готовности и способности самостоятельно выстраивать свою учебную программу. Основная задача последователей данного понимания лежит в плоскости понятия «учись учиться», где центральными стратегиями можно считать три позиции:

- 1) как научить учащихся определять, что учить;
- 2) как сформировать необходимые стратегии работы с тем или иным учебным материалом;
- 3) как контролировать динамику собственного прогресса на уровне овладения содержательной и процессуальной стороной познания.

Перечисленные выше позиции могут быть включены в автономную деятельность студента, поэтому можно сделать вывод, что учебно-познавательная компетенция выступает как часть учебной автономии.

Как показал анализ вышеперечисленных понятий, все они семантически близки, причем понятия «автономия», «самостоятельность» и «самообучение» многими авторами используются как синонимы (М.А. Ариян, Н.Ф. Коряковцева, Л.В Трофимова). Наиболее широким является концепт «самообразование», который включает в себя объем таких понятий, как «автономия», «самостоятельность», «самообучение», «учебная компетенция» и большую часть объема термина «самостоятельная работа». «Самостоятельная работа» имеет общее поле пересечения со всеми анализируемыми понятиями, но отличается от них тем, что предполагает прямое или косвенное присутствие преподавателя. «Учебная компетенция» - наиболее узкое понятие и входит в состав всех других рассмотренных концептов.

Проиллюстрируем взаимосвязь проанализированных выше явлений в виде кругов Эйлера:

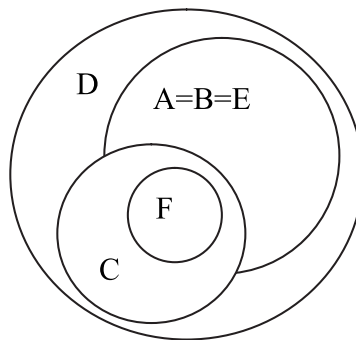

Рис. 1. Взаимосвязь объемов понятий «учебная автономия», «самостоятельность», «самостоятельная работа», «самообразование», «самообучение» и «учебная компетенция». А – учебная автономия, В – самостоятельность, С – самостоятельная работа, D – самообразование, E – самообучение, F – учебная компетенция.

Из проведенного анализа интерпретаций понятия «учебная автономия» следует, что широкое понимание автономии в учебной деятельности как способности личности включает:

- высокий уровень метакогнитивного знания, т.е. владение стратегиями и приемами изучения иностранного языка;
- положительное отношение к процессу учения, его целям и содержанию;
- самостоятельное управление процессом изучения иностранного языка от постановки цели до оценки результата (причем самостоятельной оценке подвергается как результат овладения языком, так и те приемы и способы, которые для этого использовались);
- способность к критической рефлексии на процесс овладения и использования языка;
- способность к принятию ответственных решений в ситуации свободного выбора относительно всех этапов овладения иностранным языком в соответствии с личными потребностями, интересами, опытом;
- способность к саморазвитию в процессе гибкой, конструктивной, творческой учебной деятельности по поддержанию и дальнейшему развитию уровня владения иностранным языком.

Таким образом, анализ сущности изучаемого понятия позволил нам дать собственное определение термину «**учебная автономия студента**», под которым мы понимаем желание и способность личности выступать в качестве ответственного субъекта процесса учения, осуществлять самостоятельную учебную деятельность и саморазвиваться в образовательном и профессиональном аспектах.

Список использованной литературы

1. Бим И.Л. Цели обучения иностранному языку в рамках базового курса // Иностранные языки в школе. 1996. № 1. С. 48-52.
2. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
3. Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров: мат-лы VII Всероссийской науч.-практич. конф. / под ред. Д.Ф. Ильясова. Челябинск: Изд-во «Образование», 2006. Ч. 5. С. 48.
4. Коньшева А.В. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку. СПб., 2005. 208 с.
5. Коряковцева Н.Ф. Автономия учащегося в процессе изучения иностранного языка и культуры: сб. науч. тр. МГЛУ. М., 2001. Вып. 461. С. 22.
6. Программно-методическое обеспечение системы разноуровневой подготовки по иностранным языкам в вузах неязыковых специальностей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2006. Вып. 526.
7. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. Минск, 1998. 800 с.
8. Тамбовкина Т.Ю. О некоторых методах самообучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 2001. № 5. С. 29-34.
9. Тамбовкина Т.Ю. Самообучение иностранному языку как основная составляющая языкового самообразования // Иностранные языки в школе. 2005. № 5. С. 76-80.
10. Унт И.Э. Индивидуализация учебных заданий и её эффективность (на материале 5 – 8 классов): дисс. ... доктора пед. наук. М., 1975. 205 с.
11. Хокинс Дж. М. Оксфордский толковый словарь английского языка. М., 2004. 828 с.
12. Хуторский А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов. М., 2002. С. 85-91.
13. Little D. 1991. Learner Autonomy 1: Definitions, Issues, and Problems. Dublin. 175 p.

Статья поступила 07.10.2010

Принята в печать 12.10.2010

Д.Л. Гурина, С.С. Садина, Н.А. Сироткин

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ: НОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ И УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: hist@isuct.ru

Основываясь на традициях универсального образования российской высшей школы, авторы статьи доказывают особую актуальность гуманистической составляющей в подготовке выпускника технического вуза, становление и деятельность которого осуществляется в условиях развития рыночных отношений и конкуренции.

Ключевые слова: высшая школа, «физики», «лирики», интеллигенция, интеллигентность, фундаментальные науки, мировоззрение.

Не секрет, что в современном мире любое знание быстро устаревает, стремительно изменяются все сферы жизнедеятельности человека. Лавинообразно растет объем информации, возникают новые научные направления, быстро меняются научные приоритеты, создаются новые технологии. Студенты факультета фундаментальной и прикладной химии, созданного в ИГХТУ в 2006 году как учебное подразделение на базе Высшего химического колледжа Российской академии наук, отчетливо ощущают эти тенденции на себе. Нам читаются всё новые и новые курсы: «Современные проблемы химии», «Неравновесная термодинамика», «Химия жизненных процессов», отражающие актуальные достижения науки. Тем же целям служит организация практики в академическом Институте Химии Растворов Российской академии Наук, которую проходит каждый из студентов факультета, в дипломе которого будет обозначена специальность – «химик-исследователь».

Но нельзя же быть «вечным студентом»! В XXI веке особую актуальность приобретает умение учиться, самостоятельно накапливать и активно использовать полученные знания, постоянно заниматься самообразованием.

Однако и студенту, и выпускнику вуза важно знать, насколько будут востребованы обществом его знания и навыки. В 60-х годах прошлого века весьма популярными среди молодежи, особенно студенческой, были споры о том, кто важнее, ценнее для общества – «физики» или «лирики», что означало: выбирая жизненный путь, насыщай себя знаниями, разви-

вай интеллект, если ты «физик»; и – развивай свои чувства, учишь понимать другого человека и красоту мира, если ты «лирик». Споры тогда, естественно, привели к выводу: обществу равно необходимы и те, и другие.

В информационной ситуации XXI века, похоже, создается основа для нового витка спора на ту же тему: «главнее», полезнее для человека и общества сейчас стали конкретные практические умения, навыки и научно-прикладные знания. Именно их требует конкуренция на мировом рынке науки и техники, глобализационные процессы в сфере коммуникаций, экологические и политические проблемы планеты. Кажется, что сложность и срочность всех этих проблем («физика») заставляет общество отодвигать вопросы этики, чувства красоты, внутреннего мира человека – «лирику» – на второй (или даже на третий) план. Побеждают, видимо, прагматики, «физики».

Магистрантам первого курса ИГХТУ («физикам» в нашей терминологии) важно разобраться в этих проблемах. Ведь с недавних пор, с 2000 года, заканчивая вуз, они получают не только диплом химика-исследователя, но и квалификацию педагога высшей школы. Значит, от их позиции в этом споре в какой-то мере будет зависеть и мировоззрение, позиция будущих специалистов – химиков-теоретиков, химиков-технологов, преподавателей химии в школе и вузе.

Заглядывая вперед, большинство магистрантов осознает, что фундаментальное университетское образование станет основой для

последующего обучения и переподготовки человека на протяжении всей жизни. Эти знания и сформированная в вузе мировоззренческая позиция дадут возможность молодому специалисту помогать другим в получении и совершенствовании каких-либо знаний и умений, становиться лидером или руководителем в своей сфере деятельности. Гуманитарные, в том числе психологические и педагогические, знания здесь просто необходимы.

По сути, каждый руководитель – педагог, и именно от его профессиональных качеств зависит успех в работе всего коллектива.

Если согласиться с мнением о том, что люди делятся на «физиков» и «лириков», то в педагоге «уживаются» оба типа, ибо человек, занимающийся педагогическим трудом, гармонично сочетает в себе рациональное и художественное, прагматическое и творческое.

Магистранты, получающие в техническом вузе педагогическое образование, отмечают, что, вживаясь в роль учителя, они учатся общаться, преодолевать свои комплексы, достойно представлять себя, раскрывать свои таланты и способности. Эти навыки очень пригодятся им в дальнейшей жизни – и в работе, и в будущей семье. Ведь семья и дети – самое дорогое, что есть в жизни человека. Но быть родителями непросто. Получая педагогическое образование, будущий инженер или химик-исследователь, безусловно, проходит школу подготовки к ответственному статусу воспитателя собственных детей.

Без сомнения, важнейшая функция университетского образования – воспитание высококвалифицированного профессионала, который готов к социальной адаптации и самореализации, к дальнейшему совершенствованию приобретенных в вузе знаний и к самостоятельному развитию своих собственных способностей. По большому счету, на всех этапах развития российской высшей школы и государства, и общество были заинтересованы в том, чтобы на выходе из вуза получать всесторонне и гармонично развитую личность, а не узконаправленного специалиста. Ведь универсальность личности заложена в самой идее высшей школы. О том же говорят и принятые в последнее время правительственные документы и требования государственных стандартов (ГС) последнего поколения (напр. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт высшего профессионального образования нового поколения) [1]. При этом оценка вузовской образовательно-воспитательной деятельности, на наш взгляд, не может обойтись без размышления над содержанием такого понятия, как «интеллигентный человек». Может ли выпускник университета считаться интеллигентным

человеком? Может ли общество предъявлять к выпускнику столь высокие требования? И может ли он в условиях «эпохи перемен», рыночной экономики, острой конкуренции между выпускниками за право занять свое место в сфере труда, подтвердить, или, может быть, сохранить статус интеллигентного человека? Ведь зачатки интеллигентности «рождаются» в семье, а развиваются в университетской среде. Здесь, под влиянием студенческого коллектива и преподавателей, демонстрирующих образцы интеллигентного поведения, будущий специалист приобретает (или не приобретает) такие существенные черты интеллигента, как толерантность, уважение к другому, стремление к новому, гражданственность, патриотизм и др. Кроме того, у магистрантов возникает и такой, требующий ответа, вопрос: действительно ли интеллигентность, являясь интегральной характеристикой профессионала, дает ему право как преподавателю университета учить и воспитывать других, передавать духовный опыт «от сердца к сердцу»?

«Интеллигентность» (а «интеллигент» – ее составная часть, представитель) – понятие сложное, и словари, особенно последних лет издания, толкуют его по разному [2, С. 227-229]. Например, доктор педагогических наук, профессор Е.О.Галицкий считает, что интеллигент – это человек, осознающий себя, ищущий смысл своей жизни и призвание, способный к философской и профессиональной рефлексии [3, С. 152-155]. Характерно, что в этом толковании нет обычной ссылки на уровень образования. Не означает ли это, что важнее образованности – отношение к жизни, а интеллигентным может быть и человек, не получивший высшего образования? На то же содержание понятия «интеллигентность» обращал внимание Д.С. Лихачев (которого, кстати, современники после кончины называли последним интеллигентом XX века): «Лишите человека памяти, избавьте его от всех знаний, которыми он обладает, оторвите его от письменного стола и заставьте заниматься любой тяжелой работой, но если он сохранит умение понимать других людей, понимать людей других культур, понимать широкий и разнообразный круг чужих идей, произведений искусства, уклада быта, если он сохранит навыки умственной социальности, сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни – это и будет интеллигентность» [4, С. 483].

На наш взгляд, такое свойство личности, как интеллигентность, абсолютно необходимо студенту или магистранту для адекватной оценки результатов своего образовательного труда, готовности к выполнению профессиональных обязанностей и той пользы, которую выпускник

может принести обществу. Интеллигентность предполагает гармоничное единство индивидуальной свободы саморазвития, активности студента с одной стороны, и общественно необходимым ее проявлением, ответственностью за будущее страны – с другой. Совершенно прав был, на наш взгляд, Д.С.Лихачев, когда отмечал, что интеллигентность определяет целостную оценку человека с позиции другого (со стороны виднее), поэтому «притвориться интеллигентным человеком нельзя» [4, С. 480].

Для выпускника вуза важно осознавать, что интеллигент – это не просто человек культуры, носитель и хранитель духовных ценностей, знающий и любящий искусство, но и творец культуры; он к самой жизни, ее процессу относится творчески. Конечно, для успешного применения своих профессиональных навыков в жизни, выпускник университета, обладая интегральным мышлением, должен уметь соединять теорию и практику, осмысливать собственный жизненный опыт, его ошибки и уроки. Его кардинальная задача – осознавать и хранить верность своему призванию, искать ответы на вечные вопросы, стремиться быть интеллигентным человеком, как бы сложно это ни было. Сложно, например, представить себе, как должен действовать интеллигентный человек, профессионал, в условиях жесткой конкуренции, в мире «дикого капитализма», который, по утверждениям СМИ, существует сейчас в нашей стране. Единственное, что представляется неоспоримым, так это то, что критерием успешности специалиста в условиях рыночных отношений могут и должны быть не агрессивность, высокомерие, способность делать карьеру за счет других людей, а глубокие профессиональные знания, умения, навыки и безусловная порядочность.

Некоторые из разнообразных сложностей современного мира осознаются магистрантами уже в процессе обучения. В частности, это видимое противоречие между целями образования и воспитания студентов (магистрантов), обозначенными в государственных документах о реформах высшего образования, и действиями государственных органов образования, корректирующих объем и набор преподаваемых в вузе обязательных дисциплин.

Общеизвестно, что во все времена уровень и содержание университетского образования определялись как самим университетом, так и запросами личности и интересами общества в целом. «В традициях российской системы образования, – убежден один из опытнейших работников российской высшей школы, ректор МГУ В.А. Садовничий, – всегда существовала ориентация на глубокие, прежде всего фундаментальные знания- знания, дающие понимание сути ве-

щей, знания, помогающие в построении четкой мировоззренческой картины мира. Выпускник университета, получив солидную фундаментальную подготовку, мог затем творчески освоить конкретные сферы деятельности, в которых ему предстояло работать» [5].

В наши дни мы, к сожалению, наблюдаем попытки исключить из учебных программ, или, по крайней мере, существенно сократить в вузовском образовательном процессе роль дисциплин, всегда считавшихся фундаментальными, например, философии, истории (а в школах и лицеях – литературы). Причины таких негативных, с нашей точки зрения, действий нам видятся, во-первых, в переходе на двухуровневую систему обучения: бакалавриат предполагает сокращение сроков обучения студентов сроком на один год по сравнению со специалитетом; во-вторых, неудержимо растущий объем информации, (а значит, рост количества читаемых курсов и их объема), очевидно, заставляет чиновников от образования жертвовать именно этими, фундаментальными, гуманитарными курсами в системе образовательной, профессиональной подготовки современной молодежи; в-третьих, экономический кризис, видимо, заставляет тех же чиновников экономить на всем. Есть, скорее всего, и другие причины.

Однако для нас остается неясным, как представляют себе те, кто принимает такие решения, стратегию воспитания подрастающего поколения. Ведь без фундаментальных мировоззренческих и гуманитарных знаний невозможно понимание природы явлений, а следовательно, невозможна и подготовка специалистов, творчески относящихся к делу, способных осуществлять инновационное развитие соответствующих отраслей экономики, к чему так настойчиво призывают студенческую молодежь руководители государства. Да и участвовавшие в последнее время техногенные катастрофы, неудержимый рост коррупции в нашей стране заставляет невольно связывать эти процессы с государственным секвестированием гуманитарной составляющей высшего образования.

В споре «физиков» и «лириков» перевес «физиков» в сознании политиков и в общественном сознании, на наш взгляд, дело временное, но опасное по своим последствиям.

Чтобы выживать в современном мире, как раз необходимо, чтобы энергичный, профессионально подготовленный, талантливый выпускник университета (универсальная личность) сочетал в себе «физика» с его глубокими специальными знаниями и сформировавшимся мировоззрением, и «лирика» с его чуткой душой и способностью к рефлексии. А такой человек – и есть российский интеллигент XXI века. Мы убеждены, что в настоящее время именно

человеческий капитал является основным фактором развития.

Список использованной литературы

1. Государственный Образовательный Стандарт, примерные учебные планы и программы высшего профессионального образования. URL: // <http://www.edu.ru/db/portal/spe/index.htm>
2. Садина С.С. Основные принципы отношений «советская интеллигенция – народ» // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / Монография под ред. В.С. Меметова. Иваново: ИвГУ, 2008.
3. Галицких Е.О. Интеллигентность как результат профессионально-личностного становления выпускника университета // Образование: системный кризис и проблемы развития. 2006. № 4.
4. Лихачев Д. Заметки и наблюдения. Л., 1989.
5. Садовничий В.А. Университет XXI века. Размышления об университетском образовании. Москва, 2006.

Статья поступила 14.10.2010

Принята в печать 18.10.2010

А.А. Малыгин

ТЕОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ КАК НАУЧНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНТРОЛЬНО–ОЦЕНОЧНЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБРАЗОВАНИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: a_malygin@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с повышением эффективности контрольно-оценочных процессов в образовании. Подчеркивается ключевая роль объективного оценивания, научной основой которого является современная теория тестов. Приводятся обоснования в пользу выбора компьютерного адаптивного тестирования.

Ключевые слова: эффективность контроля в образовании, современная теория тестов, педагогические измерения, компьютерное адаптивное тестирование.

Наука начинается с измерения...

Д.И. Менделеев

Современная ситуация в образовании характеризуется переходом на новые образовательные стандарты, предписывающие необходимость компетентностной ориентации не только образовательного процесса, его содержания и технологий реализации, но и перестройку контрольно-оценочных процессов, технологий и средств качества подготовки обучающихся. Это должно отражаться на всех стадиях образовательного процесса: от входной аттестации, через все виды промежуточной аттестации до итоговой аттестации на соответствие требованиям федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) [1]. При этом в центре внимания находятся вопросы качества образования и его оценка, которая предполагает целенаправленное рассмотрение всех компонентов образовательных систем, где ключевая роль отводится объективному оцениванию, основанному на теории педагогических измерений и обеспечивающему научный базис для анализа, функционирования, развития, прогнозирования и совершенствования систем управления качеством образования. Ядро научного обоснования образует методология педагогических измерений, под которой следует понимать систему основных положений, принципов, форм и методов, нацеленных на достижение максимально возможной эффективности измерений за счет научной организации

практики в сфере контрольно-оценочных процессов.

Информация, накапливаемая в рамках научно-обоснованной контрольно-оценочной деятельности, должна обладать репрезентативностью, обоснованностью, прогностичностью и высокой объективностью, а также сочетать количественные и качественные методы, средства и технологии, которые нашли свое отражение в бипарадигмальной методологии педагогических измерений, получившей широкое развитие в образовании с начала XXI века [2].

В теории педагогическое измерение понимается как процесс установления соответствия между оцениваемыми характеристиками и точками шкалы, в которой отношение между различными оценками выражается свойствами числового ряда. Процесс педагогических измерений включает в себя: объект измерения (одну или несколько латентных характеристик), измерительные процедуры, измерительные инструменты (тест и шкалу для фиксации оценок измеряемого объекта), анализ и интерпретацию результатов измерения. Перечисленные компоненты процесса измерения имеют свои аналоги в традиционном контроле, однако там эти процедуры больше носят интуитивный характер. При тестировании каждая компонента должна проходить процесс научного обоснования

качества, особенно важно, если речь идет об итоговом контроле, результаты которого служат для принятия управленческих решений. В этом случае объектом измерения становятся знания, умения, навыки и компетенции, часто называемые обобщающим термином «учебные достижения», структуру и уровень которых сравнивают с требованиями ФГОС.

При педагогических измерениях возникает как минимум три ключевых вопроса, продиктованных требованиями научности и эффективности информации: что такое объективное измерение? Что является переменной измерения и измеряется ли эта переменная при выполнении теста? Как разработать инструмент, обладающий планируемыми характеристиками и обеспечивающий оценивание с заданной точностью? Конечно, дать развернутые ответы на поставленные вопросы в одной статье просто не удастся, но попытаемся ввести некоторые подходы и обосновать использование математического аппарата современной теории тестов для повышения эффективности контрольно-оценочных процессов в образовании.

Как известно, объективность – это недостижимое свойство в любых измерениях, в том числе и педагогических, поскольку на результаты измерений всегда оказывается множество систематических и случайных ошибок. В связи с этим, когда говорят об объективных результатах тестирования, то чаще подразумевают процедурную объективность, предполагающую исключение педагога из контрольно-оценочного процесса и применение компьютерных технологий. Поэтому правильнее следует говорить о высокой или низкой объективности, но при этом высокая объективность не является неотъемлемым свойством тестовых оценок.

Если ввести в рассмотрение истинный балл испытуемого, трактуя его как свободный от ошибки результата измерения, то наблюдаемый балл будет отличаться от истинного на величину ошибки измерения. В случае, когда ошибка измерения превышает допустимые пределы заданной точности, не приходится говорить о достижении высокой объективности. Возможность оценивания ошибки измерения является ключевым критерием, позволяющим отделить оценки, которые можно считать результатами измерения, от результатов традиционного контроля. Вполне очевидно, что традиционные средства контроля не обеспечивают никаких данных о точности оценок достижений учащихся в отличие от тестов, позволяющих установить величину ошибки измерения и оценить тем самым надежность полученных оценок. Поэтому при педагогических измерениях принято говорить о надежности (или ненадежности), определяемой как сте-

пень устойчивости (повторяемости) и точности результатов измерения.

Углубленная трактовка термина «объективность измерений» лежит в области современной теории конструирования тестов (Items Response Theory - IRT). Благодаря свойствам симметричности и независимости измеряемых латентных переменных, в роли которых выступают параметры подготовленности испытуемых и трудность заданий теста, при использовании IRT снижается ошибка измерения и повышается объективность получаемых оценок параметров. Независимость оценок латентных параметров, реализуемая за счет специальных свойств математических моделей IRT, приводит к инвариантности оценок параметра испытуемых относительно трудности заданий теста. Поскольку в IRT существует дифференцированная ошибка измерения, объективность проявляется по-разному для выборки испытуемых при выполнении одного и того же теста. В центре распределения баллов испытуемых, где ошибка меньше, будут получены более достоверные результаты. На краях распределения ошибка измерения будет возрастать, и соответственно, будет снижаться объективность измерения.

Для повышения точности оценок и тем самым эффективности контрольно-оценочных процедур, следует отдать предпочтение измерениям, основанным на применении IRT. На практике достижение высокой объективности (или надежности) достаточно сложный процесс, поскольку требует привлечение обширного математико-статистического аппарата IRT, проведение тщательного анализа и коррекции распределения эмпирических данных тестирования и специальных программных продуктов обработки и интерпретации результатов выполнения тестов.

На практике у преподавателя логично возникнет вопрос о том, какого рода объективность и какие измерители следует использовать при оценивании учебных достижений. Как отмечалось выше, измерение может проводиться на разных уровнях – количественном и качественном, во многом сходных по целям осуществления, но имеющие существенные отличия по проявлению свойств оцениваемых латентных характеристик. В соответствии со свойствами для качественного (неметрического) и количественного (метрического) уровня измерений существенно отличаются способы измерения, формы представления результатов, группы допустимых операций с различными статистическими величинами. Отличие уровня измерений проявляется и в выборе измерителей. Для качественных измерений разрабатывают компетентностные тесты, портфолио, кейс-измерители и анкеты, проводят

интервьюирование, собеседования и традиционные экзамены. К качественному уровню измерений принято относить также результаты тестирования, если в них включены задания со свободно конструируемыми ответами, так как для проверки ответов привлекаются эксперты, которые вносят субъективный фактор. В количественных измерениях используются стандартизированные тесты с выбором ответов, автоматизированные формы проверки и обработка данных при шкалировании на основе IRT.

Для любой, в том числе и внутривизуальной, контрольно-оценочной системы в образовании можно выделить входные тесты, тесты для текущей работы и итоговые тесты. Для каждого из перечисленных видов тестов выстраиваются определенные стандарты качества, соблюдение которых в процессе разработки и применения тестов позволяет достичь запланированной точности измерения и дает возможность судить о достигнутой объективности результатов тестирования.

Особо следует отметить важность соблюдения требований к качеству контрольно-оценочных процедур при аттестации, где высока степень ответственности принимаемых управленческих решений и требуется высокое качество измерений. Система государственной аккредитации, единый государственный экзамен и другие массовые процедуры тестирования, выходящие по сфере интерпретации результатов на внешнего потребителя регионального и федерального уровня, требуют обращения при измерениях к более высокому уровню объективности, предполагающему использование IRT. Но для применения IRT необходимо понимать, что формальное обращение к моделям не обеспечит автоматическую минимизацию ошибок измерения. Инвариантность оценок латентных параметров испытуемых и заданий, лежащая в основе введения объективности, реализуется далеко не во всех моделях IRT.

В современной теории тестов IRT латентный параметр испытуемого (истинный балл) трактуется как некоторая переменная, начальная оценка которого получается непосредственно из эмпирических данных тестирования. Переменный характер измеряемой величины указывает на возможность последовательного приближения к объективированным оценкам параметра с помощью определенных итерационных методов. В педагогических тестах, являющихся основным инструментом измерений, в качестве латентной переменной выступает уровень подготовленности, который в IRT обозначается символом θ , а латентный параметр трудности задания – β , которые распределены по нормальному закону. Датский математик G. Rash, занимающийся во-

просами оптимального соотношения между параметрами θ и β , предложил форму связи параметров в виде разности $\theta - \beta$. Введение разности для оценок трудности заданий и уровня подготовленности предполагает существование единой интервальной шкалы с единицей измерения, получившей в работах зарубежных исследователей название «логит» [5].

Выбор математической модели, описывающей взаимосвязь между эмпирическими результатами тестирования и значениями латентных параметров θ и β является центральным в IRT. В соответствии с основным предположением существует некоторая взаимосвязь эмпирическими результатами тестирования и значениями латентных параметров θ и β , которая может быть выражена через математическую модель. Исследования A. Birnbaum, F.M. Lord, G. Rash по анализу линии регрессии наблюдаемых результатов выполнения теста на латентную переменную θ привели к выводу о нелинейном характере связи между наблюдаемыми и истинными баллами.

Относительная инвариантность значений латентных переменных от конкретного тестирования, определенная устойчивость частот появлений их значений послужили основанием для использования понятия вероятности события как меры возможности его появления. В качестве такого события исследователи выбрали правильный ответ i -го испытуемого на j -е задание теста. Можно рассматривать условную вероятность правильного выполнения i -м испытуемым с уровнем подготовленности θ_i различных по трудности заданий теста, считая θ_i - параметром i -го испытуемого, а β - независимой переменной. Тогда условная вероятность P_i будет функцией латентной переменной β :

$$P_i \{x_{ij} = 1 | \theta_i\} = f(\theta_i - \beta), i = 1, 2, \dots, N \quad (1)$$

Аналогично вводится условная вероятность правильного выполнения j -го задания трудностью β_j различными испытуемыми тестируемой группы. В данном случае независимой переменной является θ , а β_j – параметр, определяющий трудность j -го задания теста. Тогда

$$P_j \{x_{ij} = 1 | \beta_j\} = F(\theta - \beta_j), j = 1, 2, \dots, n, \quad (2)$$

где: $x_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если ответ } i\text{-го испытуемого} \\ & \text{на } j\text{-ое задание верный;} \\ 0, & \text{если ответ } i\text{-го испытуемого} \\ & \text{на } j\text{-ое задание неверный} \end{cases}$

N – число испытуемых, n – количество заданий в тесте.

В теории IRT функции (1) и (2) обозначаются как $P_i=f(\beta)$ и $P_j=F(\theta)$ соответственно и называются Item response functions (IRF). Графиком первой функции является убывающая индивидуальная кривая испытуемого (рис. 1), а вторая возрастающая функция – это характеристическая кривая задания (рис. 2).

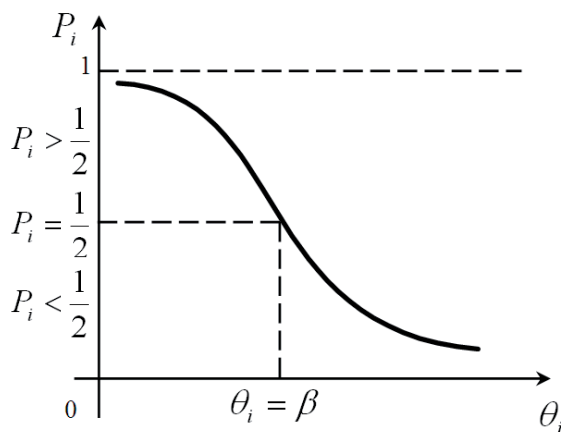

Рис. 1. График функции $P_i=f(\beta)$ (индивидуальная кривая испытуемого)

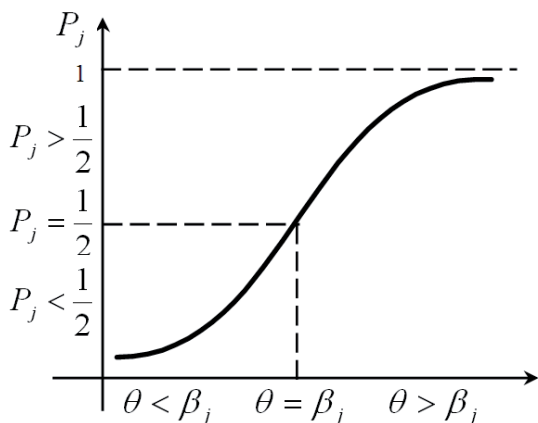

Рис. 2. График функции $P_j=F(\theta)$ (характеристическая кривая задания)

Число параметров, входящих в аналитическое задание функций, является основанием для подразделения семейства IRF на классы. Среди логистических функций различают несколько наиболее удобных для практического использования, к числу которых принадлежат однопараметрическая модель G. Rasch, двух и трехпараметрические модели A. Birnbaum [5].

Сообразно различным целям в образовательном процессе выбираются различные параметрические модели. Наиболее эффективными

для целей управления качеством образования представляются динамические модели, строящиеся на основе модели G. Rasch с помощью введения дополнительного параметра времени. Общий вид динамической модели, предложенной Fischer, представлен ниже

$$P_j(x_{ij}=1) = \frac{e^{(\theta-\delta)-\beta_j}}{1 + e^{(\theta-\delta)-\beta_j}} \quad (3)$$

где $P_j(x_{ij}=1)$ – вероятность правильного ответа на j -е задание; θ – параметр подготовленности испытуемых, оценка которого указывает на уровень учебных достижений; δ – параметр, учитывающий фактор времени и позволяющий оценить прирост учебных достижений; β_j – параметр трудности задания.

С целью индивидуализации и гуманизации обучения, которое может протекать также в дистанционном режиме для различных участников образовательного процесса, предпочтительнее всего переходить от стандартного тестирования с конечным набором заданий к компьютерному адаптивному тестированию (КАТ) [6, 7]. Часто и ошибочно под адаптивностью понимают пошаговый отбор заданий, основанный на дихотомической оценке результатов их выполнения (выполнил – не выполнил). В действительности такой подход далек от научного понимания адаптивного тестирования. Дело в том, что достичь оптимизации, а тем самым и эффективности контроля при адаптивном тестировании, позволяют именно такие задания, которые не оцениваются дихотомически и имеют устойчивые параметры их трудности. Поэтому адаптивное тестирование предполагает использование вероятностных моделей IRT. В общем случае адаптивное тестирование следует определить как совокупность автоматизированных процессов генерации, предъявления и оценки результатов выполнения адаптивных тестов, обеспечивающую прирост эффективности измерений по сравнению с традиционным тестированием за счет оптимизации подбора характеристик заданий, их количества, последовательности и времени предъявления применительно к уровню подготовленности испытуемых.

Эффективность контрольно-оценочных процедур повышается при использовании многошаговых стратегий отбора и предъявления заданий, основанных на полной контекстной зависимости, в которых каждый очередной шаг совершается только после оценки результатов выполнения предыдущего шага. После выполнения испытуемым очередного задания принимается разветвляющееся решение о подборе трудности следующего задания в зависимости от того,

верным или неверным был предыдущий ответ. Реализация таких алгоритмов возможна лишь при наличии банка калиброванных заданий с устойчивыми оценками их параметров, использование специальных компьютерных программ для индивидуализации алгоритмов подбора заданий и применение параметрических моделей IRT.

В целом к числу важных преимуществ в пользу компьютерного адаптивного тестирования в контрольно-оценочном процессе следует отнести следующие:

- высокую эффективность, обеспечиваемую за счет минимизации числа заданий, времени тестирования в условиях, когда ошибка измерения не выше (либо равна, либо ниже) той, которая получается в аналогичных по содержанию традиционных тестах;
- высокий уровень секретности, практически исключающий возможность списывания, подсказок и других нежелательных эффектов в процессе выполнения адаптивных тестов;
- индивидуализацию темпа выполнения теста, обеспечиваемую адаптивными алгоритмами и соответствующим программным обеспечением, с помощью которых подбор очередного по трудности задания происходит только после выполнения предыдущего задания адаптивного теста;
- повышение уровня мотивации к тестированию у наиболее слабых учащихся за счет исключения предъявления излишне трудных заданий, способствующих росту фактора тревожности и чувства страха;
- сообщение результата в интервальной шкале тестовых баллов каждому тестируемому незамедлительно, сразу после окончания его работы над индивидуально подобранным набором заданий в адаптивном тесте;
- исключение временных, организационных и финансовых затрат на стандартизацию для установления норм тестов в силу отсутствия традиционных тестов фиксированной длины.

В исследованиях, которые проводились при участии автора статьи, были апробированы различные виды тестирования с позиции их эффективности, которые привели к выбору компьютерного адаптивного тестирования с использованием многошаговых варьирующих

стратегий. Наиболее их важное преимущество заключается в возможности оперативного реагирования на результаты выполнения тестовых заданий путем переоценки уровня подготовленности учащегося после выполнения каждого очередного задания теста. Данное обстоятельство позволяет соотнести качество структуры знаний учащихся с длиной индивидуальной траектории в процессе генерации адаптивного теста: чем меньше крутизна индивидуальной кривой тестируемого (рис. 1), тем длиннее его индивидуальная траектория выполнения заданий теста. Следовательно, можно определить оптимальное число заданий, необходимых для контроля каждого студента, что доказывает эффективность использования адаптивного тестирования.

Разумеется, что корректный выбор моделей измерений не решает всех проблем, связанных с повышением эффективности контроля и оценки качества учебных достижений. Помимо выбора моделей и разработки измерителей, обеспечивающих запланированную точность оценок, необходимо также думать о шкалировании результатов тестирования, обеспечивающем корректность и удобство интерпретации баллов испытуемых и эффективность управленческих решений. В этой связи, наиболее перспективными представляются многоуровневые шкалы, которые можно будет сделать интервальными лишь после создания всего комплекса тестов, включая и междисциплинарные тесты.

Список использованной литературы

1. Ефремова Н.Ф. Подходы к оцениванию компетенций в образовании: учеб. пособие. М.: ИЦ ПКПС, 2010.
2. Звонников В.И. Измерения и качество образования: монография. М.: Логос, 2006.
3. Крокер Л., Алгина Дж. Введение в классическую и современную теорию тестов. М.: Логос, 2010.
4. Челышкова М.Б. Адаптивное тестирование в образовании (теория, методология, технология). М.: ИЦ ПКПС, 2001.
5. Lord F.M. Application of Item Response Theory to Practical Testing Problems. Hillsdale N.-J.: Lawrence Erlbaum Ass., Publ., 1980.
6. Wainer H. Computerized Adaptive Testing: A Primer. Springer, 2000.
7. Weiss D.J. (Ed.). New Horizons in Testing: Latent Trait Test Theory and Computerized Adaptive Testing. N-Y.: Academic Press, 1983.

*Статья получена 18.10.2010
Принята в печать 22.10.2010*

О ФИЛОСОФЕ

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ПОРТНОВА

Интеллектуальная философская научная жизнь как страны, так и любого ее региона, на каждом из этапов развития во многом зависит от того, кто является ее лидером. Профессиональная деятельность, деловые и человеческие качества такого лидера – в существенной степени определяют лицо данного научного сообщества.

В Ивановском философском сообществе одним из бесспорных лидеров конца XX – начала XXI века был Александр Николаевич Портнов, профессор, заведующий кафедрой философии Ивановского государственного университета. Его профессиональная деятельность не была ограничена стенами только классического университета. Студенты, магистранты, преподаватели гуманитарного факультета Химикотехнологического университета также являются свидетелями его многолетнего служения философии. Его зримое и весомое присутствие, участие во множестве событий интеллектуального порядка нашего вуза – стали настолько привычными, что многие долго не могли и не хотели верить тому, что Александра Николаевича уже нет с нами. Во многих сложных ситуациях именно он был для многих опорой, был тем человеком, к которому обращались с последней надеждой разрешить научную, философскую проблему, апеллируя к его авторитету, опыту. Широкая эрудиция, владение несколькими европейскими языками, душевная и интеллектуальная открытость новому делали его признанным лидером регионального интеллектуального пространства, и здесь, в сфере Чистого Разума, он поистине царил.

Когда говорят о достижениях того или иного исследователя в сфере философии, то обычно стараются назвать, перечислить введенные им в научно-философский оборот идеи, представления, понятия, концепты. Но есть особый тип мыслителей, значимость творческой деятельности которых связана не столько с тем, чтобы ввести что-то новое в философский контекст, сколько с их способностью по-особому представить сам этот контекст, причем представить целостно, в живой связи главных его составляющих. В наше время «информационного хаоса» и «накопления означающих» такого рода деятельность

приобретает особое значение «исцеляющего» характера, если рассматривать слово исцеление, как происходящее от слова «целый». Вот таким цельным был философский взгляд на мир Александра Николаевича Портнова. Его поразительная память хранила бесконечное количество подробностей и обобщений. Казалось, нет тем и проблем, по которым он не мог бы высказать своё компетентное мнение. Он являлся крупным специалистом в области философии сознания и языка, семиотики, философской антропологии, был блестящим переводчиком и исследователем немецкой философии XX – XXI вв. Круг научных интересов Александра Николаевича охватывал также проблемы психолингвистики, уровней организации семиотических механизмов сознания, включая когнитивные исследования во всем спектре их междисциплинарных связей и т.д. Он являлся автором множества статей и получивших широкую известность монографий. Все это всегда привлекало к нему учеников, молодых исследователей, ведь он никогда не ограничивал их в тематике, в любом случае выступая компетентным консультантом и научным руководителем. Десять докторов наук и девять кандидатов наук, подготовленных Александром Николаевичем Портновым, продолжают трудиться в самых разных областях философского знания и всегда будут помнить о «неспешных разговорах» со своим Учителем.

В Иванове на базе двух ведущих вузов, ИГХТУ и ИвГУ, продолжает свою работу ежегодная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной когнитивной науки», задуманная по инициативе А.Н. Портнова, ее первого Председателя оргкомитета. Он с интересом относился к деятельности Ивановского регионального отделения по методологии искусственного интеллекта при Российской академии наук (НСМИИ РАН). Достаточно вспомнить дискуссии и разговоры на Гуманитарном факультете ИГХТУ за Круглым столом, завершившие серию выступлений сопредседателя Центрального Совета НСМИИ РАН, главного научного сотрудника Института философии РАН Д.И. Дубровского, где авторитетное, весомое высказывание А.Н. Портнова не просто

In memorium

ожидалось, но и воспринималось как неотъемлемая должная составляющая каждого из мотивов того разговора. Так получилось, что это событие 16 апреля 2010 г. стало последним публичным научным мероприятием, в котором участвовал А.Н. Портнов. Оставшиеся фотографии, сделанные в методическом кабинете Гуманитарного факультета, зафиксировали усталое и даже отрешенное выражение его лица, лица человека, глубоко погруженного в себя.

Последние десятилетия поистине были «эпохой Портнова» для нашего философского сообщества. Думаем, эта эпоха не закончилась. У

Александра Николаевича осталось много незавершенных работ. Среди них аналитические работы по философской антропологии XX века, переводы М. Бубера, К. Ясперса, Л. Клагеса, А. Гелена и др. Многие из них нуждаются в компетентном редактировании, оформлении, особенно в той части, которая касается работы с источниками на множестве европейских языков. Для того, чтобы диалог с думающим читателем не прервался, его работы должны быть опубликованы. И региональное научно-философское сообщество приложит все необходимые усилия для продолжения начатого А.Н. Портновым разговора с читателем.

Т.Б. Кудряшова, доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой философии ИГХТУ

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

21 октября в ИвГУ и 22 октября в ИГХТУ прошла III международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной когнитивной науки».

Конференция посвящена памяти ее инициатора – профессора Александра Николаевича Портнова.

Цель конференции – развитие междисциплинарного взаимодействия, сотрудничество исследователей, представителей различных образовательных учреждений, научно-исследовательских и других заинтересованных организаций в постановке и решении актуальных проблем познания, в том числе вопросов когнитивной лингвистики, психологии, антропологии, искусствоведения, образования, культурологии, искусственного интеллекта и т.д.

На пленарном заседании, проходившем в ИвГУ под председательством зав. кафедрой философии ИвГУ, кандидата философских наук Д.Г. Смирнова, были заслушаны доклад доктора философских наук В.О. Волковой (Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева) – *Методологический дисциплинарный символического описания явлений действительности (посвященный памяти А.Н. Портнова)* и доклад доктора философских наук Т.Б. Кудряшовой (Ивановский государственный химико-технологический университет) – *Воображение как конститутивная негация*.

Секция 1 «**Методологические возможности когнитивистики в активизации и расширении спектра познавательных способностей человека. Когнитивно-антропологические**

проблемы исследования и моделирования сознания» и секция 2 «**Ценности и интересы как когнитивная проблема. Познавательная функция эмоций, страсти, эстетического чувства. Гносеологический потенциал тела»** прошли в Ивановском государственном университете, работа секций 3 и 4 проходила в конференц-зале Ивановского государственного химико-технологического университета.

Ректор ИГХТУ О.И. Койфман, приветствуя участников конференции, выразил глубокое удовлетворение тем, что подобные междисциплинарные конференции, объединяющие ученых разных сфер, проводятся при участии нашего университета. Первый проректор – проректор по научной работе В.А. Шарнин в приветственном слове особо отметил участие молодых ученых в этой конференции и пожелал им успехов в научной работе.

Секция 3 конференции была посвящена **лингвистическим аспектам когнитивной науки, а секция 4 –** обращена к проблемам **социальной когнитивистики и методам когнитивистики в общем контексте методологии образования и науки**. С докладами выступили проф. Иванова Н.К., проф. Михеева Л.Н., кандидат философских наук Петряков Л.Д. (ЯГТУ), кандидат психологических наук Клейман М.Б., кандидат филологических наук Ганина В.В., аспиранты ивановских и других вузов страны и др. Завершилась конференция «круглым столом», на котором обсуждались перспективы исследовательского проекта ИГХТУ по развитию когнитивных способностей студентов.

А. Агафонова

Content

HISTORY AND CULTURE STUDIES

Vichuzhanin R.V., Cleyman M.B. DRAMA THEATRE IN SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT OF IVANOVO.....	95
Ilyina A.V., Shishkina S.G. DEVELOPMENT OF POLITICAL THEATER IN POST WAR SOCIAL SPACE (based on foreign periodicals).....	99
Stolbov V.P. D.I. ZAVALISHIN – HISTORIAN OF THE DECEMBER, 14 1825 EVENTS (to commemorate the 185th anniversary of the Decembrists revolt).....	102
Poluyarova D.N. “A HUMAN BEING WAS INTENDED BY THE DEMIURGE TO LIVE...”: CULTURAL PECULIARITIES OF THE PROVINCIAL ESTATE CHERNTSY-VOROTYNSKIK.....	108
Suverina E.V. DETERMINANTS OF THE H. HESSE’S ARTISTIC THINKING: MADNESS AS THE LANGUAGE OF CULTURE.....	112

PHYLOLOGY AND LINGUISTICS

Lobanova I.V. REGISTRATION OF THE PHONETIC CHARACTERISTICS OF THE GERMAN LANGUAGE IN V. FIETOR PRONUNCIATION DICTIONARY.....	120
Polyakov M.S., Mileyeva M.N. TRAITS OF RUSSIAN MENTALITY IN NABOKOV’S WORKS.....	124

PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY

Zelentsova M.G., Pavlova K.S. SOCIAL-MORAL ASPECTS OF NOOSPHERE.....	132
Kleyman M.B. ON METHODOLOGY AND METHODS OF STUDYING PSYCHOSOCIAL CLIMATE OF SETTLEMENT.....	136

THEORY AND PRACTICE OF TEACHING HUMANITIES

Kostina E.V. BLENDED LEARNING MODEL AND ITS APPLICATION IN FOREIGN LANGUAGES TEACHING.....	141
Nasonova E.A. THE ANALYSIS OF THE INTERPRETATIONS OF THE TERM “LEARNER AUTONOMY”.....	145
Gurina D.L., Sadina S.S., Sirotkin N.A. PHYSICISTS AND LYRIC POETS: INNOVATIONS IN EDUCATION AND UNIVERSAL PERSONALITY.....	153
Malyigin A.A. ITEMS RESPONSE THEORY AS SCIENTIFIC BASIS FOR INCREASING EFFICIENCY OF CONTROL AND EVALUATION PROCESSES IN EDUCATION.....	154

In memorium

On a philosopher. In memorium of A.N. Portnov.....159

Scientific Life Chronicle.....161

Contents..... 162

Abstracts..... 164

List of Authors..... 167

Information for the Contributors..... 168

HISTORY AND CULTURE STUDIES

Vichuzhanin R.V., Cleyman M.B.

DRAMA THEATRE IN SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT OF IVANOVO

Theatre is one of the most important structural units of sociocultural environment of any city, peculiar “point of attraction” for many its citizens, and the city of Ivanovo is not the exception. However the peculiarity of sociocultural environment of this city determined its characteristic features in the XXI century. The authors of the article describe the results of their empirical studies on the drama theatre impact.

Key words: Sociocultural environment, theatre, empirical studies, structural unit, experimental research results.

Ilyina A.V., Shishkina S.G.

DEVELOPMENT OF POLITICAL THEATER IN POSTWAR SOCIAL SPACE (based on foreign periodicals)

The paper deals with the developing genre of theatrical performance – the so-called “political theater”. Study and analysis of the original materials, published in foreign sources of information, enabled to clarify some tendencies in the process of this movement formation which took place after the second World War in Europe and in the USA.

Key words: Theater, genre, development, formation, movement, second World War, post-war atmosphere.

Stolbov V.P.

D.I.ZAVALISHIN – HISTORIAN OF THE DECEMBER, 14 1825 EVENTS (to commemorate the 185th anniversary of the Decembrists revolt)

Among the memorial historical dates of this year, the day of December, 14, 1825, the anniversary of the noblemen-Decembrists revolt is meaningful. The paper is devoted to the encouraging and contradictory figure of D.I.Zavalishin, a historian of the Decembrists movement.

Keywords: Decembrists movement, noblemen, revolt, exile to Siberia, illusions for monachy, transformation of views, enlightenment activity, memoires.

Poluyarova D.N.

“A HUMAN BEING WAS INTENDED BY THE DEMIURGE TO LIVE...”: CULTURAL PECULIARITIES OF THE PROVINCIAL ESTATE CHERNTSY-VOROTYNSKIKH

The biographical aspects of the estate landowners (the Izmailovs, the Mitkovs, the Detlovs) cultural and educational ideas and the process of their realization in the estate Cherntsy-Vorotynskikh are considered in the article, the conclusion about spiritual space formation of the provincial estate is drawn.

Keywords: Cultural and educational ideas, spiritual space, the provincial estate, cultural peculiarities, biographical aspects.

Suverina E.V.

DETERMINANTS OF THE H. HESSE’S ARTISTIC THINKING: MADNESS AS THE LANGUAGE OF CULTURE

The author of the article attempts to realize the phenomenon of madness as the language of culture through the artistic texts written by novelist and poet Hermann Hesse during the times of Weimar Republic (1919 -1933). The article sums up the main ideas of the diploma essay written as a final graduation paper for a Bachelor of Arts degree.

Key words: Madness phenomenon, comprehension, the language of culture, determinants of the artistic thinking.

PHYLOLOGY AND LINGUISTICS

Lobanova I.V.

REGISTRATION OF THE PHONETIC CHARACTERISTICS OF THE GERMAN LANGUAGE IN V. FIETOR PRONUNCIATION DICTIONARY

The paper is devoted to the peculiarities of establishing German pronouncing standards and their codification in the pronunciation dictionary by V. Fietor. The main concepts and structure of the dictionary are described. The impact of this dictionary on German phonetic lexicography is regarded.

Key words: Pronunciation standard, codification, pronunciation dictionaries, phonetic lexicography, variants of pronuneiabion, phonetic alphabet

Polyakov M.S., Mileyeva M.N.

TRAITS OF RUSSIAN MENTALITY IN NABOKOV'S WORKS

A series of Nabokov's prosaic works created abroad in English were analysed to reveal specific Russian traits in them. National realities appeared to exist in his novels, best traditions of Russian literature being kept in foreign surroundings and masterly expressed in English.

Key words: Works of Nabokov, foreign surrounding, Russian mentality, traits of national character, foreign realities.

PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY

Zelentsova M.G., Pavlova K.S.

SOCIAL-MORAL ASPECTS OF NOOSPHERE

In the paper the role of morality in forming a new cosmoplanetary (noospheric) humanity outlook as the necessary condition for solving modern ecological problems is considered.

Key words: Noosphere, social-moral aspects, morality, outlook, problems of ecology.

Kleyman M.B.

ON METHODOLOGY AND METHODS OF STUDYING PSYCHOSOCIAL CLIMATE OF SETTLEMENT

Nowadays the impact of psychosocial factors on the development of urban communities is becoming obvious. While the climate affects the emergence of natural environment within the particular place, psychosocial climate affects the emergence of social environment within the particular community. The paper provides an attempt to discuss some methodological issues of studying this problem.

Keywords: Urban community, psychosocial climate, methodology; method.

THEORY AND PRACTICE OF TEACHING HUMANITIES

Kostina E.V.

BLENDED LEARNING MODEL AND ITS APPLICATION IN FOREIGN LANGUAGES TEACHING

The article deals with an innovative method of foreign languages teaching, its advantages and disadvantages in a classroom. It contains some authors' definitions of the concept. The article defines the role of the teacher in the process of blended learning, the aims and the ways of implementing this approach.

Key words: Innovation, blended learning, face-to-face learning, self-paced learning, collaborative learning, digital natives, digital immigrants, copyright.

Nasonova E.A.

THE ANALYSIS OF THE INTERPRETATIONS OF THE TERM “LEARNER AUTONOMY”

The author of the article draws attention to the concept “learner autonomy” and compares it with the meanings of such terms as “learner independence”, “self-directed learning”, “self-education”, “self-instruction” and “learning competence”.

Key words: Learner autonomy, learner independence, self-education, self-instruction, language learning competence, learning skills.

Gurina D.L., Sadina S.S., Sirotkin N.A.

PHYSICISTS AND LYRIC POETS: INNOVATIONS IN EDUCATION AND UNIVERSAL PERSONALITY

The authors of the paper in terms of traditions of Russian higher school universal education prove especial topicality of humanistic component in training a technical higher school graduate whose formation and activity are realized in the view of market relations and competition.

Key words: Universal education, traditions of Russian higher school, humanistic component, market relations, competition.

Malyigin A.A.

ITEMS RESPONSE THEORY AS SCIENTIFIC BASIS FOR INCREASING EFFICIENCY OF CONTROL AND EVALUATION PROCESSES IN EDUCATION

In the article the problems connected with increasing efficiency of control and evaluation processes in education are considered. The key role of objective evaluation, the basis of which is the items response theory, is emphasized. Substantiations for the benefit of choosing computer-based adaptive testing are given.

Key words: Efficiency of control in education, Items Response Theory, pedagogical measurements, computer-based adaptive testing.

Список авторов

1. **Вичужанин Роман Викторович** – магистрант кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета, (E-mail: filosof@isuct.ru) 95
2. **Гурина Дарья Леонидовна** – магистрант факультета фундаментальной и прикладной химии Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: hist@isuct.ru) 150
3. **Зеленцова Марина Григорьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: filosof@isuct.ru) 132
4. **Ильина Анастасия Викторовна** – магистрант кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: hist@isuct.ru) 99
5. **Клейман Марк Борисович** – кандидат психологических наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: filosof@isuct.ru) 95, 136
6. **Костина Елена Витальевна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: ino@isuct.ru) 141
7. **Лобанова Ирина Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: ino@isuct.ru) 120
8. **Малыгин Алексей Александрович** – старший преподаватель кафедры прикладной математики Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: a_malygin@mail.ru) 154
9. **Милеева Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: ino@isuct.ru) 124
10. **Насонова Евгения Александровна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: ino@isuct.ru) 145
11. **Павлова Екатерина Сергеевна** – аспирант кафедры философии Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: filosof@isuct.ru) 132
12. **Полуярова Дина Николаевна** – старший преподаватель кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: hist@isuct.ru) 108
13. **Поляков Максим Сергеевич** – аспирант института неорганической химии им. А.В. Николаева Сибирского отделения РАН (E-mail: ino@isuct.ru) 124
14. **Садина Светлана Семёновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: hist@isuct.ru) 150
15. **Сироткин Николай Александрович** – магистрант факультета фундаментальной и прикладной химии Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: hist@isuct.ru) 150
16. **Столбов Вячеслав Павлович** – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономических теорий Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: stolbov@isuct.ru) 102
17. **Суверина Екатерина Викторовна** – магистрант Российского государственного гуманитарного университета (E-mail: hist@isuct.ru) 112
18. **Шишкина Светлана Григорьевна** – кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Ивановского государственного химико-технологического университета (E-mail: ino@isuct.ru) 99

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Приглашаем вас опубликовать свои статьи в новом научном журнале «*Известия высших учебных заведений. Серия гуманитарные науки*», издаваемом на базе гуманитарного факультета ИГХТУ.

К публикации принимаются статьи (объемом 10 000 – 20 000 печатных знаков) и материалы (до 10 000 печатных знаков) по *отечественной и всеобщей истории, археологии, культурологии и истории искусств, философии, психологии, лингвистике и межкультурной коммуникации,*

филологии и литературоведению; информация о научных конференциях с участием вузовских преподавателей.

Направляемые материалы должны иметь несомненную новизну, ярко выраженный исследовательский компонент, теоретическое и практическое значение, четко сформулированные выводы, отражающие основные результаты исследования.

Периодичность издания журнала «*Известия высших учебных заведений. Серия гуманитарные науки*» 4 выпуска в год.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

Статьи должны быть представлены в электронном виде в формате MS WORD/Doc (или RTF) и на бумажном носителе (1 экз.).

Интервал – одинарный, поля – по 2 см со всех сторон, отступ (красная строка) – 1.5 см

Шрифт – 14 (Times New Roman)

Функция «Расстановка переносов» – выключена.

Первая страница статьи должна содержать название, фамилии и инициалы авторов, ученую степень, ученое звание, полное наименование должности и места работы; адреса электронной почты, аннотацию и ключевые слова (5-6 ключевых слов или словосочетаний) – **на русском и английском языках.**

Иллюстрации должны иметь порядковый номер и названия. В тексте должна быть ссылка на каждый рисунок, схему или график. Необходимо указывать источник всех использованных при создании графического объекта данных. Схемы, диаграммы, графики, должны быть построены с помощью Microsoft Excel и представлены отдельными файлами. Рисунки, выполненные с использованием графических редакторов, должны быть сгруппированы. Растровые изображения должны быть присланы отдельными файлами с расширением tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к иллюстрациям в тексте статьи должны выполняться в местах их расположения полужирным шрифтом.

Таблицы должны располагаться в тексте статьи и их ширина не должна превышать текстового поля страницы. На каждую таблицу

в тексте должна быть ссылка, т.е. в скобках указывается номер таблицы и используется сокращение слова «таблица» (табл. 1). Оформление таблиц должно соответствовать следующим нормам: слово «Таблица» располагается справа и ставится ее порядковый номер. На следующей строке по центру полужирным шрифтом приводится название таблицы. Каждая строка и столбец таблицы должны иметь название.

Сноски с последовательной нумерацией указываются **только в конце статьи**, перед списком литературы.

Список литературы – в конце статьи, с нумерацией по алфавиту (ГОСТ 7.05-2008).

В ссылках на электронный ресурс обязательно указание режима доступа и времени обращения.

Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Статьи направлять по адресу:

ino@isuct.ru с указанием темы «Известия вузов».

Ответственный секретарь журнала – доц. кафедры иностранных языков ИГХТУ С.В. Мощева (89109938845).

Главный редактор – профессор Н.К. Иванова (89023188971).